
СССР И ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАН ЕВРОПЫ

Стратегические цели советской внешней политики в 1944 г.

В начале 1944 г. решающим фронтом Второй мировой войны оставался советско-германский. Красная армия доказала, что сможет завершить задачу освобождения территории СССР, не дожидаясь активных боевых действий союзников в Европе. 26 марта 1944 г. войска 3-го Украинского фронта первыми вышли на советскую государственную границу — реку Прут близ города Унгены в Молдавии, а 8 апреля Красная армия подошла к границе СССР с Чехословакией.

Высадившиеся в июне 1943 г. на Сицилии войска союзников медленно продвигались с юга на север Италии. Им понадобился год, чтобы дойти до Рима. В июне 1944 г. итальянское правительство П. Бадольо, разорвавшее союз с фашистской Германией, объявило Рим «открытым городом», в который вошли войска союзников, но на севере страны все еще сохранялось германское военное присутствие.

6 июня 1944 г. войска западных союзников начали операцию «Оверлорд» в Нормандии, на побережье Ла-Манша. Второй фронт на западе Европы, наконец, был открыт.

В июне 1944 г. в ходе грандиозной Белорусской операции Красная армия продвинулась на запад на 550–600 км, освободив Белоруссию и восточную часть Польши до Вислы. 17 августа советские войска подошли к границе с фашистской Германией в Восточной Пруссии и вступили на территорию Польши. 4 сентября вышла из войны Финляндия, оставившая захваченные ею Карельский перешеек и Выборгскую область. 8 сентября части Красной армии переправились через Дунай и, не встретив сопротивления, вошли в Болгарию. 9 сентября было заключено соглашение о перемирии с Румынией, и румынская армия приняла участие в освобождении Венгрии и Югославии уже на стороне Объединенных Наций. 23 сентября начались тяжелые бои в Венгрии. 28 сентября Красная армия при содействии болгарских и югославских войск прорвала оборонительные укрепления вермахта на границе Болгарии с Югославией и завязала бои на югославской территории. В октябре 1944 г. довоенная государственная граница СССР была восстановлена на всем ее протяжении, и Красная армия продолжила освободительный поход в Восточной Европе.

Но на фоне этих успехов антигитлеровской коалиции, в конце 1944 — начале 1945 г. союзников ожидали два неожиданных по силе контрудара германских сил. На стыке франко-бельгийско-германской границы в Арденнах танковые дивизии СС сломили сопротивление союзников и перешли в наступление. Красная армия тогда же вела тяжелые бои против германских и венгерских войск между озером Балатон и Будапештом, а в Польше перегруппировывала силы, готовясь к новому наступлению на Варшаву.

Высадка американских войск в Нормандии

Оказание медицинской помощи солдатам 1-й пехотной дивизии США возле Кольвиль-сюр-Мер

Тела солдат 1-й американской пехотной дивизии на побережье Нормандии
в месте высадки «Омаха»

Группа пленных немцев под охраной канадского солдата

210-мм орудие береговой батареи «Маркуф», захваченное частями 9-й американской пехотной дивизии в Нормандии

Захваченный в Нормандии американцами немецкий радар

В этой обстановке одной из первоочередных задач советской внешней политики было обеспечение оптимальных международных условий для скорейшего разгрома фашистской Германии и прежде всего сохранение взаимопонимания с союзниками, их поощрение к активным наступательным действиям во Франции. В беседах и переписке В. М. Молотова с послами и руководителями, координирующими внешнюю политику США и Великобритании, как и в контактах И. В. Сталина с главами союзных держав, постоянно звучали напоминания о впечатляющих успехах Красной армии. Было ясно, что судьба послевоенной Европы будет зависеть от вклада каждого из союзников в победу над Германией.

Долгосрочной стратегической целью, нуждавшейся в немедленной проработке, было утверждение континентального и геополитического могущества СССР на длительный послевоенный период. А для этого требовалось закрепить плоды военных успехов, не дать англо-американским союзникам отстранить СССР от общего послевоенного урегулирования в Европе и обеспечить оптимальные условия последующей безопасности СССР на континенте благодаря территориальным преобразованиям вдоль западной границы и путем создания дружественных СССР правительств от Балтики до Адриатики.

В соответствии с этими стратегическими задачами можно выделить четыре направления советской внешней политики, характерных для 1944 г.:

1) поощрять к выходу из войны союзников Германии (Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария);

2) обеспечить дипломатические и политические условия для восстановления суверенитета восточноевропейских стран (народов), оккупированных захватчиками (Польша, Чехословакия, Югославия), в интересах Советского Союза, включая территориальные преобразования, и одной из сложнейших задач являлась нейтрализация польского правительства в Лондоне, занимавшего антисоветскую позицию;

3) при сохранении благоприятного климата внутри Объединенных Наций не допустить отстранения СССР от решения важнейших вопросов послевоенного урегулирования в Южной, Западной и Северной Европе (Греция, Италия, Франция, Норвегия);

4) по мере приближения к границам гитлеровской Германии обеспечить советские интересы в решении германской проблемы.

Неотъемлемой частью вопроса освобождения Европы было политическое урегулирование, которое у советского руководства подчинялось прежде всего геополитическим интересам и соображениям. Это была политика возможного, учитывающая соотношение сил союзников и внутреннюю расстановку сил и настроений в стране. Ярким примером может служить различие подходов союзников к политическим преобразованиям в Восточной Европе и странах Северной и Западной Европы — в Норвегии, Финляндии, Франции, Италии, Бельгии, а на юге-востоке Европы — в Греции.

Советская дипломатия в 1944 г. действовала в беспрецедентных условиях. Решающие победы в 1943 г., мощь и боевое оснащение Красной армии возвели СССР в ранг ведущей военной силы антигитлеровской коалиции, что открывало небывалые возможности для реализации самых смелых стратегических замыслов Москвы. Определяющий вклад в победу над фашистской Германией и громадные мобилизационные возможности превращали Советский Союз в одного из трех мировых лидеров, способного отстаивать собственный проект послевоенного мира, прежде всего устройство послевоенной Европы, что создавало благоприятные перспективы для решения исторических задач отечественной внешней политики. В Европе к ним относились: установление дружественных режимов для обеспечения безопасной границы от Балтики (включая признание вхождения трех балтийских государств в СССР) до Адриатики, укрепление позиций на Балканах, свободный выход в Средиземное море (пересмотр режима проливов).

Выполнение небывалых по широте, многообразию и значимости задач требовало от дипломатов огромного напряжения сил, интеллектуальной мобилизации, неустанной работы в срочном режиме, принятия тщательно обоснованных решений, поскольку от них зависели и международное положение СССР, и будущее Европы как в ближайшей, так и

в долгосрочной перспективе. Планируя деятельность внешнеполитического ведомства, И. М. Майский, 11 января 1944 г. отозванный с должности посла в Лондоне¹ и назначенный заместителем наркома, представил В. М. Молотову записку «О желательных основах будущего мира»².

Долгосрочную стратегическую цель советской дипломатии И. М. Майский видел в «создании такого положения, при котором в течение длительного срока (автор записки определил его минимум в 30 лет, а максимум в 50 лет, измерив жизнью двух поколений) были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира в Европе и Азии». Дипломатия должна была работать над тем, «чтобы СССР мог стать столь могущественным, что ему уже не страшна была никакая агрессия в Европе и Азии, и чтобы никакой державе или комбинации держав даже в голову не могло прийти такое намерение»³.

Однако масштабы политического и социального переустройства Европы в планах И. В. Сталина были несколько иными, сужаясь до границ возможного, и определялись ситуацией на местах. Поэтому наряду с сохранением идеологического дискурса советских дипломатических документов (особенно на, подобно записке И. М. Майского, предназначались для внутреннего пользования) советские дипломаты сознательно приглушали в отношениях с союзниками классовые мотивы своей политики. Здесь много значил опыт сравнительно недавнего прошлого, поскольку идеологический раскол помешал участию Советской России в мирном урегулировании после Первой мировой войны. В НКВД СССР учитывали уроки длительного исторического соперничества с западными державами на европейской периферии, особенно вблизи черноморских проливов, на Балтике и Балканах.

В свете новых задач и открывшихся возможностей возросла роль международной аналитики и прогнозирования. Еще в сентябре 1943 г. была создана Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства при Наркомате иностранных дел (комиссия М. М. Литвинова) с привлечением специалистов-консультантов по отдельным странам и проблемам. В ее работе принимали участие два заместителя В. М. Молотова — С. А. Лозовский и Д. З. Мануильский, опытные дипломаты Я. З. Суриц и Б. Е. Штейн, ведущие историки-международники (в частности, академик Е. В. Тарле), которым поручались подробнейшие академические экскурсии в историю рассматриваемых вопросов.

В феврале 1944 г. М. М. Литвинов представил список вопросов, подлежавших изучению. Касательно стран, захваченных или союзных фашистской Германии, стояла проблема создания новой власти. Против соответствующих пунктов в отношении Польши, Финляндии, Венгрии В. М. Молотов поставил знаки вопроса. Другие страны сомнений тогда (в феврале 1944 г.) в этом отношении у наркома не вызывали⁴. 25 марта 1944 г. М. М. Литвинов заметил: «Наша комиссия с одобрения правительства должна готовить свою работу, игнорируя пока возможность серьезных социальных переворотов в Европе и исходя из существующего строя»⁵.

Все «записки к обсуждению» в комиссии М. М. Литвинова представляли собой развернутое изложение более чем вековой истории соответствующего вопроса, в центре которой лежали соперничество России с западными державами, особенно с Великобританией и Францией, а также русско-турецкие противоречия и сложности решения польского и восточного вопросов. Тем не менее практические выводы и рекомендации, как правило, не столько вытекали из исторического опыта, сколько определялись военными победами и исходили из беспрецедентной ситуации — союзничества, основанного на непререкаемом превосходстве Красной армии. Так, союзники не стали вступать в обсуждение вопроса о восстановлении советского суверенитета над тремя Прибалтийскими республиками, несмотря на принципиальное несогласие с их присоединением к СССР в 1940 г. Советский посол в США А. А. Громыко в июле 1944 г. в записке «К вопросу о советско-американских отношениях» успокоил свое руководство на этот счет: «Правительство Рузвельта считает, что вопрос о Прибалтийских странах решится сам собой при освобождении этих стран Красной армией»⁶.

Хотя поддержание согласия внутри Объединенных Наций требовало определенной гибкости, советская линия как по отношению к союзникам фашистской Германии, так и к его

жертвам была подчинена неумолимой логике, определенной стратегическими интересами Советского государства. Советская внешняя политика благодаря одержанным победам, но, главное, в интересах окончательного разгрома фашистского блока обрела новый для нее стиль, руководствуясь прежде всего державными интересами.

В Вашингтоне отметили этот новый акцент, назвав его «тенденцией к национализму»⁷. На том же приоритете общей победы над врагом, который отодвигал на второй план идеологический раскол между союзниками, настаивал У. Черчилль. В личном послании В. М. Молотову в отношении политических перспектив Италии и Югославии он писал в апреле 1945 г.: «Несмотря на мои политические взгляды... я не позволяю ничему становиться на пути между британской политикой и высшей целью, а именно целью поражения гитлеровцев и изгнания их с территорий, которые они подчинили себе. Мое отношение к маршалу Тито и Ваше отношение к маршалу Бадольо дают мне уверенность, что наши взгляды на эти основные цели, а также подчинение им идеологических вопросов являются делом, по которому мы можем договориться»⁸.

В ответе, отправленном 22 апреля 1944 г., В. М. Молотов выразил полное согласие с премьер-министром: «Несмотря на известное различие политических взглядов у руководящих кругов наших стран, мы действительно можем договориться по основным вопросам, которые встают перед нами, помня, что мы — союзники в главном и основном вопросе об обеспечении поражения гитлеровской Германии и об освобождении от гитлеровцев захваченных ими территорий, а также о том, что мы твердо решили наладить наше сотрудничество в послевоенный период»⁹.

Следует отметить, что на этом фоне тон советской дипломатии в 1944 г. не оставался неизменным, испытывая влияние как военной, так и международной обстановки, которая зависела прежде всего от положения на фронтах. Так, в первой половине 1944 г. в связи с крайней заинтересованностью в обещанном и намеченном на июнь открытии второго фронта во Франции в отношениях с союзниками преобладала кооперативная логика, в духе которой СССР как член Объединенных Наций относил себя к демократическому миру, но подобная самоидентификация имела двойственный смысл. Для реализации политических целей послевоенного урегулирования в Восточной Европе советская дипломатия активно использовала в своих интересах противопоставление демократических держав — членов антигитлеровской коалиции странам фашистского блока. Однако главным критерием принадлежности демократическому лагерю в войне, разумеется, была не внутренняя либерализация режима, но решимость уничтожить германский нацизм и его союзников.

Встречной «предупредительностью» в рассматриваемый период была отмечена политика союзников в отношении Москвы. У. Черчилль и Ф. Рузвельт были заинтересованы в том, чтобы по завершении наступательной операции конца 1943 г., увенчавшейся освобождением Правобережной Украины и Крыма, Красная армия не ослабила своих наступательных усилий вне границ СССР. Этот сценарий был тем более возможен, что в Москве не скрывали разочарования в связи с затяжкой открытия второго фронта. Но замедление активных боевых действий на Востоке поставило бы под удар операцию «Оверлорд» — высадку союзников в Нормандии¹⁰.

Таким образом, с весны до конца лета 1944 г. в отношениях между тремя великими державами преобладало стремление к согласию, фоном которого, однако, было взаимное недоверие: «СССР, сражающийся за свою жизнь против врага, оказавшегося также врагом США и Великобритании, может быть совсем не похож на СССР, когда он почувствует себя достаточно сильным, чтобы не нуждаться в услугах со стороны США или Великобритании»¹¹.

У. Черчилль проявлял беспокойство о том, что вступление советских войск в страны Центральной и Юго-Восточной Европы приведет к ослаблению позиций Англии в регионе, и предпринимал все усилия, чтобы обеспечить британские интересы, отстаивая политическую легитимность эмигрантских правительств, нашедших убежище в Лондоне.

По сути, речь в данном случае шла больше чем о классических сферах влияния — о возможности распространения советского влияния в зоне, которая прежде для Запада была

Партизаны бригады им. К. Е. Ворошилова и бойцы Красной армии на улице освобожденного Гомеля

Дети у руин дома в белорусской деревне Лозоватка

Красноармейцы в освобожденной деревне выравнивают дорогу

Колонна немецкой техники, уничтоженная под Бобруйском

буфером между СССР и Европой. Действительно, по мере продвижения Красной армии в Центральной и Восточной Европе к военной и дипломатической стратегии добавлялась советская политическая стратегия, нацеленная на установление не только дружественных, но и родственных режимов. Классовые и идеологические соображения здесь были неразрывны с задачей обеспечения послевоенной безопасности СССР. Индикатором этой смены приоритетов служил подход руководства Советского Союза к решению польского вопроса.

Сложные политические процессы, связанные с ликвидацией гитлеровского «нового порядка» в поработанной фашистской Германией Европе, советское руководство рассматривало прежде всего с точки зрения собственных государственных интересов, что не могло не осложнить отношений с Лондоном и Вашингтоном. В документах, полученных из Вашингтона и датированных февралем 1944 г., содержатся секретные материалы Госдепартамента США, в которых анализировалась «доктрина Монро по-советски... в смысле сфер безраздельного влияния». Досье было передано комиссии М. М. Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства.

В материале указано, что «хотя основные принципы стратегии и тактики марксизма-ленинизма являются универсальными по своему характеру, в практике они действуют в основном в зоне безопасности Советского Союза... Как часть борьбы против империализма Москва защищает марксистскую теорию, что народы могут осуществить реальное самоопределение только тогда, когда они свергнут капиталистических эксплуататоров... В соответствии с этим «федерация советских народов» должна расширяться как освободительная сила, а Красная армия рассматривается как классовое оружие для освобождения народа. Последняя тенденция к национализму в Советском Союзе может только подчеркивать позицию советского господства в Восточной Европе. Советский Союз рассматривает себя протектором государств или народов Восточной Европы, в частности славян, в интересах собственной безопасности. Включение государств, подобно Эстонии, Латвии и Литвы, в Советский Союз и недавние сообщения об изменениях в советской конституции, предоставляющей автономию союзным республикам в военных и иностранных делах, выдвигают возможность проведения экспансионистской программы, в которой степень советского уважения прав и независимости других европейских государств будет определяться самим советским правительством более или менее односторонне»¹².

Знакомство с этим документом было очень важным для руководителей советского внешнеполитического ведомства. Он подтверждал, что западные союзники строили свою политику тесного военно-политического сотрудничества с СССР в отношении третьих стран, прогнозируя и принимая как абсолютную данность классовую природу политической стратегии Москвы, и потому степень их возможного противодействия этой стратегии зависела от соотношения сил и заинтересованности в главном направлении борьбы против общего врага.

В тот момент советская дипломатия имела явные преимущества: военные трудности союзников во Франции, усугубившиеся зимой 1944–1945 г. на фоне начала нового наступления советских войск в Восточной Европе, а также жизненная заинтересованность Великобритании и США во вступлении СССР в войну против Японии после разгрома фашистской Германии.

Опытный дипломат И. М. Майский, планируя курс советской дипломатии на 1944 г., считал возможным в отношении Японии проводить политику, зеркальную той, которой придерживались англо-американские союзники в первые годы войны СССР против фашистской Германии. Он считал стратегически необходимым для СССР разгром Японии, но хотел, чтобы сделано это было за счет союзников и их силами. Возможное вступление СССР в войну с Японией, которую уже вели англо-американцы, было для советской дипломатии дополнительным козырем в сложной геополитической игре.

СССР тоже были необходимы хорошие отношения с союзниками, прежде всего исходя из военных потребностей. Их помощь вооружением, военной техникой и гуманитарными грузами была важна как для фронта, так и для восстановления разрушенных войной районов.

Вопрос о военных и товарных поставках постоянно звучал в беседах наркома иностранных дел В. М. Молотова с послами США и Великобритании А. Гарриманом и А. Керром. Планируя курс советской внешней политики на период освобождения и первые послевоенные годы, заместитель наркома И. М. Майский писал о значении долгосрочного экономического и технического сотрудничества с англо-американскими союзниками, считая тактически выгодным незамедлительное начало соответствующих переговоров: «США и Англия при известных условиях могут быть чрезвычайно важным источником помощи СССР в деле послевоенного восстановления. Переговоры по данному вопросу не следовало бы откладывать на послевоенное время, ибо сейчас, когда англичане и американцы находятся еще под «гипнозом» военной атмосферы, они могли бы легче пойти на известные уступки, чем позднее, когда в силу вступит обычная торгашеская психология мирного времени. К тому же в настоящий момент наши западные союзники испытывают некоторые «угрызения совести» ввиду недостаточности своей военной помощи СССР»¹³.

Следует оговориться: содержание, приоритеты и, главное, цели послевоенного сотрудничества в Москве и Вашингтоне видели по-разному. Стратегия США была направлена на скорейшее восстановление либерального экономического порядка, одним из основных инструментов которого являлась международная валютная система под эгидой доллара. Поскольку принципиальные вопросы мирового послевоенного устройства решались согласием большой тройки, в послании от 25 февраля 1944 г. президент Ф. Рузвельт сообщал И. В. Сталину об американском плане создания механизма международной валютной стабилизации и интересовался его отношением к этому.

Ответы И. В. Сталина и В. М. Молотова свидетельствовали о том, что в Москве не было выработано стратегическое видение проблемы послевоенного валютного регулирования. Советская дипломатия имела иные приоритеты. Изначально рамки экономического сотрудничества в глазах советских руководителей предусматривали экономическое и технологическое содействие американских союзников послевоенному восстановлению СССР без каких-либо элементов интеграции. Соответственно, глава советского правительства не планировал ни реинтегрировать советскую экономику в мировую систему, ни участвовать в американском проекте. Поэтому ответ И. В. Сталина носил формальный характер и свидетельствовал об отсутствии какого-либо интереса к делу.

В том же ключе рассматривался вопрос об отношении советского руководства к плану Г. Morgентау по созданию Международного валютного фонда, из которого вскоре родилась международная валютная система Бреттон-Вудс¹⁴. В апреле 1944 г. А. Гарриман запросил у В. М. Молотова разъяснения официальной позиции Москвы по этому вопросу, поскольку вскоре было назначено его обсуждение в комиссии конгресса. 20 апреля В. М. Молотов вызвал А. Гарримана, который в тот же день по этому вопросу беседовал с наркомом финансов А. Г. Зверевым. В. М. Молотов вручил послу США заявление советского руководства, специально оговорив, что оно предназначено только правительству США. К большому удовлетворению американской стороны, вопрос был решен в пользу Вашингтона. Советская сторона давала карт-бланш американским союзникам по реализации плана Г. Morgентау, сопроводив свое согласие беспрецедентным свидетельством доверия: «Откровенно говоря, правительство СССР еще не успело изучить его основные положения, однако если правительству США необходимо иметь голос СССР для обеспечения должного эффекта во внешнем мире, то советское правительство согласно дать распоряжение своим экспертам, чтобы они солидаризировались с проектом г-на Morgентау»¹⁵.

В приоритетных для себя вопросах советская дипломатия бдительно следила за соблюдением интересов СССР, не желая быть отстраненной от мирного урегулирования в Европе — в странах, оставшихся вне зоны боевых действий Красной армии, как это случилось в Норвегии и Италии, которые в представленном комиссией М. М. Литвинова плане послевоенного устройства были отнесены к нейтральной сфере. В ту же зону должны были войти Дания, Германия и Австрия, «с которыми обе стороны сотрудничают на одинаковых основаниях при постоянной между собой консультацией»¹⁶.

А. Г. Зверев

Непременным условием реализации советских планов было участие Москвы в обсуждении всех вопросов военного и политического урегулирования, независимо от того, входила ли страна в зону боевых действий Красной армии. В принципе, взаимодействие с союзниками в отношении освобождаемых стран определялось договоренностями, достигнутыми в Тегеране относительно действий союзных главнокомандований в период так называемой «первой фазы», когда освобожденные районы входили в зону боевых действий. С одной стороны, подобный подход предоставлял советским руководителям все возможности решать вопросы суверенитета в освобождаемых Красной армией странах в своих интересах явочным порядком. Но с другой — существовала опасность, что Советский Союз, несмотря на свою огромную роль в общей победе, будет отстранен от решения судьбы западной части Европы.

Не менее настойчиво советская внешняя политика боролась за участие СССР в обсуждении всех проблем мирного урегулирования в освобожденных районах Европы. В ответ на сообщение о подписании англо-норвежского соглашения в обход Европейской консультативной комиссии (союзники сослались при этом на решения Московской конференции) 28 февраля 1944 г. В. М. Молотов сделал представление послу Великобритании А. Керру о передаче англо-норвежского соглашения на рассмотрение ЕКК в Лондоне с участием советского представителя.

Ответ от англо-американских союзников был представлен В. М. Молотову 19 марта 1944 г. послом США А. Гарриманом. Он сослался на пункт 14 протокола Московской конференции, в котором говорилось, что все вопросы, касающиеся периода военных операций на освобожденных территориях, не передаются ЕКК, а находятся в ведении военного командования. «Эти мероприятия во время первой, военной фазы (до разгрома Германии) носят оперативный характер. В этой фазе обмен мнениями и информацией должен производиться по дипломатическим каналам, а не в консультативном органе»¹⁷.

Отстаивая свою точку зрения относительно судьбы польского правительства в изгнании в беседе с А. Гарриманом 3 марта 1944 г., И. В. Сталин заметил: «Лондонские поляки, видимо, считают нас дураками». К осени 1944 г., во многом опять же в связи с обострением

польского вопроса, тон советской дипломатии ужесточился, что заставило американского посла предупредить Вашингтон об изменении настроений в Москве. Свои наблюдения он изложил в письме к Г. Гопкинсу: «Я думаю, что те, кто возражает против такого сотрудничества, которое мы ожидаем, в последнее время одерживают верх и политика кристаллизуется в сторону того, чтобы заставить нас и британцев принять все советские шаги, подкрепляемые силой и престижем Красной армии. Требования по отношению к нам все более возрастают... В общем отношении к нам выглядит таким, что мы якобы обязаны помогать России и признать ее политический курс потому, что Россия выиграла для нас войну»¹⁸.

Активизация действий союзников и их успехи на Европейском театре военных действий поставили на повестку дня советской внешней политики новые задачи. Речь шла о том, чтобы добиться соблюдения своих интересов при заключении соглашений с правительствами освобожденных союзниками стран Западной и Северной Европы. 3—4 марта 1944 г. ЕКК в Лондоне обсуждался британский проект соглашения с правительством Норвегии. Комиссия К. Е. Ворошилова «признала необходимым изменить проект в том смысле, чтобы он являлся не двусторонним, а трипартийным, с участием Соединенного Королевства, СССР и Норвегии», поскольку все эти три державы являются особо заинтересованными в освобождении Норвегии»¹⁹. Это было особенно важно в свете готовившихся изменений советско-финляндской границы, в результате которых СССР получал небольшой участок общей границы с Норвегией.

В то же время были предложены изменения в британские проекты соглашений с Нидерландами и Бельгией, освобождаемыми союзными экспедиционными силами. Они были изложены на заседании комиссии К. Е. Ворошилова 11 марта 1944 г., которая пришла к заключению, что в отличие от договора с Норвегией соглашения с Бельгией и Нидерландами должны быть двусторонними, заключенными только с британцами, и не выдвигала требования трехстороннего утверждения. Участие советской дипломатии в выработке этих соглашений ограничивалось их предварительным обсуждением в ЕКК. Все предусмотренные этими соглашениями мероприятия должны были «содействовать быстрому изгнанию немцев из Нидерландов и окончательной победе союзников» и никоим образом не затрагивали суверенитета нидерландского правительства²⁰. Ту же позицию советская сторона занимала и в отношении Бельгии, только с той разницей, что в заключении комиссии отсутствовало указание на суверенитет бельгийского правительства, но содержалось положение: «Как только и в такой степени, как, по мнению главнокомандующего, военное положение позволит бельгийскому правительству принять на себя ответственность за гражданское управление, он соответственно нотифицирует об этом надлежащим представителям бельгийского правительства»²¹.

В советских поправках к британскому проекту предлагалось заменить представителей Бельгийской военной миссии (бельгийских офицеров связи) в качестве посредников между главнокомандующим и бельгийским правительством представителями последнего. Эти поправки имели принципиальное значение и отражали стремление Москвы не допустить контроля англо-американского командования над послевоенной западноевропейской политикой. Кроме того, советская дипломатия стремилась к устранению консервативных элементов из политической жизни западноевропейских стран после освобождения. Принимая во внимание широкое участие довоенной политической элиты в коллаборационистском правительстве, советский проект содержал отсутствующее в британском варианте указание на обязанность главнокомандующего принять в опоре на бельгийских патриотов меры по устранению и обезвреживанию «местных фашистов, квислингов и иных немецких пособников»²².

Отстаивание прав державы-победительницы, то есть члена директории, решающей политическую судьбу послевоенной Европы, являлось необходимой задачей советской внешней политики, что проявилось в решении итальянского вопроса. Поскольку военные действия на Апеннинском полуострове велись англо-американскими союзниками, в первые месяцы после подписания перемирия с правительством П. Бадольо Москва не могла вмешиваться в вопросы обращения с Италией. Между тем в начале года Ш. де Голль выдвинул требование о

включении в состав СКК в Италии представителей ФКНО, и 15 января 1944 г. В. М. Молотов поставил перед А. Гарриманом вопрос о подключении к ее работе и советских представителей. А. Гарриман заметил, что «это вызвало в США удивление», но нарком пояснил: требование СССР совершенно естественно, поскольку это Комиссия Объединенных Наций²³.

Разговор с А. Гарриманом происходил менее чем через неделю после пятого заседания Консультативного совета по вопросам Италии с участием А. Я. Вышинского, который посетил Сицилию и Сардинию, познакомился, как было указано в сообщении ТАСС, с официальными и неофициальными лицами — от самого П. Бадольо и членов его правительства до руководителей «различных союзных организаций»²⁴. Выводы, которые А. Я. Вышинский сделал, на месте оценив положение в стране и потенциальные политические возможности коммунистов, имели к постановке вопроса самое прямое отношение. К тому же стремление Москвы к установлению непосредственных отношений с правительством П. Бадольо совпало с интересами главы итальянского правительства. Оно стремилось упрочить собственные позиции на освобожденной территории, а прямые отношения с Москвой могли стать залогом лояльности партизанских сил, возглавляемых коммунистами. Кроме того, СССР не был заинтересован во всевластии военного командования союзников, что также создавало дополнительные дипломатические возможности для укрепления позиций итальянского правительства в том, что касалось управления Италией уже в «первой фазе».

7 марта 1944 г. итальянское правительство обратилось к Москве с просьбой об установлении непосредственных отношений, и уже 11 марта маршал П. Бадольо получил официальное согласие советского правительства²⁵. Союзники представили Москве свои претензии относительно признания Советским Союзом нового итальянского правительства П. Бадольо, которое было сочтено односторонним и преждевременным.

13 марта британский посол А. Керр зачитал В. М. Молотову послание своего правительства, в котором говорилось, что решение Москвы об установлении фактических отношений с Италией и об обмене представителями с правительством П. Бадольо без консультаций с союзниками «подорвало бы всю основу Консультативного совета и Союзной контрольной комиссии». 19 марта А. Гарриман изложил и представил точку зрения американского правительства. Он указывал на ограниченный суверенитет правительства П. Бадольо, которому не полагалось вступать в какие-либо соглашения или взаимоотношения с Объединенными Нациями или нейтральными державами без согласия союзного главнокомандующего, поскольку в Италии велись боевые действия. В тот период союзный главнокомандующий на Средиземноморском театре считался верховной властью на освобожденной территории Италии²⁶.

В. М. Молотов на эти претензии ответил: «Наше положение в Италии не было равноправным». В частности, вопрос об отречении короля не обсуждался союзниками в присутствии советского представителя в СКК, а подобные решения должны были обсуждаться не только между англо-американцами, но и между тремя союзниками²⁷. В НКВД был составлен меморандум правительства СССР правительству Великобритании, в котором давалось разъяснение советской позиции: «Не имея прямого контакта с итальянским правительством, советское правительство находилось в неравном положении по сравнению со своими союзниками и выступает за совместное с союзниками рассмотрение вопроса о реорганизации и улучшении итальянского правительства». По мнению Москвы, требовалось «предпринять шаги к объединению всех демократических и антифашистских сил освобожденной Италии»²⁸.

Предмет озабоченности Советского Союза — реорганизация итальянского правительства — позволяет понять мотивы столь быстрой реакции на запрос П. Бадольо. Одним из стимулов была история с разделом захваченного союзниками итальянского флота, которая научила советскую сторону, что, будучи отстраненной от решения вопроса, она затем окажется в положении просителя. Но еще важнее были опасения чрезмерного послевоенного усиления британцев в Средиземноморье. Для этого желательно было обеспечить в Италии правительство, сильное благодаря поддержке всех демократических — антигерманских и антифашистских сил, в том числе коммунистов. Представители ИКП имели шансы занять

прочное положение в итальянском правительстве — место, завоеванное активным участием в антифашистском Сопротивлении.

30 марта в «Известиях» вышла редакционная статья «Итальянский вопрос», в которой отмечалось, что «улучшение состава» правительства П. Бадольо и «расширение его базы в направлении демократизации» является неотложной задачей.

16 апреля заместитель главы НКВД А. Я. Вышинский дал пресс-конференцию по итальянскому вопросу, на которой изложил содержание советских представлений на этот счет правительствам Англии и США. А. Я. Вышинский отметил, что и через семь месяцев после заключения перемирия с Италией в стране не создано объединения демократических и антифашистских сил и продолжается соперничество между правительством П. Бадольо и Постоянной исполнительной джунтой. Советское руководство обратилось к англо-американским союзникам с предложением рассмотреть в Консультативном совете по делам Италии вопрос о включении в правительство П. Бадольо «представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма», не называя, но прямо подразумевая в первую очередь коммунистов. Установление полноценных прямых отношений между СССР и правительством П. Бадольо должно было обеспечить благоприятное международное сопровождение политики внутреннего единства.

Непосредственное отношение к этим демаршам имело и возвращение в Италию секретаря итальянской компартии П. Тольятти, 28 марта прибывшего в Неаполь. Перед отъездом, ночью с 3 на 4 марта, лидер итальянских коммунистов выслушал советы И. В. Сталина, настаивавшего на необходимости создания в Италии единого фронта антифашистских сил, что требовало от ИКП серьезного изменения тактики. П. Тольятти рекомендовалось отсрочить планы немедленного упразднения монархии и при возможности войти в правительство П. Бадольо. И. В. Сталин считал, что внутренний раскол в Италии между королем и правительством П. Бадольо с одной стороны и антифашистским Сопротивлением с другой «ослабляет итальянский народ. Это выгодно англичанам, которые хотели бы иметь слабую Италию на Средиземном море»²⁹. Геополитические соображения в данном случае преобладали над идеологическими интересами, но отнюдь им не противоречили. Вернувшись в Неаполь, П. Тольятти выступил с инициативой формирования правительства национального единства.

Вскоре после этого правительство П. Бадольо было реорганизовано. В апреле 1944 г. в него вошли представители всех шести антифашистских партий, в том числе два министра-коммуниста. Те же силы руководили комитетами национального освобождения, которые стояли во главе движения Сопротивления на севере страны, в той части, которая еще находилась под немецкой оккупацией, что обеспечивало преемственность будущей национальной администрации по мере освобождения от немцев.

Для облегчения задачи ИКП и в собственных интересах советское руководство намерено было придерживаться отличной от англо-американцев линии в отношении Италии, в частности смягчить ее положение среди побежденных.

4 сентября 1944 г. в НКВД состоялось обсуждение записки «Об обращении с Италией»³⁰. В ответ на реплику С. А. Лозовского: «Необходимо прекратить какую бы то ни было роль Италии и поддержать Югославию», М. М. Литвинов возразил: «Нам не выгодно, чтобы Средиземное море стало полностью английским морем. Кто нам в этом поможет? На Францию рассчитывать не приходится. Остается... Италия»³¹. 8 сентября комиссия М. М. Литвинова вернулась к обсуждению записки. Бывший нарком обосновал свою точку зрения: Италия «вступила в вооруженный конфликт с нашим государством... лишь в результате участия в политических комбинациях с враждебными нам государствами», следовательно «к побежденной Италии можно применить менее жестокое обращение, чем к Германии»³².

24 мая 1944 г., вскоре после реорганизации правительства П. Бадольо, его представитель Пиетро Кварони прибыл в Москву. А в Италию был направлен М. А. Костылев — дипломатический представитель СССР при правительстве Италии³³. 25 октября советский представитель передал министру иностранных дел итальянского правительства решение СССР установить с ним полные дипломатические отношения³⁴.

М. А. Костылев

Несмотря на отступление, фашистская Германия была далека от полного разгрома. Поэтому главная общая цель союзников — скорейший, полный и окончательный разгром фашистской Германии — отодвигала на задний план любые разногласия. Если основным аргументом советской внешней политики в 1944 г. была мощь Красной армии, то важнейшим международным условием в достижении победы являлось сотрудничество с Объединенными Нациями. Важным, хотя и не безусловным ресурсом советской дипломатии были также антифашисты в ряде стран прогерманского блока и силы внутреннего Сопrotивления в захваченных фашистской Германией странах.

Польское подполье, ориентированное на эмигрантское правительство и большей частью явно антисоветское, являлось серьезным препятствующим фактором в реализации дипломатического курса Москвы. В то же время из-за изменчивости политической обстановки в странах — сателлитах фашистской Германии советскому руководству была свойственна крайняя осторожность и порой медлительность в определении своего отношения к патриотически настроенным антигерманским кругам, стремившимся к взаимодействию с Красной армией, как это произошло, например, в случае со словацкими оппозиционерами.

Хотя стороны мирились с существованием параллельных и даже противоположных интересов в том, что касалось послевоенного устройства, оставляя их защиту на послевоенное время, уже весной 1944 г., на общем благоприятном фоне военного сотрудничества с англо-американцами, на заседании Комиссии по подготовке мирных договоров заместитель наркома С. А. Лозовский предупредил: «Политическая задача нашей будущей внешней политики будет заключаться в том, чтобы не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза»³⁵.

В советском руководстве рассчитывали сыграть на послевоенном англо-американском и англо-французском соперничестве и некоторое время строили планы советско-британских привилегированных отношений. Казалось, прямой диалог И. В. Сталина и У. Черчилля, А. Идена и В. М. Молотова на московских встречах в октябре 1944 г. создавал благоприятные предпосылки для подобной европейской «директории».

План был представлен М. М. Литвиновым, но обычно подобная работа выполнялась по поручению наркома. Записка была направлена В. М. Молотову 15 декабря 1944 г. под

названием «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества». В ней, в частности, указывалось, что «перед войной установлению нормальных и даже дружественных отношений мешала разность режимов»³⁶. После войны основой привилегированных отношений Москвы и Лондона мог стать договор, который следовал духу антигитлеровской коалиции. «Смысл англо-советского договора в том, и на этом настаивать, чтобы не позволить себе и другим никаких действий, которые помогли бы Германии снова стать на ноги и готовиться к реваншу». Обоюдное стремление к обеспечению мира в Европе на максимально больший срок в своих интересах представляло, по мнению М. М. Литвинова, серьезную базу для сотрудничества. В документе упоминалось о британской политике восстановления Германии между войнами, но говорилось, что СССР должен стремиться не допустить этого.

М. М. Литвинов предвидел осложнения, преодолению которых могло способствовать четкое разграничение сфер безопасности — по сути, сфер влияния. «Единственное крупное противоречие, которое в англо-советских отношениях послевоенная эпоха унаследует от прошлого, может вытекать из соображений равновесия сил в Европе. Соглашение же осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского п-ова, а равно и Турцию. В английскую сферу, безусловно, могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция»³⁷.

На деле предметом договоренности должно было стать разграничение сфер влияния в послевоенной Европе, а также согласие Лондона на пересмотр конвенции Монтрё о проливах. Доказательство допустимости подобного диалога советские дипломаты, наверное, видели в оживленном «процентном» торге У. Черчилля и И. В. Сталина, а потом А. Идена и В. М. Молотова во время октябрьского визита британцев в Москву.

Важнейшей взаимной гарантией безопасности двух великих европейских держав, по мнению М. М. Литвинова, должна была остаться четвертая статья (второй параграф) англо-советского договора о взаимных гарантиях от нападения со стороны Германии или другого государства. М. М. Литвинов подчеркнул, что эта статья ни в коем случае не должна подвергаться никаким уточнениям или изменениям в послевоенный период в результате создания международной организации безопасности.

В 1944 г. отношения между союзниками прошли несколько этапов. Советская дипломатия быстро освоилась с ролью проводника интересов великой державы. Это право было завоевано огромными жертвами и беспрецедентными победами Красной армии. До лета 1944 г. самой острой проблемой являлось открытие второго фронта. В преддверии этого события СССР стремился избегать острых разногласий, ставя на первый план общность главной задачи — скорейшего разгрома Германии. Советская сторона активно содействовала реализации плана «Бодигард» по дезинформации немцев о месте и времени высадки союзников в июне 1944 г. Вслед за началом высадки союзников в Нормандии (операция «Оверлорд») советское командование предприняло, согласно обещанию, данному И. В. Сталиным в Тегеране, наступательную операцию «Багратион», оттянувшую на себя главные германские силы на восточном фронте.

Д. Эйзенхауэр писал А. Гарриману: «С картой в руках слежу за продвижением Красной армии и, конечно, испытываю огромный восторг от того, с какой скоростью она перемаывает боевую мощь врага... Обещаю, что мы тоже сделаем все, чтобы перебить свою долю немцев»³⁸. Обмен посланиями, полными взаимного восхищения военными успехами, способствовал поддержанию боевого союзничества. Через несколько дней после высадки союзников в Нормандии (6 июня 1944 г.) И. В. Сталин заявил: «История войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения»³⁹.

Однако к осени ситуация несколько изменилась. Трудности, с которыми столкнулись союзники во Франции и Италии, доказали их зависимость от действий Красной армии. Кроме того, по мере освобождения стран Восточной Европы, особенно в связи с польским

вопросом в политике СССР, все острее вставала проблема обеспечения послевоенной безопасности. В Москве также понимали значение для союзников вступления СССР в войну с Японией. Все эти факторы создавали заметные преимущества для внешней политики СССР и позволяли советской стороне проявлять твердость, особенно в польском вопросе.

Далеко не по всем вопросам регионального влияния интересы союзников могли быть быстро гармонизированы. В первую очередь это относилось к Балканам, где намеревались доминировать британцы. В планы У. Черчилля входили ослабление Болгарии, «приручение» И. Б. Тито, контроль над королевским правительством Греции и нейтрализация партизанских отрядов в Югославии и Греции по мере продвижения союзных войск. Последнее предусматривалось выполнить также в странах массового антифашистского Сопротивления — Италии и Франции.

Отношение руководства СССР к этим планам следовало логике возможного, поэтому было нацелено на поддержание согласия с англо-американскими союзниками. Решение югославского и греческого вопросов осложнялось внутренним расколом между консервативными силами, поддерживавшими эмигрантские королевские правительства в Лондоне и Каире и подпольными центрами антифашистского Сопротивления, не согласными с восстановлением довоенных режимов. Весомая роль коммунистов в партизанском подполье и международный авторитет Красной армии создавали дополнительные рычаги советского влияния.

В период подготовки высадки союзников во Франции, когда укрепление сотрудничества с англо-американцами являлось приоритетным, И. В. Сталин предложил коммунистам тактику создания широкого национального фронта, предполагавшую сотрудничество всех национальных антифашистских сил и позволявшую коммунистам получить министерские портфели. Соответственно, советская дипломатия ратовала за скорейшее восстановление суверенитета подобных коалиционных правительств в ущерб полномочиям военного командования союзников.

У. Черчилль предпочитал классические предварительные договоренности о разделе сфер влияния. После известной беседы с И. В. Сталиным по поводу «процентного соглашения» он писал Ф. Рузвельту: «Совершенно необходимо, чтобы мы попытались достичь общей точки зрения относительно Балкан с тем, чтобы предотвратить гражданскую войну в ряде стран, при которой, видимо, Вы и я симпатизировали бы одной стороне, а Сталин — другой»⁴⁰. Ф. Рузвельт считал, что необходимо оставить подобные вопросы для обсуждения большой тройки. Впрочем, к Ялтинской конференции стало ясно, что поведение в классическом стиле «концерта держав» стало анахронизмом. Между тем в ходе октябрьского визита в Москву У. Черчилль убедился, что в планы Москвы не входит посылка войск в Грецию и Адриатику. Соглашения И. В. Сталина с И. Б. Тито предусматривали также вывод советских войск из Югославии по завершении освобождения страны.

В соседней Греции объединение сил внутреннего Сопротивления состоялось не без участия СССР. Еще в декабре 1943 г. И. В. Сталин согласился с предложением У. Черчилля уполномочить премьер-министра Греции Э. Цудероса призвать греческих партизан к прекращению «гражданской войны» во имя совместной борьбы против немцев⁴¹. 4 сентября британские войска высадились в Греции, а 26 сентября на встрече в итальянском городе Казерте с руководителями Национально-освободительного фронта (ЭАМ)⁴² было достигнуто соглашение о переподчинении партизанских отрядов Греции британскому командованию в Средиземноморье.

Позиция И. В. Сталина в греческом вопросе следовала тому же принципу, что и его советы коммунистам Италии и Франции. Она отвечала реалистичной политической стратегии, основанной на оценке возможностей Красной армии и Советского государства, и в то же время следовала логике главной стратегической задачи Москвы, требовавшей мобилизации и сплочения всех антифашистских сил для приближения победы.

Одной из целей визита британского премьера в Москву через две недели после совещания в Казерте было закрепление достигнутого влияния на Балканах. В своих мемуарах У. Черчилль рассказал, что на первой же встрече 10 октября, когда «создалась деловая атмосфера», он

набросал цифры на листке бумаги и тут же передал его И. В. Сталину: «Румыния: Россия — 90 процентов, другие — 10 процентов; Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов, Россия — 10 процентов; Югославия: 50:50 процентов; Венгрия: 50:50 процентов; Болгария: Россия — 75 процентов, другие — 25 процентов»⁴³. Сталин внимательно прочел и, поставив на листе большую «птичку» синим карандашом, вернул листок У. Черчиллю.

Впоследствии неофициальные итоги обсуждения содержания этой записки называли «процентным соглашением». Хотя официального соглашения не было, участники переговоров договорились о распределении влияния между СССР и Великобританией (вместе с США) в процентном отношении: 80:20 — для Румынии и Болгарии (в пользу СССР); 90:10 — для Греции (в пользу Великобритании); 50:50 — для Югославии и Венгрии⁴⁴.

При всех противоречиях и недоразумениях между СССР и англо-американскими союзниками главным вектором их отношений было поддержание атмосферы боевого содружества в борьбе против общего врага во имя общей цели — скорейшего разгрома Германии и ее сателлитов. Одним из центральных направлений общих дипломатических усилий была политика развала фашистского блока.

Политика развала фашистского блока

13 мая 1944 г. было опубликовано «Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, обращенное к сателлитам фашистской Германии — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии»: «Сателлиты оси... своей нынешней политикой и позицией существенно укрепляют силу германской военной машины. Эти государства все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами сократить срок европейской борьбы, уменьшить свои собственные жертвы... и содействовать победе союзников»⁴⁵.

В начале 1944 г. в связи с разгромом советскими войсками немецкой группы армий «Север» и приближением линии фронта к северо-западной границе СССР возникли перспективы вывода из войны Финляндии — одного из наиболее боеспособных союзников фашистской Германии. 16 февраля представитель финляндского правительства Ю. К. Паасикиви в неофициальном порядке обратился к советскому посланнику в Швеции А. М. Коллонтай, чтобы выяснить условия прибытия в Москву представителей Финляндии для переговоров о перемирии.

К тому времени советская сторона основательно продумала условия предстоящих соглашений о перемирии с членами гитлеровской коалиции. Постановлением Совнаркома от 4 сентября 1943 г. была создана Комиссия по перемирию при НКВД под председательством К. Е. Ворошилова. В ее задачи входила подготовка проектов документов об условиях капитуляции Германии и ее европейских союзников: Финляндии, Венгрии и Румынии. К работе были привлечены ведущие специалисты по истории международных отношений: В. М. Хвостов, А. Л. Нарочницкий, С. П. Кирсанов, Е. Георгиев, которым поручено составление справок о важнейших перемириях. В октябре — декабре 1943 г. комиссия подготовила проекты трех договоров о безоговорочной капитуляции Финляндии, Венгрии и Румынии.

Немаловажным был вопрос, кому принадлежат решающее слово и право принимать капитуляцию и подписывать соглашения о перемирии с союзниками фашистской Германии. Общий принцип был изложен В. М. Молотову в сопроводительной записке К. Е. Ворошилова к проекту документа о безоговорочной капитуляции Финляндии 13 октября 1943 г.: «Ввиду того что в войне против Финляндии принимают участие только вооруженные силы СССР, проект документа составлен от имени правительства СССР, и Объединенные Нации упоминаются в нем лишь во введении и в [ряду] пунктов. Комиссия считает этот принцип

Ю. К. Паасикиви

А. М. Коллонтай

тем более правильным, что в п. 9 «основных принципов окончания военных действий с европейскими членами оси» (наша редакция) указывается, что межсоюзные комиссии по перемирию создаются из представителей тех государств, вооруженные силы которых участвовали в военных действиях против данной державы»⁴⁶.

Сложные перипетии переговоров, инициированных самой Финляндией, но растянувшихся на долгие месяцы, способствовали выработке общих подходов для решения неотложной задачи скорейшего вывода из войны стран — сателлитов Германии.

19 февраля 1944 г., через три дня после обращения Ю. К. Паасикиви, А. М. Коллонтай передала ему условия перемирия, включающие шесть пунктов⁴⁷. Сам Ю. К. Паасикиви считал их «неожиданно мягкими»⁴⁸. Умеренность советских условий объяснялась двумя обстоятельствами: важностью скорейшего вывода Финляндии из войны и намерением создать вокруг СССР благоприятное международное окружение. В советском ответе было заявлено: если финляндское правительство принимает эти условия, Москва согласна принять делегацию Финляндии для переговоров о заключении перемирия. 8 марта правительство Финляндии ответило, что затрудняется принять советские условия перемирия без предварительного обсуждения, но в то же время был подтвержден разворот от войны к миру с СССР: «Финское правительство серьезно стремится восстановить в самый короткий срок мирные отношения между Финляндией и СССР». Однако главную трудность для Финляндии, как и для всех сателлитов фашистской Германии, представляло советское требование интернировать или изгнать немецкие войска из страны. Признавая справедливость этого условия, финляндское правительство осторожно замечало, избегая прямого указания на германскую армию: «Для того чтобы Финляндия после заключения перемирия могла оставаться нейтральной, необходимо, чтобы на ее территории не находились иностранные войска, принадлежащие воюющей стране, однако вопрос настолько сложен, что он требует более детального обсуждения»⁴⁹.

Поскольку в Москве и так считали свои условия «минимальными и элементарными», советская сторона признала такой ответ «неудовлетворительным» и дала финляндскому

К. Энкель

правительству время на размышления до 18 марта. Ф. Рузвельт попытался содействовать благоприятному исходу переговоров: 16 марта он направил финнам заявление, в котором выражал надежду, что они воспользуются возможностью порвать свой союз с Германией⁵⁰. Неофициально США известили Финляндию, что их отрицательный ответ на советские предложения может повлечь за собой разрыв дипломатических отношений с США⁵¹.

Накануне указанной даты из Хельсинки был получен ответ, в котором финская сторона отказывалась «декларировать заранее принятие (советских. — *Прим. ред.*) условий... которые затрагивают существование всей нации, даже не получив твердой уверенности в интерпретации этих условий и их значении»⁵². Несмотря на то что советская сторона назвала такой ответ «по существу отрицательным», в Москву было предложено приехать одному или нескольким представителям Финляндии для интерпретации советских требований.

После приостановки переговоров с Хельсинки стало ясно, что в условиях, когда правительствам стран-сателлитов предстоял выбор между потенциальной угрозой советской оккупации и неотвратимым столкновением с вермахтом, уже расположившимся на их территории, следовало создать для них весомый стимул для перехода на сторону союзников. Таким стимулом стал отказ Объединенных Наций от принятого на Московской конференции принципа безоговорочной капитуляции в отношении сателлитов фашистской Германии в обмен на обязательство разоружить и интернировать германские части, находящиеся на их территории, что, по сути, означало присоединение к делу Объединенных Наций.

Инициатором такого подхода была британская сторона, заинтересованная в максимальном ослаблении гитлеровской коалиции на севере Европы. Соответствующие консультации с союзниками происходили на фоне начала двусторонних переговоров по выходу Финляндии из войны во второй половине марта 1944 г. В письме В. М. Молотову от 19 марта британский посол А. Керр предложил сохранить принцип безоговорочной капитуляции в отношении Германии, замечая, что в отношении ее малых союзников «можно было бы достичь лучших результатов, если бы формула безоговорочной капитуляции была молчаливо или открыто оставлена, поскольку строгое применение этого принципа могло бы противоречить политике

союзников, состоящей в том, чтобы выводить эти малые государства из войны в возможно скором времени»⁵³.

Через десять дней послу был вручен ответ В. М. Молотова: «Советское правительство считает, что предъявление требования безоговорочной капитуляции европейским странам-сателлитам в известных условиях может дать... отрицательный эффект, содействуя не ослаблению, а укреплению связей стран-сателлитов с Германией... Соглашаясь с британскими доводами, правительство СССР после согласования с Вашингтоном считает возможным решать этот вопрос в каждом конкретном случае. Решать этот вопрос после консультации между тремя союзниками, можно ли выставить вместо безоговорочной капитуляции «смягченные конкретные условия соглашения этой страны с союзными странами»⁵⁴.

Делегация из Хельсинки в тот момент уже находилась в Москве (с 26 марта). 27 и 29 марта состоялись встречи советских руководителей НКВД В. М. Молотова и В. Г. Деканозова с представителями Финляндии Ю. К. Паасикиви и К. Энкелем. Советская сторона передала конкретизированные предложения мира с Финляндией из шести пунктов. На первом месте стояло требование разрыва отношений с фашистской Германией и обязательства финляндского правительства интернировать или изгнать немецкие войска и корабли из страны не позднее конца апреля (то есть в течение месяца). Очень важным для финской стороны было разъяснение, что «советское правительство может оказать Финляндии помощь своими вооруженными силами». Вторым пунктом шло восстановление советско-финляндского договора 1940 г. Третий пункт предусматривал немедленное возвращение советских военнопленных и гражданских лиц, содержащихся в концлагерях и используемых на принудительных работах в Финляндии. В случае если между сторонами был бы подписан не договор о перемирии, а мирный договор, то это возвращение должно было стать обоюдным. Четвертое условие требовало демобилизации половины финской армии, тогда одной из самых боеспособных в Европе, в течение мая и перевода на мирное положение всей армии страны в течение июня — июля 1944 г. Пятый пункт предусматривал возмещение убытков, причиненных советской стороне военными действиями Финляндии и оккупацией советской территории: 600 млн американских долларов с выплатой в течение пяти лет товарами. Шестой пункт касался территориальных претензий Советского Союза и установления новой советско-финляндской границы. Он предусматривал возвращение Советскому Союзу Петсамо (Печенга) и прилегающей области, которые СССР вынужден был уступить Финляндии по мирным договорам 1920 и 1940 гг. В ответ на признание этих условий Москва соглашалась «отказаться в пользу Финляндии от своих прав на аренду Ханко и район Ханко без какой-либо компенсации»⁵⁵. Примечательно, что советские условия перемирия не включали пункта об оккупации Финляндии.

Финская делегация, по официальному заявлению Наркомата иностранных дел, не оспаривала предложенного проекта, «не внесла никаких своих предложений об условиях перемирия» и отправилась на родину для его представления правительству и сейму. В Москве надеялись на положительный ответ, но в тот момент главным фактором принятия решения о выходе из войны и перемирия с СССР для Хельсинки оставалась позиция Берлина. В сложившихся обстоятельствах доминирующий союзник был опаснее врага. Отказ от немедленного перемирия с Советским Союзом в глазах правительства Финляндии был чреват меньшими рисками, чем военное столкновение с Германией на собственной территории, тем более если в этом столкновении примет участие Красная армия, пусть и на стороне Финляндии.

19 апреля правительство Финляндии через МИД Швеции заявило о том, что «принятие (советских. — *Прим. ред.*) предложений, которые отчасти неосуществимы уже по техническим причинам, ослабило и нарушило бы те условия, при которых Финляндия может продолжать существовать как самостоятельное государство, и наложило бы на финский народ тяготы, которые по единодушному компетентному свидетельству в значительной мере превосходят размеры его сил». Отказываясь принять условия перемирия, составители ответа сохраняли ранее избранный тон, не вяжущийся с состоянием войны, которая продолжалась между двумя государствами, и оставляющий возможность неоднозначного толкования. Документ

оканчивался словами: «Финское правительство, которое серьезно стремится к восстановлению добрых и устойчивых мирных отношений со своим великим соседом на Востоке, сожалеет, что полученные им недавно предложения... не представляют возможностей для осуществления этого стремления»⁵⁶.

Ответ советского правительства, напротив, отвергал любую двусмысленность толкования уклончивых пассажей о «неосуществимости» реализации советских требований «по техническим причинам», их несовместимости с независимым существованием Финляндии и непосильных тяготах, которые они налагают на финский народ. С самого начала переговоров в Москве финны дали понять, что главным вопросом для них было требование изгнать со своей территории немецкие войска, поэтому советская дипломатия включила в условия перемирия пункт о возможной помощи со стороны Красной армии.

В советском заявлении прямо указывалось на единственную угрозу суверенитету Финляндии — условия союза с фашистской Германией: «У нынешней Финляндии нет государственной самостоятельности. Она потеряла ее с того момента, когда впустила немецкие войска на свою территорию. Теперь дело идет о том, чтобы восставить утерянную самостоятельность Финляндии путем изгнания немецких войск... Известно, что в результате того, что финское правительство пустило на свою территорию немецкие войска для совместного нападения на Советский Союз, вся северная половина Финляндии оказалась в руках немцев, которые и являются здесь подлинными хозяевами, превратившими Финляндию в полуоккупированную (так в тексте. — *Прим. ред.*) страну». В заключении заявления была определена советская точка зрения на позицию правительства Финляндии, которое «поставило свою страну на службу интересам гитлеровской Германии... Оно не хочет восстановления мирных отношений»⁵⁷.

Нажим Берлина привел к затягиванию выхода Финляндии из войны. Советской дипломатии в тот момент не удалось обеспечить политическое решение вопроса. 10 июня началось наступление Красной армии на Выборгско-Петрозаводском направлении. В этой связи И. Риббентроп посетил Хельсинки и угрозами добился обещания Финляндии не заключать мира без согласия Германии, о чем было заявлено в письме А. Гитлеру, направленном 26 июня президентом Финляндии Р. Рюти⁵⁸.

Тогда же комиссия К. Е. Ворошилова в более узком составе, определенном специальным постановлением Совнаркома от 29 июня 1944 г., пересмотрела первоначальный вариант и позже, за июль — август 1944 г., составила новые проекты условий капитуляции для каждого из бывших сателлитов фашистской Германии. Они были представлены В. М. Молотову и положены в основу соглашений о перемирии с Финляндией, Румынией, Венгрией, к которым добавилась и Болгария⁵⁹. Первым был готов и 29 июня представлен проект условий капитуляции Финляндии, который являлся «сокращенным и несколько смягченным» вариантом более раннего проекта документа о безоговорочной капитуляции Финляндии. Июньский проект предполагал оставить Финляндии не половину ее армии для выполнения операций по интернированию немецких войск, но количество, «определенное советским военным командованием по его усмотрению и в зависимости от обстановки, которая сложится к моменту капитуляции Финляндии»⁶⁰.

К. Е. Ворошилов объяснил это изменение: «Учитывая позицию, занятую правительством Финляндии в последние дни, такое обязательство может оказаться скорее выгодным для Финляндии и для Германии, но не для нас. Поскольку финляндское правительство... решило продолжать войну вместе с Германией до конца, то проектируемые нами 50% финляндских войск могут перейти на сторону немцев и тем самым усилить сопротивление последних в момент их окончательного изгнания из Финляндии»⁶¹.

Успешное продвижение Красной армии на Выборгско-Петрозаводском направлении привело к политическому кризису в Финляндии, приходу к власти нового правительства и смене президента страны. Им стал маршал К. Маннергейм. Только он мог взять на себя риск противостояния германскому нажиму. 17 августа новый президент заявил германскому фельдмаршалу В. Кейтелю, посетившему его по поручению А. Гитлера, что не считает себя связанным соглашениями, заключенными прежним президентом Р. Рюти⁶².

Р. Рюти

К. Маннергейм

25 августа финский посланник в Швеции Г. Гриппенберг через А. М. Коллонтай передал просьбу финского министра иностранных дел К. Энкеля о начале переговоров о перемирии или заключении мирного договора с СССР.

На этот раз советская сторона выдвинула в качестве предварительного условия, чтобы финляндское правительство официально заявило о разрыве отношений с Германией и потребовало вывода немецких войск не позже 15 сентября, угрожая в противном случае их разоружением и интернированием с последующей передачей союзникам в качестве военнопленных. Важным добавлением стало указание на согласие с данными условиями англо-американских союзников.

К. Маннергейм стремился, с одной стороны, доказать готовность избавиться от германской армии, а с другой — получить от СССР гарантии о начале переговоров о перемирии. В своем обращении к советскому правительству от 2 сентября он заверил, что требуемое Москвой официальное заявление о разрыве отношений с Германией будет сделано после получения ответа от И. В. Сталина. Одновременно он предложил самостоятельно обеспечить эвакуацию или интернирование германских войск на южной части финской территории, прервать военные действия на южной части фронта и отвести на этом участке финские войска к границе 1940 г. Соответственно, на эту линию передвинулись бы и советские войска. Тем самым Красная армия без боев и потерь могла восстановить северную границу СССР. Финская армия из серьезного противника превращалась в потенциального помощника: финский посланник Г. Гриппенберг сообщил А. М. Коллонтай, что финны готовы участвовать в разоружении немецких войск на севере страны, «но хотят договориться в Москве о координации и помощи в этом деле с советским военным командованием».

Советское правительство в ответ по-прежнему настаивало на важнейших предварительных условиях переговоров — публичном разрыве отношений Финляндии с Германией и выводе немецких войск из страны к 15 сентября, согласившись оказать Финляндии помощь в

Подписание Соглашения о перемирии с Финляндией. 19 сентября 1944 г.

их разоружении. При этом было дано согласие на прекращение военных действий на южном участке фронта, но только после выполнения вышеуказанного предварительного условия⁶³.

Переговоры в Москве начались 14 сентября. К советской и финской сторонам присоединились британцы. 19 сентября соглашение о перемирии было подписано. От имени Объединенных Наций его подписал А. А. Жданов. Финская сторона была представлена министром иностранных дел К. Энкелем и тремя генералами. Советский Союз добился отвода финских войск за линию советско-финляндской границы 1940 г. и возвращения области Петсамо. Финляндия должна была порвать с политикой фашистского толка: распустить прогитлеровские и антисоветские организации, освободить политических заключенных, отменить расистские законы, предать суду военных преступников⁶⁴. Примечательно, что в отличие от условий соответствующих соглашений с Румынией и Болгарией соглашение с Финляндией оставляло финляндскому правительству максимум суверенитета.

Восстанавливалось действие советско-финляндского соглашения от 11 октября 1940 г. об Аландских островах. Советский Союз получил контроль над финскими торговыми судами и оговорил поставки финской продукции для военных целей. В то же время Москва снизила материальные претензии к Финляндии. Сумма возмещения ущерба, причиненного действиями финской армии на советской территории, была вдвое уменьшена по сравнению с первоначальными условиями. Вместо товарных поставок на 600 млн долларов с погашением в течение пяти лет Советский Союз согласился на 300 млн долларов с погашением в течение шести лет⁶⁵.

Советские офицеры разговаривают с финским военнослужащим во фронтовой полосе после подписания перемирия между СССР и Финляндией

Финляндия брала на себя обязательства разоружить германские войска и передать их союзному (советскому) главнокомандованию, а также интернировать германских и венгерских граждан на своей территории. Кроме того, советской авиации были предоставлены аэродромы на южном и юго-западном побережье Финляндии, необходимые для проведения операций против немцев в Эстонии и германского флота на Балтике. Финляндия дала согласие на аренду территории для создания военно-морской базы в районе Порккала-Удд. Приложения к соглашению касались военного содействия Финляндии борьбе союзных сил против Германии, существенно облегчавшего боевые действия Красной армии на Балтике. Бывшая союзница Германии должна была предоставить все имеющиеся в ее распоряжении немецкие секретные материалы: карты минных полей, планы, карты и схемы боевых порядков⁶⁶.

В то же время Москва была недовольна недостаточной готовностью финнов безотлагательно выполнить главное условие перемирия — разоружение немецких войск. На севере финская армия начала военные действия спустя почти две недели — только 1 октября и, как отмечалось в сообщении ТАСС, «используя лишь незначительную часть своей армии»⁶⁷.

Все же благодаря перемирию и выходу Финляндии из войны были высвобождены значительные военные силы для наступления на других фронтах. Экономика и территория Финляндии были поставлены на службу военным потребностям Советского Союза. Советское Верховное главнокомандование получило от имени союзных держав руководство Союзной контрольной комиссией в Финляндии, в задачи которой входил надзор над соблюдением условий перемирия до заключения мирного договора. Северный сосед стал одним из первых в цепи сателлитов фашистской Германии, из которых советская дипломатия уже в 1944 г. начала сооружать послевоенный буфер безопасности на своих западных границах от Балтики до Адриатики. Примечательно, что в политическом плане советское правительство ограничилось требованием денацификации и дефашизации Финляндии и не пыталось повторить сценарий 1939 г. О смене общественно-политического строя в Финляндии не было и речи.

26 марта 1944 г. в результате мощного наступления на юге Украины советские войска вышли к границе СССР с Румынией на реке Прут⁶⁸. На стороне Советского Союза воевали и румынские части. С 1942 г. в лагерях румынских военнопленных работали антифашистские школы и курсы, были проведены две конференции, а 3—4 сентября 1943 г. был образован Рабочий комитет румынских антифашистских организаций. 4 октября Государственный Комитет Обороны постановил сформировать две румынские добровольческие дивизии. В октябре 1943 — марте 1944 г. в Селецких военных лагерях под Рязанью была сформирована, обучена и снабжена советским оружием 1-я румынская добровольческая дивизия. Ее военнослужащие носили румынскую форму, около половины офицеров ранее служили в румынской армии, другая половина прошла подготовку в Селецких лагерях. Идеологическую работу в дивизии вели штатные политработники из политэмигрантов-коммунистов. В конце мая дивизия была включена в состав 2-го Украинского фронта и участвовала в освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии. 25 марта 1945 г. советское правительство согласилось на создание 2-й румынской дивизии, которая, однако, так и не успела принять участия в боях.

В сделанном в связи с выходом Красной армии на советско-румынскую границу заявлении В. М. Молотов указал, что «вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника» и что «советские войска будут преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции». При этом подчеркивалось: советское правительство «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии»⁶⁹, что должно было подвигнуть правительство Румынии на выход из войны.

Англо-британские союзники были согласны с тем, чтобы советское правительство играло определяющую роль в выработке условий перемирия с румынами⁷⁰. Со своей стороны, они

Н. В. Новиков

поддерживали продвижение советских войск челночными бомбардировками румынских стратегических объектов. С 1 июня 1944 г. самолеты американских ВВС садились в том числе и на советский аэродром под Полтавой. Помимо этого американцы надеялись использовать этот прецедент для предоставления им авиабаз на советской территории в Приморье и на Дальнем Востоке для будущих боев с Японией⁷¹.

Советские дипломатические контакты с румынским правительством осуществлялись советским послом в Каире Н. В. Новиковым. 12 апреля 1944 г. он вручил представителю Румынии условия перемирия, согласованные с Вашингтоном и Лондоном. А накануне, 11 апреля, английский посол А. Керр передал В. М. Молотову послание У. Черчилля, в котором он выразил согласие с выдвинутыми Румынии советскими условиями. Важным для британской дипломатии был вопрос о разграничении полномочий союзников, то есть о советских прерогативах в Румынии и присутствии там представителей союзников. У. Черчилль писал: «Мы считаем разумеемся, что в Румынии могут быть британские и американские представители по политическим вопросам подобно тому, как Вы имеете политических представителей в Италии»⁷². Через несколько дней, 15 апреля, в письме по поводу Югославии У. Черчилль предложил помощь в скорейшем согласовании советских условий с Вашингтоном: «Сообщите мне, желаете ли Вы, чтобы я что-либо сказал или сделал, чтобы помочь»⁷³.

25 апреля В. М. Молотову было передано послом А. Керром личное послание У. Черчилля: «Нам надо усилить со всех сторон нажим на румын, чтобы они сошли со своей безнадёжной и преступной позиции... Тем временем мы продолжаем бомбежку; но мы считаем вас нашими вожаками в румынских делах»⁷⁴.

Нашим был необходим, поскольку правительство И. Антонеску отказалось принять советские условия. Причины этого были неоднозначны. С одной стороны, германское командование требовало от своих союзников продолжения войны. Оборонять Румынию была призвана мощная группировка немецко-румынских войск, в которой собственно румын было меньше половины (22 из 47 дивизий, 335 из 900 тыс. солдат и офицеров). С другой стороны, правительство Румынии предпочло бы договариваться с англо-американскими союзниками.

Румыния была для СССР ключом к Балканам — исторической зоне соперничества России и Британии. Советские руководители придавали чрезвычайную важность любым сведениям о неофициальных контактах союзников с Бухарестом.

В конце апреля 1944 г. В. М. Молотов, который тогда напрямую переписывался с У. Черчиллем, поскольку тот в отсутствие А. Идена взял на себя и обязанности министра иностранных дел, запросил разъяснения по поводу так называемой «миссии Шастелена». По полученным Москвой сведениям, в конце 1943 г. в Бухарест были направлены британскими властями несколько англичан (среди которых был и британский офицер Шастелен), о которых сообщалось в печати, что «они парашютисты, и которые считаются, кажется, военнопленными», но «они находятся фактически на положении полуофициальной британской миссии при пр-ве Антонеску», снабженной передатчиком и шифрами. При помощи этой британской группы велась оживленная политическая переписка между Бухарестом и румынским представителем в Каире А. Стирбеем, что свидетельствовало в глазах Москвы об оказываемом этой группе содействию со стороны И. Антонеску.

В. М. Молотов считал, что «такое положение не может существовать иначе, как при определенном соглашении между британским правительством и правительством Румынии». Между тем советское правительство не было официально информировано Лондоном об этой миссии, ее целях и задачах. В письме от 29 апреля 1944 г. В. М. Молотов обращал внимание У. Черчилля на то, что присутствие в Румынии при маршале И. Антонеску британской миссии «с неизвестными советскому правительству целями и в то время, когда Румыния вместе с Германией ведут войну против Советского Союза, может лишь ободрять правительство Антонеску и отнюдь не может способствовать ускорению капитуляции Румынии и принятию румынским правительством советских условий перемирия, согласованных с британским и американским правительствами»⁷⁵. Подобные подозрения создавали двусмысленность, казалось бы, в гармоничных отношениях с британским союзником по вопросу о выводе Румынии из войны.

В ответе от 2 мая, переданном В. М. Молотову 5 мая, У. Черчилль сделал вид, что оскорблен напрасными подозрениями советского наркома. Для убедительности он употребил чуждый дипломатическому стилю идиоматический оборот, на что не преминул обратить внимание переводчик НКВД, — «вы открыли гнездо кобылы» (то есть нашли то, чего нет и быть не может). «Если вы не верите ни одному сказанному нами слову, то действительно было бы лучше предоставить делам идти своим чередом», но это недоверие «показывает, как трудна совместная работа даже накануне величайших в мире совместных военных операций»⁷⁶. 10 мая В. М. Молотов ответил жестко: «Несмотря на все остроумие, послание неубедительно, т. к. не содержит никаких разъяснений... о миссии Шастелена в Румынии»⁷⁷. Хотя этот обмен колкостями был свидетельством подспудного соперничества за послевоенное влияние в регионе, он не нарушил духа сотрудничества, царившего среди Объединенных Наций в преддверии высадки в Нормандии.

Ускорить события было призвано совместное «Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, обращенное к сателлитам гитлеровской Германии — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии», опубликованное 13 мая 1944 г., в котором в отношении малых союзников рейха отменялся принцип безоговорочной капитуляции⁷⁸. Это заявление не дало немедленных результатов, но указало благоприятную альтернативу, ускорив переход влиятельных сил в политических кругах указанных стран в оппозицию к прогерманским режимам.

В то время как первые дипломатические инициативы Москвы были отклонены правительством И. Антонеску, приближение советских войск и медленное, но неуклонное продвижение союзников в Италии способствовали перегруппировке румынских политических сил, вызвав оживление в стане противников режима и союза с А. Питлером. Еще в 1943 г., после Сталинграда, в Румынии был создан подпольный Патриотический антигитлеровский фронт. Весной 1944 г. состоялось соглашение между коммунистами и социал-демократами о единстве действий, а в июне был создан их военный комитет.

Король Михай

Либеральная патриотическая оппозиция, придворные круги и часть армейской верхушки вошли в контакт с объединившимися левыми антифашистами. 20 июня 1944 г. было подписано соглашение о создании национально-демократического блока из двух так называемых «исторических» национал-либеральной и национал-царанистской (крестьянской) и двух находившихся в подполье (коммунистической и социал-демократической) партий. В подполье стали создаваться военные отряды, которые готовили восстание против И. Антонеску. Политическая развязка наступила в результате военного разгрома. С 20 по 23 августа в результате Яско-Кишиневской наступательной операции Красной армии была окружена и в течение нескольких последующих дней ликвидирована основная группировка румынских войск, что стало главным сигналом к свержению диктаторского профашистского режима.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией при участии 1-й румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску на фронте протяженностью 580 км разгромили германские группы армий «Южная Украина», «Вёлер» и две румынские армии, поддержанные 4-м германским воздушным флотом и румынским авиакорпусом (610 самолетов).

23 августа военные отряды подпольного Патриотического антигитлеровского фронта начали вооруженное восстание для свержения правительства И. Антонеску. Несмотря на разгром основных румынских сил, И. Антонеску заявил о верности союзу с Гитлером и отказался прекратить сопротивление. Тогда король Михай, по примеру своего итальянского собрата, решил самостоятельно избавиться от диктатора, приказав арестовать премьер-министра во дворце, когда тот прибыл к нему на аудиенцию. Представители германской военной миссии во главе с генералом Э. Ганзенем были интернированы. В ночь на 24 августа король приказал прекратить военные действия.

Советской дипломатии предстояло оформить переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции. В ночь на 25 августа было опубликовано заявление советского правительства,

из которого явствовало, что Румынии дан шанс присоединиться к Объединенным Нациям, борющимся против нацизма. «Если румынские войска прекратят военные действия против Красной армии и если они обяжутся рука об руку с Красной армией вести освободительную войну против немцев за независимость Румынии или против венгров за освобождение Трансильвании, то Красная армия не будет их разоружать, сохранит им полностью все вооружение и всеми мерами поможет им выполнить эту почетную задачу»⁷⁹.

Советскому послу в Анкаре С. А. Виноградову 25 августа 1944 г. была вручена нота румынского правительства, в которой король объявил о прекращении сопротивления (с 4 часов 24 августа), принятии ранее представленных советской стороной условий перемирия и готовности «приступить к полному удалению всех немцев, находящихся на румынской территории»⁸⁰. Новое правительство возглавил адъютант короля генерал К. Сэнэтеску (в советских документах — Санатеску).

Однако до 30 августа упорные бои в Бухаресте и провинции продолжались. В ожидании румынской делегации В. М. Молотов в беседе с послами союзников А. Керром и А. Гарриманом (26 августа) пояснил, что «в целях поддержания авторитета нового румынского правительства» советское правительство внесло три дополнения в апрельские условия перемирия, касающиеся сокращения размера компенсации, выделения свободной зоны пребывания румынского правительства и предоставления немецким войскам 15-дневного срока для ухода из Румынии. В. М. Молотов был категоричен: «Переговоры по перемирию должны проходить в Москве. Там же будут обсуждены британские дополнения»⁸¹. Несмотря на то что в отношениях с Бухарестом решающая роль принадлежала Москве, советский нарком считал необходимым подчеркнуть единство политики союзников. На пресс-конференции 5 сентября на вопрос корреспондента «Нью-Йорк таймс» У. Лоуренса о начале переговоров о перемирии с Румынией В. М. Молотов сказал, что подготовка к ним «зависит не только от Советского Союза, но и от наших друзей — англичан и американцев»⁸².

Великобританию на переговорах в Москве представлял посол А. Керр, Соединенные Штаты — посол А. Гарриман. Румынская правительственная делегация прибыла в Москву для ведения переговоров о перемирии 31 августа — в день, когда Красная армия и части сформированной в СССР румынской дивизии имени Тудора Владимиреску вступили в Бухарест. Румынские представители должны были дожидаться начала переговоров до 10 сентября.

Эта неделя была напряженной для советской дипломатии. Близилась развязка войны с Финляндией. В ночь на 4 сентября последовало долгожданное заявление финляндского правительства о разрыве отношений с Германией и выводе германских войск с финской территории. В то же время новое правительство Болгарии во главе с К. Муравиевым заявило о нейтралитете, что в глазах Москвы означало продолжение пассивной помощи Германии, в том числе возможный пропуск немецких войск на румынскую территорию для продолжения сопротивления Красной армии⁸³, и создавало неблагоприятные условия для завершения разгрома немецко-венгерских войск в Румынии. 5 сентября СССР заявил о разрыве отношений с Болгарией и о том, что «отныне он будет находиться в состоянии войны» с этой страной⁸⁴.

Соглашение о перемирии с Румынией было подписано 12 сентября. Румыния признавала факт поражения в войне против СССР, Великобритании, США и других Объединенных Наций и вступала на их стороне в войну против Германии и Венгрии «в целях восстановления своей независимости», для чего обязалась выставить 12 пехотных дивизий⁸⁵. Советское главное командование на территории Румынии, как в Финляндии, выполняло функции союзного главнокомандования и действовало от имени союзных держав.

Прибывший в Москву вместе с У. Черчиллем в октябре 1944 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден одобрил советские условия перемирия с Румынией и Финляндией⁸⁶. Из его беседы с В. М. Молотовым видно, что союзники согласились с тем, чтобы политические преобразования в Румынии совершались под влиянием Москвы. В беседе 14 октября, касаясь перехода румынских сил на сторону союзников, В. М. Молотов заметил,

что король «мог создать определенные трудности для лиц, желающих продолжать войну, но что теперь, когда положение изменилось, этот вопрос не имеет никакого значения. СССР вполне удовлетворен положением в Румынии». В. М. Молотов намекал на враждебность короля кругу диктатора И. Антонеску.

Согласно условиям перемирия румынские войска, включая флот и авиацию, отныне подчинялись союзному (советскому) главнокомандованию. Их главной задачей было разоружение и интернирование вооруженных сил Германии и Венгрии на румынской территории. Правительство Румынии обязано было полностью обеспечивать за свой счет все передвижения союзных (советских) войск по территории страны, поставить свои финансы, промышленность, инфраструктуру и транспорт на службу советскому (союзному) главнокомандованию для ведения боевых действий против Германии и ее сателлитов. Военное имущество Германии и Венгрии, в том числе германские корабли в румынских территориальных водах, передавалось в распоряжение советского главнокомандования в качестве трофеев.

СССР добился восстановления государственной границы с Румынией в соответствии с соглашением от 28 июня 1940 г., то есть международного признания территориальных изменений кануна Великой Отечественной войны. Советский Союз оставлял за собой Бессарабию и Северную Буковину. В качестве компенсации за вступление в войну на стороне Объединенных Наций союзные правительства заявили о том, что «считают несуществующим» решение Венского арбитража от 30 августа 1940 г., по которому к Венгрии отходила Северная Трансильвания, в основном населенная венграми, а также румыно-болгарский договор от 7 сентября 1940 г. об уступке Румынией Южной Добруджи с болгарским населением. Советские войска были готовы содействовать Румынии в операциях против Венгрии и Германии. Решение территориального вопроса в пользу Румынии было predeterminedено сравнительно быстрым разворотом Бухареста к миру и сотрудничеству с СССР.

25 октября Красная армия при участии румын очистила всю территорию страны от германских войск, потеряв убитыми и ранеными свыше 286 тыс. человек. Потери румынской армии на стороне Объединенных Наций насчитывали 58 330 человек. Далее она участвовала в боях в Венгрии и Чехословакии. Король — номинальный главнокомандующий румынской армией, одна часть которой продолжала воевать на стороне Германии, а другая после дворцового переворота перешла в оперативное подчинение командования советских 2-го и 3-го Украинских фронтов, был награжден высшим советским военным орденом Победы.

Поскольку Румыния не просто вышла из войны, а объявила войну и вела ее на деле против Германии и Венгрии, подписывая соглашение о перемирии, СССР согласился на частичное возмещение ущерба, причиненного ему румынской оккупацией в сумме 300 млн долларов США с погашением в течение шести лет товарами. Речь шла о возмещении только одной трети нанесенного румынской агрессией ущерба, причем впоследствии и эта сумма была сокращена советским правительством еще почти на треть.

Власть румынской гражданской администрации (под контролем союзного командования) восстанавливалась по мере продвижения линии фронта на всей территории, отстоящей от зоны боевых действий не менее чем на 50–100 км. Политические преобразования в оккупированной советскими войсками Румынии на тот момент ограничивались мероприятиями по денацификации и дефашизации и наказанием военных преступников. Суверенитет королевского правительства сверх того был ограничен введением строгой цензуры (периодической печати, а также любых печатных изданий, кино, радио и театров) со стороны союзного (советского) главнокомандования. В соглашении было также предусмотрено создание Союзной контрольной комиссии, в задачи которой до заключения мира должен был входить контроль исполнения условий перемирия⁸⁷. Председателем комиссии был назначен советский маршал Р. Я. Малиновский.

Результатом дипломатической и военной деятельности по выводу Румынии из войны помимо ускорения распада нацистского блока было обретение советскими войсками удобного стратегического плацдарма для продолжения войны в Венгрии и на Балканах. Ключевая роль

Красной армии в освобождении Румынии от немецко-фашистских войск заложила основы для утверждения советского влияния в регионе, в котором У. Черчилль стремился упрочить британское доминирование. Кризис монархии, крах прогерманского режима И. Антонеску и советская оккупация в сочетании с мобилизацией прокоммунистических сил и их ролью в падении режима И. Антонеску создали условия для политических преобразований в Румынии, благоприятных для Советского Союза.

Заключение мира с Болгарией имело особый характер. Объявив войну США и Англии на стороне держав оси в декабре 1941 г., правительство Болгарского царства не вело войны против СССР, поскольку в болгарском обществе сохранилось историческое чувство признательности за освобождение от турецкого ига. В то же время правительство Болгарии предоставило германскому союзнику для военных операций против СССР на Черном море свои морские порты Варну и Бургас, а также дунайский порт Рушук. Немецкая авиация использовала болгарские аэродромы, болгарский флот помогал разбитым Красной армией немцам эвакуироваться из Крыма. С весны 1944 г. роль болгарского плацдарма для Германии возросла в связи с поражениями румынских войск на Южной Украине и продвижением советских войск в Румынии. Болгария была ключом к Балканам, Адриатике и Средиземноморью. Советской дипломатии требовалось исключить на конечном этапе войны установление безраздельного контроля англо-американских союзников на Балканах, с учетом того, что именно они находились в состоянии войны с Болгарией на протяжении четырех лет. Вопрос становился все более актуальным в связи с медленным, но неуклонным продвижением англо-американских войск на север Италии.

11 февраля 1944 г. посол США А. Гарриман передал В. М. Молотову послание Ф. Рузвельта И. В. Сталину, в котором говорилось, что болгарский посланник в Турции по возвращении из Софии обратился к одному из агентов американского генерала У. Донована. Посланник сослался на свои совещания с членами болгарского правительства и руководителями оппозиции и сказал, что ему поручено организовать переговоры с американским правительством с целью присоединения Болгарии к Объединенным Нациям⁸⁸.

Речь могла идти о стремлении Болгарии заключить перемирие с англо-американскими союзниками в ущерб советским интересам, и в Москве сочли необходимым затормозить деятельность дипломатии союзников. На запрос А. Гарримана о рассмотрении в ЕКК вопроса о мирных условиях для Болгарии В. М. Молотов ответил, что в Москве считают его неактуальным, поскольку англо-американские войска в данный момент находятся далеко от Болгарии, и нет никаких сведений о том, чтобы внутреннее положение в Болгарии требовало принятия срочных решений⁸⁹. В тот момент главным в консультациях с союзниками был польский вопрос, но менее чем через месяц Москва решила активизироваться на болгарском направлении.

17 апреля 1944 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов вручил болгарскому посланнику в Москве И. Стаменову ноту, в которой Москва «настоятельно предлагала» правительству Болгарии «немедленно прекратить использование гитлеровской Германией болгарской территории и болгарских портов против Советского Союза»⁹⁰.

В ответной ноте от 24 апреля Болгария запросила у Москвы доказательств предъявленных обвинений и заявила, что утверждения советской стороны о предоставлении болгарских портов и аэродромов для военных действий против СССР «не отвечают действительности», напоминая, что София присоединилась к оси Берлин — Рим — Токио в то время, когда сам Советский Союз был связан пактом с Германией, и тогда оба эти обязательства не противоречили «корректным, лояльным и дружественным» болгаро-советским отношениям⁹¹.

Советская сторона предложила Болгарии возобновить работу консульства СССР в Варне, закрытого по настоянию болгарского правительства осенью 1942 г., а также учредить новые консульства в портах Бургасе и Рушук, что создало бы возможность проводить проверку фактов использования Германией болгарской территории в военных целях. Однако Болгария поставила предварительным условием возобновление экономических отношений с СССР, прерванных военными действиями на Черном море.

И. Багрянов

В ответной ноте 9 мая Москва указала, что в Болгарии в течение всей войны действовали консульства дружественных Германии стран, не занимавшиеся никакой торговой деятельностью, а потому расценила это условие как отказ от удовлетворения советских требований и намерение продолжать логистическую помощь Германии⁹². В ответ правительство Болгарии отправило заверения в «желании взаимопонимания и усиления отношений доверия и дружбы между двумя странами», но отказало в открытии советских консульств. Очередная советская нота от 18 мая содержала «серьезное предупреждение» правительству Д. Божилова⁹³, однако позиция Болгарии оставалась неизменной.

Летние военные успехи Красной армии в Румынии и англо-американских союзников в Италии и Франции заставили новое болгарское правительство И. Багрянова более чем через два месяца после получения советской ноты от 18 мая заявить, что теперь ответ на выдвинутые Москвой требования стал «одной из [его] первых задач». Только 29 июля Болгария согласилась, со множеством оговорок — «сообразуясь с возможностями момента» и «постепенно», удовлетворять советские требования, начиная с восстановления консульства в Варне с возможным последующим распространением зоны его компетенции на Бургас и Русчук. Болгарская сторона предупреждала советскую дипломатию, что требуемая Москвой резкая смена курса чревата осложнениями на Балканах, которые не были бы в интересах не только Болгарии, но и СССР⁹⁴.

В действительности опыт гитлеровских союзников, сателлитов и коллаборационистских правительств Европы показывал, что уже сама возможность смены внешнеполитического курса провоцирует Германию на отказ от признания их суверенных прав и полную оккупацию страны. Стараясь избежать вероятной войны с СССР, Болгария могла оказаться в состоянии вполне реальной войны с Германией, решившей ожесточенно драться до конца, — крайне опасный сценарий, тем более что военное присутствие Германии в Болгарии усиливалось по мере отхода фашистских войск из Румынии.

Между тем ход событий стремительно ускорился, не оставив болгарскому правительству времени для дипломатических проволочек. Для советского правительства переход Болга-

рии на сторону Объединенных Наций под эгидой СССР был бы большим облегчением, снижением военных потерь, экономией сил и времени для решающего удара по Германии. В то же время советское руководство не хотело, чтобы заслуга выхода Болгарии из союза с Германией, а также первое слово в послевоенном урегулировании принадлежали англо-американцам. В Москве стремились придать большую динамичность вялым переговорам с Софией.

17 августа 1944 г. Красная армия подошла к границе с Германией в Восточной Пруссии и вступила на территорию Польши. На юге она приближалась к границам Болгарии, отчего вопрос о консульствах в глазах Москвы «потерял всякий смысл», о чем было заявлено через советского поверенного в делах в Софии 12 августа 1944 г. Речь теперь шла о большем, нежели открытие советских консульств. Советская дипломатия потребовала разрыва отношений Болгарии с Германией. Болгарское правительство продолжало настаивать на нейтралитете, что не мешало отступавшим из Румынии войскам вермахта использовать территорию страны для перегруппировки и переброски подкреплений на германо-советский фронт. Очередное новое правительство (3 сентября И. Багрянова сменил К. Муравиев) не изменило позиции в этом вопросе. Немцев в Софии по-прежнему боялись больше, чем Красной армии.

После безрезультатной попытки советского правительства ускорить добровольный выход Болгарии из союза с Германией⁹⁵ Москва предприняла решительный шаг. 5 сентября, на следующий день после известия о выходе из войны Финляндии и в то время, как румынская делегация должна была дожидаться в Москве начала переговоров о перемирии, СССР объявил Болгарии войну. Основанием послужил тот факт, что она позволяла отступающим немецким войскам создать новый очаг сопротивления союзникам на Балканах. Несмотря на более чем решительный тон, нота призвана была напомнить болгарам о симпатиях России к братскому славянскому народу — скорее жертве и невольному орудию могущественной Германии, чем ее добровольному союзнику.

В ноте отмечалось, что все три года войны советское правительство «считалось с тем, что маленькая страна Болгария не в состоянии сопротивляться мощным вооруженным силам Германии в такое время, когда Германия держала в своих руках почти всю Европу». Однако в изменившихся условиях, в связи с успешным наступлением антигитлеровской коалиции на востоке, на западе и на юге Европы, когда София «имеет полную возможность, не опасаясь Германии, использовать благоприятный момент и, подобно Румынии и Финляндии, порвать с Гитлером, присоединившись к антигитлеровской коалиции демократических стран», верность Болгарии союзу с Германией расценивалась Москвой как «фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза»⁹⁶.

Вина за конфликт возлагалась на правящие круги Болгарии, которые «втянули болгарский народ в войну сначала против Англии и США, а потом и против Советского Союза, против братского русского народа, пролившего свою кровь за освобождение Болгарии». Соответствующее сообщение Информбюро НКВД СССР от 7 сентября 1944 г. завершалось апелляцией к болгарскому народу: «Болгарский народ должен найти в себе силы, чтобы порвать навязанный ему союз с гитлеровской Германией и восстановить независимость и национальную честь своей родины»⁹⁷.

Последнее заявление опиралось на имевшуюся информацию: с июля 1942 г. в Болгарии действовала организованная и боеспособная сила — подпольный Отечественный фронт в составе БКП, левого крыла Болгарского земледельческого народного союза, левых социал-демократов, политической группы военных и интеллигентов «Звено», в 1944 г. преобразованной в партию. В августе был сформирован национальный комитет Отечественного фронта, с июля 1942 г. организованы партизанские отряды — четы, а в горах созданы крупные партизанские соединения. Наиболее влиятельной силой подполья являлись коммунисты во главе с одним из самых знаменитых антифашистов Г. Димитровым — председателем исполкома Коминтерна до его роспуска в 1943 г., проживавшим в СССР. Еще 24 июня 1941 г. политбюро ЦК БКП приняло решение о вооруженной борьбе против германских нацистов и их болгарских пособников.

Ответом на советскую ноту об объявлении войны было опубликованное в ночь на 6 сентября заявление болгарского МИДа о разрыве отношений с Германией и о том, что правительство Болгарии просит СССР о перемирии. Советская сторона поставила условием рассмотрения этой просьбы официальное заявление правительства Болгарии о разрыве с фашистской Германией. Соответствующее публичное заявление было сделано 7 сентября, а на следующий день болгарское правительство объявило войну Германии. В тот же день войска 3-го Украинского фронта под командованием Ф. И. Толбухина форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии. В обращении советского командования подчеркивалось: «Красная армия вступила в Болгарию как армия-освободительница от немецкого ига»⁹⁸. Поскольку болгарская армия не оказала никакого сопротивления, советская Ставка Верховного главнокомандования приказала не разоружать ее.

Одновременно в Софии коммунисты организовали вооруженное восстание. Решение о его начале было принято на следующий день после объявления СССР войны Болгарии. 6 сентября политбюро ЦК БКП призвало народ к борьбе против фашистской диктатуры и назначило выступление на 9 сентября. Уже 6–7 сентября в крупных городах состоялись стачки и демонстрации, из тюрем были освобождены политические заключенные. В ночь на 9 сентября партизанские отряды и рабочие боевые группы без сопротивления заняли важнейшие стратегические пункты в столице. Часть софийского гарнизона перешла на сторону партизан. На смену свергнутому прогерманскому режиму пришло правительство Отечественного фронта во главе с К. Георгиевым. Новый регентский совет при малолетнем царе Борисе возглавил коммунист Т. Павлов. Правительство Отечественного фронта заявило о готовности воевать против Германии и обратилось к Объединенным Нациям с просьбой о перемирии. Находившиеся в Болгарии германские части с боями отступали к границам с Грецией и Югославией.

Союзников встревожила решимость советской дипломатии самостоятельно решить болгарскую проблему. До сих пор война с Болгарией была их войной, а следовательно, и победа над Болгарией могла быть их победой. 6 сентября 1944 г. британский и американский послы А. Керр и А. Гарриман были приняты В. М. Молотовым. А. Керр (после обсуждения проекта соглашения с Румынией) выразил от лица своего правительства удивление тем моментом времени, который советское правительство выбрало для объявления войны Болгарии. Он заметил, что если бы такой акт был предпринят раньше, он бы приветствовался британским правительством, однако советское руководство без консультации с союзниками не только разорвало отношения с Болгарией, но и объявило ей войну в тот момент, когда Болгария предпринимает попытки заключить мир. А. Керру поручили узнать, «означает ли этот шаг советского правительства, что оно намерено прекратить переговоры о перемирии, ведущиеся в настоящее время с Болгарией, ввиду того что при теперешнем положении англичане и американцы, ведя переговоры с болгарами, нарушили бы обязательство о том, чтобы не заключать сепаратного мира с общим врагом». По сути, Лондон давал понять, что разгадал дипломатический маневр советской стороны, для которой объявление войны Болгарии практически без риска реального военного столкновения было средством принять самое активное участие в подписании мира и оккупации балканского государства.

Прежде чем ответить, В. М. Молотов спросил мнение собеседников о том, «поможет ли разрыв СССР с Болгарией борьбе союзников против Германии». А. Керр ответил утвердительно. В. М. Молотов сказал: «Смена правительств в Болгарии была лишь переодеванием. После того как третье болгарское правительство не решило главного вопроса... вопроса о разрыве с Германией и объявлении ей войны, действия советского правительства были вынужденным и неотложным шагом»⁹⁹.

Переговоры о перемирии с Болгарией начались только 26 октября, после визита У. Черчилля в Москву и известного процентного торга. Им предшествовала серьезная дипломатическая борьба среди союзников по антигитлеровской коалиции. Обеспокоенный активизацией советской дипломатии на Балканах и опасным оборотом, который принимало решение польского вопроса, У. Черчилль прибыл в Москву в сопровождении главы британского

Консультативное совещание дипломатов СССР, Великобритании, США и Болгарии

Подписание Соглашения между СССР, Великобританией и США с одной стороны и Болгарией — с другой

МИДа А. Идена. На первой беседе с В. М. Молотовым 9 октября 1944 г. министр объяснил настойчивое желание У. Черчилля увидеть И. В. Сталина стремлением укрепить союзнические отношения. Британский лидер был в Квебеке, встречался с Ф. Рузвельтом и теперь приехал в Москву, чтобы показать, что «Англия тесно связана не только с Америкой, но и с Советским Союзом... Мы хотим подчеркнуть, что между нами тремя существует единство».

Помимо польского вопроса руководители британской дипломатии намеревались говорить об условиях перемирия «с некоторыми из бывших врагов», имея в виду прежде всего Болгарию¹⁰⁰. А. Иден не скрывал, что «удручен общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом свершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено»¹⁰¹. Речь шла в том числе и о недавнем визите признанного англичанами руководителя югославских партизан И. Б. Тито в Москву без ведома британцев и его договоренностях с И. В. Сталиным относительно пребывания болгарской армии в Югославии, а также о недружественном обращении болгарских военных с английскими офицерами, попавшими в их руки. Капитулировав перед советскими войсками, «болгары обращались с англичанами и американцами так, как будто союзники проиграли им войну». Они взяли под стражу британских офицеров, находящихся в Северной Греции. А. Иден просил Москву положить этому конец и дать болгарским властям в Греции указание с уважением относиться к британским офицерам в Греции и Югославии.

Таким образом, настойчивое напоминание А. Идена о союзнических обязательствах, предварявшее разговор, служило тому, чтобы подвинуть Москву к более лояльному сотрудничеству с англо-американцами. В. М. Молотов согласился, сославшись на то, что с самого начала Лондон и Москва договорились в качестве предварительного условия потребовать от Болгарии вывода болгарских войск из Греции (где наступали британцы) и Югославии. Но он снял с себя ответственность за происшествие с британскими офицерами, заметив, что «советское правительство пока не вмешивалось ни через Толбухина, ни иначе в события за пределами Болгарии».

А. Иден предложил обсудить переговоры и условия перемирия с Болгарией и, преподнеся это как уступку советскому правительству, согласился, чтобы переговоры состоялись в Москве. В то же время он заявил, что не может пойти на еще одну уступку: чтобы после окончания войны с Германией британские и американские представители не участвовали в Союзной контрольной комиссии в Болгарии, так как они три года воевали с Болгарией. Поэтому А. Иден настаивал на пункте, предложенном американцами. Речь в нем шла о создании в Болгарии такого же контрольного аппарата союзников, какой должен был существовать в Германии. В. М. Молотов на этот счет возразил: «Сравнение с Германией непонятно, так как она будет разделена на зоны оккупации». В духе свежих «процентных» предложений британского премьера В. М. Молотов предложил «предоставить в Болгарии 90% Советскому Союзу»¹⁰². Здесь и начался знаменитый торг А. Идена и В. М. Молотова, названный впоследствии, как упоминалось ранее, «процентным соглашением», а на деле подтвердивший намерение СССР утвердить свою роль на Балканах на правах победителя в ущерб прежде всего британским интересам.

А. Иден видел в развитии событий в Болгарии повторение румынского сценария, к чему в Лондоне не были готовы: «В таком случае англичане и американцы будут в Болгарии в роли наблюдателей, какими они являются в СКК в Румынии». Оговорившись в ответ на соответствующее замечание В. М. Молотова, что союзники не хотят вводить в Болгарию свои войска (как в Германию), он предложил назначить председателем трехсторонней СКК в Болгарии советского представителя. На что В. М. Молотов заявил, что тогда у СССР будет 34% вместо 90%.

Британский министр подтвердил, что, по его мнению, события в Болгарии не должны развиваться по румынской модели. В Румынии английские и американские офицеры «являются лишь наблюдателями, а в Болгарии хотели бы после капитуляции Германии быть и активными участниками работы комиссии, хотя участие это будет меньше, чем у русских, т. к. в Болгарии будут находиться советские войска». В. М. Молотов заметил, что это было бы странное руководство. Позже в той же беседе он вернулся к вопросу руководства при участии

британских и американских представителей в СКК в Болгарии: «Руководство контрольными комиссиями в Италии и Румынии принадлежит англо-американскому и соответственно советскому командованию. Но что получится, если в случае с Болгарией будет установлен новый порядок, когда... три державы будут отвечать за работу КК. Есть опасность возникновения неразберихи и трений»¹⁰³.

А. Иден парировал, что не знает, как быть с процентами, но англичане хотят иметь в Болгарии большую долю, чем в Румынии, где у них всего 10%. Тогда В. М. Молотов предложил для Болгарии, Венгрии и Югославии соотношение 75:25, что А. Идену показалось худшим вариантом, чем предыдущий. Торгуясь, В. М. Молотов предложил для Югославии — 50:50, для Болгарии — 90:10 и для Венгрии внести поправку — 75:25. Позже для Болгарии тоже было предложено 75:25 и 60:40 для Югославии. Но А. Иден не согласился на уменьшение с 50 до 40% в Югославии, так как Англия очень много помогала И. Б. Тито. Его предложения: для Югославии — 50:50, для Венгрии — 75:25, для Болгарии — 80:20.

В. М. Молотов продолжил торговаться: «50:50 для Югославии, только если для Болгарии принять соотношение 90:10. Если же для Болгарии принять 75:25, то для Югославии 40:60». Плюс обещание СССР не вмешиваться в дела на морском побережье Югославии. А. Иден упорно отстаивал права союзников: «Англия и США воевали с Болгарией в течение трех лет, болгары плохо обращались с американскими пленными. Россия воевала с Болгарией лишь 48 часов». В. М. Молотов обосновал советские претензии: «Болгария, помогая немцам, причинила СССР больше ущерба, чем какой-либо другой стране». Оставив торг, А. Иден перевел разговор на Югославию, но В. М. Молотов просил срочно, в течение 24 часов, решить вопрос о Болгарии¹⁰⁴.

На следующий день, 11 октября 1944 г., А. Иден продолжил переговоры, изначально согласившись с советским руководством СКК в Болгарии в «первой фазе», то есть пока идет война. Он сказал, что Лондон не рассчитывает на активное участие в работе СКК (по предложению А. Идена ее можно было бы именовать не союзной, а советской с участием представителей Англии и США) в первый период. Но во втором периоде, после капитуляции Германии, они хотели бы играть более активную роль¹⁰⁵, что было зафиксировано в американском варианте статьи 18 проекта соглашения о перемирии. Для содействия военной операции союзников А. Иден предложил опубликовать предъявление Болгарии требований об отводе войск из Греции, против чего В. М. Молотов не возражал.

Уже 16 октября А. Иден сообщил В. М. Молотову о взятии английским десантом Афин. В то же время решено было оставить в Югославии болгарские войска, перешедшие на сторону союзников. В. М. Молотов заявил: «Имеется соглашение о том, что болгарские войска не могут находиться на территории Югославии без согласия советского командования и маршала И. Б. Тито. Такое согласие имеется»¹⁰⁶.

К тому моменту был решен трудный вопрос о руководстве СКК в Болгарии. Британская сторона настаивала на «желательности возвращения к американскому варианту по настоянию американской стороны, поскольку проект хотя и согласован на англо-советских переговорах, но необходимо согласие трех сторон». В. М. Молотов считал, что в статье 18 нет необходимости, поскольку она не была включена в условия перемирия с Финляндией и Венгрией. Ее не было даже в проекте перемирия с Венгрией¹⁰⁷. Это возражение, однако, было снято уже на следующий день (14 октября), видимо, после консультации с И. В. Сталиным. Статья 18 была разъяснена: речь шла о такой редакции статьи, в которой была бы проведена «четкая дифференциация между характером работы СКК в Болгарии в первый и второй периоды ее деятельности». Советский нарком подтвердил, что «в отношении периода до поражения Германии нет разногласий, о большем участии британского и американского представителей в работе СКК во втором периоде достигнуто согласие».

Но для Москвы оставался важным вопрос о руководстве комиссией. В. М. Молотов предложил, чтобы в редакции статьи 18 было указано, что слова «под председательством советского представителя» были заменены словами «под председательством представителя союзного (советского) главнокомандования»¹⁰⁸. Это означало, что союзники предоставляли

право советскому представителю действовать от имени Объединенных Наций, а не просто соглашались с его ролью председателя комиссии. Для СССР это был не только вопрос престижа, но и политический вопрос. Роль коммунистов в свержении профашистского режима и в новом правительстве Отечественного фронта позволяла надеяться на скорейшее превращение Болгарии не просто в дружественную страну, но и в идейно-политического союзника Москвы. Поскольку главным дипломатическим аргументом на тот момент была мощь Красной армии, советской стороне удалось закрепить свои прерогативы в болгарском урегулировании.

В. М. Молотову пришлось не только отстаивать права СССР, но и быть адвокатом Болгарии в целом ряде вопросов. Союзники внесли в текст протокола к соглашению о перемирии пункт об изъятии заграничных активов страны, так как они должны были послужить возмещению военного ущерба. СССР в таком случае ничего не выигрывал, поскольку Болгария не воевала против него. В. М. Молотову пришлось напомнить, что в соглашениях с Румынией и Финляндией (которые нанесли большой ущерб СССР) соответствующих пунктов не было. А. Иден предложил примириться с прежним упушением, признав, что «здесь была допущена ошибка». Тем не менее В. М. Молотов возразил против такого дополнения. Сославшись на И. В. Сталина, он вернулся к этому пункту на следующей встрече 16 октября 1944 г., заявив: «Было бы неправильно требовать от Болгарии то, что мы не требовали от Румынии и Финляндии. Тут речь идет о принципе. Мы не можем ставить Болгарию в худшее положение, чем Румынию и Финляндию. Болгария не вводила своих войск ни на территорию Англии, ни на территорию США, ни на территорию СССР, в то время как Румыния и Финляндия занимали советскую территорию и нанесли нам значительный ущерб»¹⁰⁹.

На том же основании советские переговорщики отклонили предложенный проектом союзников пункт об оккупации Болгарии. Дипломатия СССР стремилась не только отстоять свои права в болгарском вопросе, но доказать ценность сотрудничества новому болгарскому правительству. Принимая во внимание, что в стране утвердилась власть правительства Отечественного фронта, СССР не был согласен на жесткие условия, выдвинутые Великобританией и США.

Спорным был также вопрос о том, кто будет подписывать перемирие от имени союзников. В двух предыдущих случаях это право предоставлялось советским представителям, они же стояли во главе Союзной контрольной комиссии. В случае с Болгарией англосаксы настаивали на том, чтобы перемирие от союзных держав подписал верховный командующий союзными войсками на Средиземноморском театре генерал Г. Вильсон.

В. М. Молотов согласился далеко не сразу, в обмен на признание своего первенства в Болгарии, и преподнес свое согласие как серьезную уступку. При этом нарком стремился предстать защитником интересов союзников, выказав свое недоверие к их вчерашнему врагу: «Надо учитывать опасность, что если условия перемирия будут подписаны маршалом Толбухиным и генералом Вильсоном (командующим на Средиземном море), то это даст болгарам повод думать, что Болгария является черноморской и средиземноморской державой. У Болгарии может разыграться воображение»¹¹⁰.

В итоге перемирие было доверено подписать командующему 3-м Украинским фронтом маршалу Ф. И. Толбухину и представителю верховного командующего союзников в Средиземноморье английскому генералу Д. Гаммеллю. Ф. И. Толбухин был также назначен председателем СКК в Болгарии. Переговоры с делегацией из Софии начались 26 октября.

Новый министр иностранных дел Болгарии, глава делегации П. Стайнов предварил их политическим заявлением, патетическим и трогательным. В нем была обозначена принципиально новая идентичность Болгарии, во главе которой стояло теперь правительство Отечественного фронта. П. Стайнов хотел показать, что перемирие приехал подписывать не представитель страны — союзницы А. Гитлера, предпринявшей «паковую оккупацию» части территорий соседних Греции и Югославии, но посланец болгарского народа, который сам был жертвой пронацистского режима.

Уже через два дня, 28 октября 1944 г., в Москве представителями советского Верховного главнокомандования, верховного командующего союзников в средиземноморском районе и

правительства Отечественного фронта Болгарии было подписано соглашение о перемирии, условия которого в целом совпадали с условиями аналогичного соглашения с Румынией.

Болгария прекратила военные действия против всех Объединенных Наций и обязалась участвовать в борьбе против фашистской Германии под руководством советского главнокомандования. Были предусмотрены вывод болгарских войск и аннулирование оккупации территорий в Греции и Югославии, обеспечение свободного передвижения войск союзников (фактически советских войск) по территории страны, роспуск всех фашистских и профашистских организаций и недопущение впредь их существования, возврат имущества Объединенных Наций и возможность последующей выплаты репараций за понесенные ими военные расходы, передача в качестве трофеев союзному (фактически советскому) командованию всего военного имущества Германии и ее сателлитов, включая их суда, находившиеся в болгарских портах¹¹¹.

Работа Контрольной комиссии была подчинена советским интересам. А. Иден уже в декабре 1944 г. в послании В. М. Молотову жаловался на ограничения и препятствия, чинимые советскими военными властями в Болгарии работе Британской военной миссии, в частности неоговоренное ранее требование советского представителя генерала С. С. Бирюзова ограничить численность британского и американского представительств в СКК одиннадцатью офицерами с каждой стороны¹¹².

В. М. Молотов возложил вину за подобные «недоразумения» на самих союзников: «Эти жалобы, по-видимому... являются результатом неправильного представления о задачах и функциях СКК в Болгарии. Источником этого мне кажется неправильный взгляд на Болгарию как на страну «безоговорочно капитулировавшую», что, очевидно, определяет и... представление (британских военных властей. — *Прим. ред.*) о том, что на территории Болгарии представителям союзной державы должны быть предоставлены возможности, которые ни в какой мере не зависели бы от установленной деятельности СКК». Что касается кардинального уменьшения штата представителей союзников, то позицию генерал-полковника С. С. Бирюзова нарком назвал «принципиально правильной». Он напомнил, что в соответствии со статьей 18 соглашения о перемирии с Болгарией, до окончания военных действий с Германией СКК должна находиться под руководством союзного (советского) главнокомандования, а следовательно, вся работа СКК «осуществляется и направляется советской частью комиссии». Опыт работы СКК в Финляндии, Румынии и Болгарии показал, что для этого достаточно 200–220 человек, и СССР установил штат своих представителей, сотрудников и обслуживающего персонала в 200 человек, которым доверены все вопросы управления. У представителей же союзников задачи в основном информационные. США установили штат в 42 человека, а Лондон наметил штат в 168 человек, который нарком назвал «весьма преувеличенным». В. М. Молотов выразил надежду, что британское правительство «даст указания о сокращении этого штата до пределов, предложенных председателем СКК»¹¹³. Советские планы развития внутривосточной ситуации в Болгарии не предполагали активного участия в ней англо-американского персонала.

Несмотря на ускоренное продвижение советских войск к границам Венгрии, вынудившее венгерское правительство направить в Москву делегацию для переговоров о перемирии, выход этого союзника фашистской Германии из войны затянулся до весны 1945 г.

31 августа 1944 г. комиссией К. Е. Ворошилова был представлен «несколько смягченный» проект условий перемирия с Венгрией, который предполагалось «использовать в случае, если Венгрия, подобно Румынии, должна будет выйти из войны до капитуляции Германии»¹¹⁴.

Однако окончание войны с Венгрией не повторило румынский сценарий. На фоне распада фашистского блока по периметру западных границ СССР Венгрия приобрела для Германии исключительное значение. 19 марта 1944 г. германские войска оккупировали Венгрию. В мае коммунисты инициировали создание нелегального Венгерского фронта в составе коммунистической, социал-демократической и национальной крестьянской партий. Стремясь избежать кровопролития и гражданского раскола, адмирал М. Хорти стремился вывести свою страну из войны и направил в Москву неофициальную делегацию, к которой советская сторона, по-видимому, отнеслась недоверчиво.

М. Хорти

Ф. Салаши

Венгерский вопрос обсуждался В. М. Молотовым и А. Иденом 9 октября, сразу после прибытия высокой британской делегации во главе с У. Черчиллем в Москву. А. Иден интересовался, думает ли В. М. Молотов, что немцы знают о письме М. Хорти И. В. Сталину. Нарком ответил осторожно: «Судить об этом пока трудно, но немцы, видимо, хотели бы найти лазейку для венгров, чтобы их спасти». В. М. Молотов рассказал, что накануне принимал делегацию венгров, которая доставила письмо М. Хорти маршалу И. В. Сталину¹⁵.

11 октября 1944 г., после обсуждения В. М. Молотовым и А. Иденом вопроса о перемирии с Болгарией, в присутствии американского посла А. Гарримана В. М. Молотов сообщил, что венгерская делегация, находящаяся в Москве, получила от своего правительства письмо о том, что оно приняло предварительные условия и просит приостановить продвижение советских войск к Будапешту, так как венгерское правительство намеревалось перебросить с фронта венгерские войска на Будапешт против превосходящих немецких сил, поскольку имеется опасность германского удара, «за которым последуют убийства и погромы, которым нужно помешать» (в Будапеште тогда оставалось 200 тыс. евреев). Согласие советского правительства не встретило возражений союзников¹⁶.

16 октября 1944 г. В. М. Молотов вручил А. Гарриману и А. Керру советские условия перемирия с Венгрией. При этом нарком пояснил, что проект «близко следует условиям перемирия с Румынией. Главное — сумма репараций 400 млн дол. с погашением в 5 лет»¹⁷.

Однако переговоры с представителями М. Хорти скоро были прерваны. Положение в Венгрии приняло крайне неблагоприятный для Объединенных Наций оборот, что на долгие месяцы отсрочило ее выход из войны. 15 октября М. Хорти уступил власть лидеру фашистской партии «Скрещенные стрелы» Ф. Салаши, выступавшему за укрепление союза с А. Гитлером для отражения советской угрозы. Выход Венгрии из войны вновь решался не дипломатами, а военными.

В конце сентября — начале октября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта (командующий — Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), две румынские армии, румынский авиакорпус и 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску вышли на территорию Югославии и румыно-венгерскую границу. Против них находились группа армий «Юг» и часть сил группы «Ф». 6 октября советские танковые и конно-механизированные группы начали наступление на Дебрецен, Клуж и Ньиредьхазу. Форсировав реку Тиса, к 28 октября они с боями прошли от 130 до 275 км, освободив свыше трети территории Венгрии и Северной Трансильвании, в результате чего были созданы благоприятные условия для наступления на Будапешт и продвижения войск 4-го Украинского фронта на Ужгород и Мукачево.

На освобожденной территории в городе Сегед 2 декабря 1944 г. был создан Венгерский фронт национальной независимости, в который вошли коммунистическая, социал-демократическая, национальная крестьянская, буржуазно-демократическая партии, партия мелких сельских хозяев и профсоюзы. На местах роль временных органов власти исполняли национальные комитеты. 22 декабря 1944 г. в Дебрецене временное национальное собрание образовало коалиционное временное национальное правительство, направившее в Москву просьбу о перемирии. В. М. Молотов сообщил о ней послу США А. Гарриману, но тот сослался на отсутствие указаний из Вашингтона. Нарком настаивал на ускорении дипломатического завершения войны с Венгрией: «В Болгарии тоже было создано новое пр-во. Ни США, ни Великобритания не ставили тогда вопроса о том, признавать ли новое правительство в Болгарии, теперь в случае с Венгрией речь идет о разложении венгерской армии и о том, чтобы вывести Венгрию из войны»¹¹⁸.

28 декабря временное национальное правительство Венгрии объявило войну Германии, но оно не контролировало ни большую часть территории страны, ни ядро вооруженных сил. В то же время сам факт существования временного венгерского правительства и контакты с ним имели для союзников по антигитлеровской коалиции большое значение с точки зрения послевоенного урегулирования. Эти контакты позволили найти в венгерском обществе политическую силу, легитимность которой в качестве законного представителя интересов венгерского народа подтверждалась признанием Объединенных Наций.

20 января 1945 г. в Москве представителями временного национального правительства Венгрии и советского Верховного главнокомандования, получившего также полномочия от командований Великобритании и США, было подписано соглашение о перемирии. Им признавался факт военного поражения Венгрии, выход ее из войны и объявление войны фашистской Германии. Венгерская сторона обязывалась разоружить германские войска на своей территории и передать их как военнопленных союзному командованию. Это было чисто формальным обещанием, поскольку наличных сил для этого у временного правительства не имелось. Тем не менее оно обязалось выставить против Германии восемь дивизий, предоставив их в распоряжение союзного (советского) главнокомандования. Для их формирования советское командование передало временному правительству 40 тыс. военнопленных, согласившихся участвовать в борьбе против фашистов, но до конца войны этот процесс не был закончен. Временное правительство обязалось также вывести войска с территории Румынии, Чехословакии и Югославии в пределы границ Венгрии по состоянию на 31 декабря 1937 г., возратить СССР и другим Объединенным Нациям вывезенные из них ценности и материалы, частично возместить их убытки и передать им всё находящееся в стране германское имущество. Венгрия должна была содействовать Объединенным Нациям в деле задержания и передачи заинтересованным правительствам лиц, обвиняемых в военных преступлениях.

Проблема состояла в том, что боеспособные венгерские части по-прежнему подчинялись правительству Ф. Салаша, сохранившему верность А. Гитлеру, и Венгрия стала одним из последних опорных районов германской обороны в Восточной Европе. Впереди была Балатонская операция, которая стала последним из крупных оборонительных сражений Красной армии конца Второй мировой войны. Дипломатическое решение оставалось невозможным до военного разгрома германско-венгерских сил на венгерской территории. Вся территория Венгрии была освобождена только в начале апреля 1945 г. В боях за Венгрию погибли 140 тыс. советских воинов.

Внешнеполитические аспекты освобождения Чехословакии

Политическое урегулирование в отношении Чехословакии, неразрывное с освобождением ее территории, имело две стороны. Во-первых, речь шла о территориальном восстановлении расчлененного в 1938 г. Чехословацкого государства, а содействие советской стороны этому процессу должно было облегчить вторую задачу — утверждение в стране дружественного Советскому Союзу правительства.

В отличие от польского вопроса судьба Чехословакии в период освобождения решалась в атмосфере благожелательного сотрудничества Москвы с эмигрантским правительством Э. Бенеша. Президент Чехословакии старался поддерживать с Москвой отношения взаимопонимания и доверия, не стесняясь высказывать резкие замечания в адрес польских коллег, как и он, укрывшихся в Лондоне. В декабре 1943 г. его правительство заключило с СССР договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет, который предусматривал ведущую роль СССР в обеспечении послевоенной безопасности (от возможной германской агрессии) в Центральной и Восточной Европе и потенциальное подключение к этой системе Польши.

Для Москвы было стратегически важным избежать создания в регионе по периметру советских границ санитарного кордона, подобного образованному после Первой мировой войны. Курс Э. Бенеша определялся принципом, сформулированным государственным министром Г. Рипкой в одном из писем к представителю эмигрантского правительства в Женеве: «Равновесие между Западом и Востоком»¹¹⁹.

У Э. Бенеша были основания опасаться возможного охлаждения отношений с Москвой. Он помнил уроки Мюнхенского соглашения и не очень полагался на добрую волю британцев в отстаивании интересов Чехословакии. Кроме того, после оккупации и расчленения Чехословакии в эмиграции образовались два центра — руководимый самим Э. Бенешем Государственный совет Чехословакии, укрывшийся в Лондоне, и единый центр компартии Чехословакии (включая представителей компартии Словакии) в Москве во главе с К. Готвальдом. Э. Бенеш старался, чтобы отношения между двумя ветвями чехословацкой эмиграции развивались гармонично. Чрезмерные амбиции и конкуренция с коммунистами могли закончиться разрывом с Москвой. Важно также было и то, что на территории СССР имелись значительные вооруженные формирования Чехословакии, активно участвовавшие в войне против фашистской Германии, опять-таки в отличие от отказавшейся от такого участия и тоже сформированной и вооруженной Советским Союзом польской дивизии В. Андерса.

В феврале 1942 — январе 1943 г. в городе Бузулуке (ныне Оренбургской области) был образован отдельный чехословацкий батальон под командованием подполковника Л. Свободы. С начала марта 1943 г. он активно участвовал в освобождении Украины и уже в мае 1943 г. был преобразован в 1-ю отдельную пехотную бригаду. За участие в освобождении Киева эта бригада была первой из иностранных частей награждена советским орденом Суворова 2-й степени, за освобождение Белой Церкви — орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени. В январе 1944 г. в городе Ефремове Тульской области была сформирована 2-я отдельная чехословацкая воздушно-десантная бригада. Весной она вместе с 1-й бригадой составила 1-й чехословацкий армейский корпус, весной — летом 1944 г. были также созданы 3-я отдельная пехотная и 1-я отдельная танковая бригады, 1-й отдельный истребительный авиационный полк, специальные и вспомогательные части. В сентябре 1944 г. корпус в составе четырех бригад (всего около 16 тыс. человек) находился в оперативном подчинении командования 38-й армии 1-го Украинского фронта, возглавляемого Маршалом Советского Союза И. С. Коневым. СССР передал чехословацким войскам свыше 30 тыс. винтовок и автоматов, около 4 тыс. пулеметов, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 142 танка и САУ, свыше 1260 автомашин и 151 самолет.

11 апреля 1944 г. советская армия вышла к границам Чехословакии. Э. Бенеш направил по этому случаю И. В. Сталину приветственное послание, в котором говорилось: «Наши совместные испытания и теперешняя наша совместная борьба гарантируют постоянство нашего союза как на сегодняшний день, так и для нашего будущего... Горячо и с благодарностью приветствуем части Красной армии, вступающие совместно с чехословацкими солдатами на землю нашей дорогой родины»¹²⁰. В своем ответе И. В. Сталин подчеркнул: «Совместная борьба наших народов против общего врага приведет в скором времени к восстановлению свободы и независимости Чехословацкой Республики»¹²¹.

Благодарность и дух союзничества, которыми отмечены эти послания, определили отношение советского руководства к восстановлению суверенитета правительства Чехословакии в освобожденных районах страны. 8 мая 1944 г. было подписано соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии¹²². Инициатива его заключения принадлежала Э. Бенешу. Еще 22 февраля президент Чехословакии передал через советского представителя при союзных правительствах в Лондоне В. З. Лебедева просьбу начать переговоры о подписании соглашения об устройстве администрации в Чехословакии при вступлении туда частей Красной армии¹²³. Руководство Советского Союза предложило, чтобы проект соглашения был составлен чехословацкой стороной. В преамбуле соглашения указывалось, что оно подчинено желанию обоих правительств, чтобы отношения эти «были решены в духе дружбы и союза». В документе содержалось напоминание, что СССР не признал и осудил решения Мюнхенской конференции и включение Чехии и Словакии в состав Третьего рейха в марте 1939 г. Для послевоенной судьбы Чехословакии первостепенное значение имела ссылка на советско-чехословацкий договор 1943 г., в котором было заявлено, что после восстановления мира стороны будут следовать принципам уважения к их независимости и суверенитету, равно как невмешательства во внутренние дела. Советское правительство обязалось содействовать восстановлению чехословацкой армии — важнейшему слагаемому суверенитета в годы войны.

Исходя из этих принципов, первая статья соглашения предоставляла главнокомандующему союзническими (советскими войсками) «власть и ответственность на чехословацкой территории лишь в пределах зоны военных операций и лишь в делах, относящихся к ведению войны». Чехословацкое правительство, полностью беря в свои руки власть управления общими делами, должно оказывать советскому командованию всестороннее содействие через все свои гражданские и военные органы, а граждане страны и состав чехословацких вооруженных сил вне зоны боевых действий подлежали юрисдикции правительства Чехословакии. Еще до подписания соглашения его проект одобрил Ф. Рузвельт, о чем А. Я. Вышинский сообщил 30 апреля 1944 г.¹²⁴ Однако У. Черчилль, который пытался воспрепятствовать соглашению, медлил с ответом.

В советско-британских отношениях это были не лучшие дни. У. Черчилль пытался надавить на И. В. Сталина в польском вопросе и обменялся с главой советского правительства крайне резкими посланиями. В то время как отношение Москвы к польскому эмигрантскому правительству все более ужесточалось, атмосфера сотрудничества с эмигрантским правительством Чехословакии служила моделью конструктивного взаимодействия и союза довоенного политического истеблишмента, национальных антифашистских сил Сопротивления и наступающих советских армий. Однако на этом благоприятном дипломатическом фоне освобождение страны, ставшей стратегическим плацдармом германской обороны, затянулось более чем на год тяжелых боев.

Ожесточенное сопротивление немцев делало неотложной стратегической задачей советской внешней политики создание благоприятных международных условий для скорейшей победы над Германией. Большим осложнением для советского командования могла стать готовящаяся оккупация немцами территории Словакии, с которой ни у Москвы, ни у заграничного бюро чехословацкой компартии не было прямой связи. Поскольку Э. Бенеш имел с ней регулярную радиотелеграфную и курьерскую связь, сведения о происходящем в Словакии советские органы получали из Лондона через чехословацкого посла в СССР

3. Фирлингера, военного министра эмигрантского правительства С. Ингра или начальника военной миссии в СССР полковника Г. Пику, к которым, впрочем, в Москве не испытывали полного доверия¹²⁵.

После ликвидации независимой Чехословакии словацкая часть ее территории была поставлена на службу военным и продовольственным потребностям фашистской Германии, но оставалась вне зоны германской оккупации. А. Гитлеру, который сосредоточился на наступлении на СССР, не было нужды расплывать силы для создания оккупационного режима в Словакии, где покорность населения обеспечивал марионеточный режим Й. Тисо. Кардинальные изменения военной обстановки заставили Германию приступить к созданию глубокоэшелонированной обороны по всему периметру границ между СССР и рейхом, и словацкая территория должна была стать частью этого оборонительного плацдарма. Верхи словацкого политического режима раскололись. Внутри его руководства сложилась патриотическая антигерманская партия.

В начале августа 1944 г. Москва получила подтверждение сообщений полковника Г. Пики о том, что патриотическое подполье имеет действительные связи с руководством армии словацкого марионеточного правительства. Это была информация о приземлении в расположении частей Красной армии словацкого самолета с пассажирами — руководителем компартии Словакии, членом Национального совета Словакии и членом Военного совета Словакии (все три организации подпольные) К. Шмидке и членом Военного совета подполковником М. Ферьенчиком¹²⁶. В донесении упоминалось, что самолет, на котором они летели, был им предоставлен словацким военным министром. К. Шмидке стал связующим звеном между словацким подпольем и советским командованием, как и М. Ферьенчик¹²⁷. 7 августа они по поручению министра обороны Словакии Ф. Чатлоша передали в Генеральный штаб РККА рекомендации, «как лучше сделать, чтобы вся словацкая армия приняла участие в борьбе против немцев». Подпольные Национальный совет и Военный совет «договорились о координации выступления словацкой армии и всего народа вместе с Красной армией», но сообщили в Москву о решимости, «если что-либо случится», выступить самостоятельно¹²⁸.

Немаловажным для отношения советского руководства к словацкому подполью было желание К. Шмидке связаться с Г. Димитровым и К. Готвальдом — главой КП Чехословакии, поскольку представленная им самим словацкая компартия была создана «на месте».

Содействие словацкого военного министра подпольному Национальному совету свидетельствовало об обобщенном стремлении к единству действий двух центров Сопротивления — связанной с Э. Бенешем патриотической оппозиции в руководстве правительственной словацкой армии и подпольного Национального совета, созданного коммунистами. Почти одновременно с К. Шмидке и М. Ферьенчиком, но желая их опередить, в СССР прибыл эмиссар военного министра нелегальной Словацкой народной рады бригадного генерала Я. Голиана, действовавшего в конкуренции с военным министром национальной обороны марионеточного прогерманского правительства Словакии генералом Ф. Чатлошем и желавшего опередить посланцев министра. Донесение об этом было направлено В. М. Молотову наркомом госбезопасности В. Н. Меркуловым.

Однако союз с правительством Э. Бенеша в Москве считали более предпочтительным — его расценивали как необходимого, благожелательного союзника. В то же время с правительством Э. Бенеша не было классового родства, как и исторически сложившейся враждебности, препятствовавшей компромиссу с польским эмигрантским правительством. Внутренняя ситуация в Словакии в большей степени соответствовала целям советской дипломатии.

7 и 8 августа в беседах с начальником Управления спецзаданий ГРУ Генштаба Красной армии генералом Н. В. Славиным К. Шмидке сообщил, что в Словакии наряду с правительством Й. Тисо действовал Национальный совет, ведущей силой и основательницей которого являлась компартия Словакии. В его состав входили восемь коммунистов и восемь представителей других партий (их Шмидке в первой беседе назвал «гражданскими»). Упомянул К. Шмидке и генерала Я. Голиана, который стал семнадцатым членом Национального совета. К. Шмидке утверждал, что коммунисты являлись ведущей партией в стране и что ее

поддерживали 60–70% населения. «Общее настроение всех кругов за тесный союз с Советским Союзом и за обеспечение всех мероприятий, направленных к продвижению Красной армии, и за полный разгром гитлеровской Германии»¹²⁹.

Несмотря на этот благоприятный информационный фон, советская сторона не торопилась поощрять заговорщиков из словацкой армии к организации вооруженного сопротивления немцам. Главная причина состояла в реальной оценке перспектив восстания, поскольку советский Генштаб располагал более достоверными сведениями об оперативной обстановке и германских силах. План предполагал, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить значительную часть страны, но «он не принимал в расчеты возможных контрмер гитлеровцев. А самое главное, он был составлен так, как будто не существовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам». Кроме того, советскому командованию было ясно, что соседняя Венгрия может принять самое активное участие в подавлении восстания на стороне А. Гитлера¹³⁰.

Еще 1 марта 1944 г. Г. С. Жуков (комиссар госбезопасности 3 ранга. — *Прим. ред.*) доложил И. В. Сталину, что руководство Генштаба Красной армии считает предложенный словаками план восстания нереальным, но полагает «целесообразным рассматривать операцию в Словакии только как возможность создания большого плацдарма активной партизанской борьбы... так как он свяжет известные силы немцев». Партизанское подполье было одним из важных факторов успехов Красной армии, и в мае 1944 г. руководитель загранбюро КПЧ в Москве К. Готвальд специально ездил в Киев, чтобы вместе с советскими товарищами разработать план развития партизанского движения на чехословацкой территории. 17 июня 1944 г. было принято соответствующее постановление КП(б) Украины: начать переброску в Чехословакию опытных советских партизанских командиров и чехословацких граждан, которые уже участвовали в действиях украинских и белорусских партизан¹³¹.

Первый заместитель начальника Генштаба РККА генерал А. И. Антонов и заместитель наркома обороны генерал Ф. И. Голиков считали, что, если по политическим соображениям предложение чехов будет И. В. Сталиным принято, можно обещать чехословацкому правительству помощь оружием и людьми (переброской одной чехословацкой, сформированной в СССР, и одной советской парашютно-десантной бригады) и «порекомендовать чехам отказать от мысли строить стабильную оборону всей Словакии против немцев в начальной фазе операций, а использовать эти две бригады как ядро для развертывания мощного партизанского движения за счет мобилизации и вооружения местного населения». Вместе с тем А. И. Антонов оговорился, что такая операция была бы очень трудной для советской стороны, потребовала бы привлечения большого количества транспортной авиации и повлекла бы большие людские и материальные потери. Судя по всему, политические соображения И. В. Сталина относительно Чехословакии уже обсуждались в военных ведомствах, поэтому А. И. Антонов и Ф. И. Голиков считали: «Поскольку для нас выгодно взять в свои руки строительство будущей чехословацкой армии, следует обещать чехам просимое ими, с учетом того, что мы не будем передавать чехам для организации производства наиболее секретные образцы нашего вооружения»¹³².

27 августа Г. Пика известил И. В. Сталина о германских планах оккупировать Словакию уже в ближайшие дни и о решении генерала Я. Голиана оказать сопротивление немецким войскам. Э. Бенеш одобрял решение и просил советское командование поддержать восставших.

29 августа 1944 г. в Словакию были введены германские войска, наступавшие из Польши, Чехии и Австрии. В ночь на 30 августа Я. Голиан отдал приказ о начале вооруженного сопротивления немцам, и в тот же день словацкий Национальный совет объявил о свержении марионеточного правительства Й. Тисо. Уже 31 августа восстание охватило две трети территории страны. Центром его стал город Банска-Бистрица. Здесь 1 сентября Совет принял декларацию с требованиями восстановления единства Чехословакии и демократических преобразований. Из Москвы в Банска-Бистрицу самолетом прибыла группа руководителей компартии Чехословакии во главе с Я. Швермой. Против восставших, снабженных только стрелковым оружием, немцы бросили свыше 30 тыс. войск, в том числе две танковые дивизии.

2 сентября К. Готвальд передал через Г. Димитрова наркому иностранных дел В. М. Молотову записку «К событиям в Словакии». В документе говорилось, что в стране «развертывается мощная вооруженная народная война против вторгшихся немецких войск», и подчеркивалось, что компартия, «которая имеет сегодня решающее влияние в народе, принимала самое активное участие в подготовке восстания». По оценке К. Готвальда, «развернувшаяся в Словакии борьба является подлинно народным, глубоко демократическим освободительным движением». В то же время он указывал, что восстанием руководит словацкий Национальный совет, политическая платформа которого предполагает создание демократической Чехословацкой республики и «прочную дружбу с Советским Союзом». В заключение К. Готвальд добавил: «Заявление лондонского правительства, что оно руководит этой борьбой, мы считаем бахвальством, объявление Лондоном словацкого национального войска частью чехословацкой армии считаем преждевременным и вредным в политическом и военном отношении»¹³³. Столь явное указание на природу восстания должно было ускорить решение советского руководства в пользу словацких патриотов.

Восстание внесло изменения в первоначальные планы советского командования. Из СССР по воздуху были переброшены несколько чехословацких подразделений и соединений советских партизан, оружие и боеприпасы. Обратными рейсами в СССР вывозились раненые партизаны. В ответ на запрос посла Чехословакии о подчинении чехословацких корпусов, сформированных, вооруженных и переброшенных в страну из СССР, а также партизанских соединений лондонскому правительству заместитель наркома А. Я. Вышинский 22 сентября подтвердил, что «советское правительство, разумеется, признает за Объединенными силами Сопrotивления на чехословацкой территории права войска воюющей страны»¹³⁴.

Выполняя просьбу ЦК КПЧ о срочной помощи, 8 сентября начали наступление войска левого крыла 1-го Украинского фронта, в который входил чехословацкий корпус. 9 сентября перешли в наступление войска 4-го Украинского фронта, но на их пути лежал сильно укрепленный горный перевал Дукла. Только 6 октября здесь удалось подавить сопротивление врага, и советские и чехословацкие части вступили на территорию Словакии.

Посол Чехословакии в Москве З. Фирлингер 8 октября 1944 г. телеграфировал в Лондон министру иностранных дел Я. Масарику: «Советы сделали для Словакии всё, что было в их силах. Наступление на Карпаты было предпринято по нашей просьбе и означает тяжелые потери для Красной армии. Как на грех, подвело командование обеих словацких дивизий в Восточной Словакии, которые должны были поддерживать наступление». Далее посол советовал просить Москву «немедленно послать в Словакию опытного советского генерала, который представлял бы там Верховное командование Красной армии», чтобы «помочь координировать действия всех частей, в частности войсковых и партизанских». Далее следовало прямое указание на роль Москвы в восстановлении единства Чехословакии: «В Словакии это оказало бы также хорошее политическое воздействие, так как влияние Советского Союза всегда будет объединяющим в духе нашего союзнического договора»¹³⁵.

Тон ответной телеграммы министра должен был подействовать на посла отрезвляюще, предостерегая от дальнейших изъяснений в излишней, по мнению Лондона, благодарности по отношению к советской стороне: «С глубокой благодарностью мы признаем, что сделали для нас Советы. Мы чрезвычайно удивлены Вашим утверждением, что Советы предприняли карпатское наступление по нашей просьбе. Что касается Лондона, то такой просьбы не было. В действительности как раз наоборот. Я лично вел переговоры о русской помощи, причем исключительно о поставках оружия, и вначале я очень ясно констатировал, что... мы просим помощи лишь в рамках советской стратегии и что мы очень хорошо знаем, что ради нас они не будут предпринимать никакого наступления». Я. Масарик просил посла сообщить, кто конкретно просил о карпатском наступлении, и добавил: «Если это произошло в Москве, то я снимаю с себя всякую ответственность»¹³⁶. Посол вынужден был успокоить Я. Масарику, что о возможности подобной операции военный представитель Г. Пика говорил как о плане чехословацкого военного командования, но действительно ни о чем конкретно, кроме оружия, не просил.

Красная армия продвигалась в Словакии с тяжелыми боями. Параллельно с наступлением решались вопросы помощи голодающему словацкому населению сожженных немцами деревень. Командующий чехословацким армейским корпусом генерал Л. Свобода попросил посольство обратиться в НКВД за продовольственной помощью, поскольку, как сообщил сам генерал, чтобы спасти своих соотечественников от голода, он вынужден был урезать рацион своих бойцов. По личному приказу И. В. Сталина в тот же день начальнику тыла 1-го Украинского фронта было дано указание передать Л. Свободе 500 тонн муки для первых словацких районов, вызволенных из фашистской неволи¹³⁷. Между тем немцы 27 октября заняли центр восстания — город Банска-Бистрицу и заставили партизан отступить в горы.

В советско-чехословацких отношениях того периода существовал достаточно деликатный вопрос, связанный с планами территориальных изменений, изложенными, в частности, в записке М. М. Литвинова «Об обращении с Германией». В документе говорилось: «Если бы Чехословакия согласилась уступить нам Подкарпатскую Украину (в чехословацких документах — Карпатская Украина, в более поздних советских — Закарпатская Украина. — *Прим. ред.*), тогда можно было бы предложить ей в виде компенсации некоторую часть Верхней Силезии»¹³⁸.

26 ноября 1944 г. собрание местных комитетов освобожденной Красной армией территории Карпатской Украины приняло постановление о присоединении к СССР. Этот вопрос обсуждался на переговорах в Москве в конце декабря 1944 г., и советская сторона дала понять чехословацким представителям, что хотела бы, чтобы эта часть прежней территории Чехословакии была добровольно передана СССР в соответствии с волеизъявлением ее населения.

29 декабря уполномоченный чехословацкого эмигрантского правительства Ф. Немец в крайне осторожном письме, дабы исключить даже намек на какое-либо давление со стороны советских властей, советовал Э. Бенешу немедленно заняться проблемой Карпатской Украины, причем так, чтобы самому проявить инициативу в этом вопросе. Говоря о ситуации на местах, Ф. Немец предостерег чехословацкие органы от попыток немедленно восстановить суверенитет над этой территорией: «Исключено, чтобы чехословацкие административные органы могли действовать на Карпатской Украине против воли местного населения. В данном случае это означало бы господствовать путем насилия против народа и намеренный советских военных органов, которые хотят полного спокойствия в своем тылу». Отказ от притязаний Ф. Немец считал крайне важным для дальнейших отношений с Москвой: «Дело теперь в том, используем ли мы стремление карпатского народа для улучшения нашей позиции или будем ждать, пока карпатский народ осуществит это без нашего согласия или даже вопреки нашей воле. Сегодня смелым решением мы можем многое выиграть, а неблагоразумием и колебаниями многое потерять». Чехословацкий уполномоченный считал «совершенно необходимым», чтобы его правительство официально сообщило Советскому Союзу о своей готовности удовлетворить требование прикарпатских украинцев о присоединении к СССР и начать об этом переговоры. Видимо, опасения В. М. Молотова, что подобное решение территориального вопроса еще до мирной конференции может привести к осложнениям с официальным Лондоном и представить Советский Союз в невыгодном свете, заставили автора заметить: «Дело СССР самому решить, вызовет или не вызовет решение этого вопроса уже теперь международные трудности. Я предостерегаю от того, чтобы наши круги изображали это движение не как результат народного движения и национального самосознания на Карпатской Украине, которые постепенно развились после освобождения страны»¹³⁹.

Тогда же В. М. Молотов передал через Ф. Немца приглашение советского правительства эмигрантскому правительству в Лондоне переехать в какой-либо освобожденный город, ближе к чехословацкой территории. В качестве временной резиденции был предложен Львов. 30 декабря Э. Бенеш ответил, что «ожидал этого приглашения» и немедленно начинает подготовку к переезду. Однако из тактических соображений, «принимая во внимание Запад», Э. Бенеш высказал пожелание, чтобы переезд был бы осуществлен не во Львов или

другой советский город, а сразу в какой-нибудь город на территории его страны (например, в Кошице).

На замечание наркома, что такой переезд поможет установить более тесное взаимодействие между советским и чехословацким правительствами, Э. Бенеш сказал: «Я вполне согласен с тем, что нет достаточного контакта между нашим правительством и советским правительством, учитывая то, что самые важные наши дела решаются теперь в Москве, а не в Лондоне».

Но этот успех делал тем более важным полюбовное решение вопроса о Карпатской (Закарпатской) Украине, что он стал активно обсуждаться в западной печати и в лондонских эмигрантских кругах, в том числе близких чехословацкому правительству в изгнании, в духе, крайне неблагоприятном для СССР.

23 января 1945 г., в разгар успешного наступления советских войск в Карпатах, И. В. Сталин направил Э. Бенешу послание, призванное развеять подозрения в желании Москвы односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Глава советского правительства сослался на свою беседу с лидером чехословацких коммунистов К. Готвальдом, который передал, что чехословацкое правительство «испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине». Напомнив о праве народов на самоопределение, И. В. Сталин отметил: «Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу». Советский лидер призвал Э. Бенеша в свидетели, что не дал тогда на это своего согласия. «Но из того, что советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что советское правительство намерено нарушить договор между нашими странами и односторонне решить вопрос». Такое предположение И. В. Сталин назвал оскорбительным для советского правительства и заявил, что, поскольку вопрос, конечно, придется решить, он «может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после окончания войны»¹⁴⁰.

29 января Э. Бенеш ответил И. В. Сталину, что ни он лично, ни чехословацкое правительство «ни на минуту не допускали», что советское руководство имело намерение односторонне решить вопрос, и заверил Москву в том, что злонамеренные слухи на этот счет распускались противниками СССР и Чехословакии. Далее Э. Бенеш изложил свою позицию. Он ни в коем случае не хотел бы интернационализации проблемы. «Со своей стороны мы не сделаем этот вопрос предметом каких-либо дискуссий или вмешательства других держав. Мы хотим прийти на эвентуальную мирную конференцию, имея этот вопрос уже окончательно решенным с Вами в духе полной дружбы. Лично я и правительство считаем, что этот вопрос никогда не будет предметом какого-либо спора между нами». Письмо Э. Бенеша заканчивалось на высокой ноте: «Нет такого государства, которое питало бы столь искренние чувства настоящей дружбы к Советскому Союзу, как Чехословацкая Республика»¹⁴¹.

С 12 января по 18 февраля 1945 г. войска 2-го и 4-го Украинских фронтов, чехословацкий армейский корпус, 1-я и 4-я румынские армии взломали сильно укрепленные позиции противника в горно-лесистом районе и успешно завершили Западно-Карпатскую операцию, освободив Словакию и Моравию. После этого окончательно решился вопрос о переезде чехословацкого правительства из Лондона в Кошице, как и вопрос о реорганизации самого правительства. Переговоры велись между Э. Бенешем и И. В. Сталиным 17–31 марта 1945 г., во время визита президента Чехословакии в Москву.

10–11 мая 1945 г. немецкие войска в Чехословакии сложили оружие. При освобождении Чехословакии советские войска потеряли около 140 тыс. убитыми, чехословацкие регулярные части — 4 тыс. человек. Отношения между советским и чехословацким эмигрантским правительствами контрастировали с враждебностью и напряжением, которые возникли в тот период между Москвой и эмигрантским правительством Польши.

Польский и югославский вопросы

Ввиду приближения Красной армии к государственной границе СССР 1941 г., главным для советской дипломатии на польском направлении был вопрос о принципиальном признании территориальных приращений 1939 г., осуществленных уже после начала Второй мировой войны в соответствии с секретным протоколом к советско-германскому договору о ненападении. Упрочение антигитлеровской коалиции и решения Тегеранской конференции позволяли надеяться на благожелательное отношение союзников к требованиям СССР, тем более что их обоснованием были решения международного арбитража 1919 г., установившие советско-польскую границу по линии Керзона. Кроме того, после разгрома Германии Польша предлагала взамен территориальную компенсацию на западе за счет германской территории. Однако вопрос о границе стал камнем преткновения в отношениях советского руководства с правительством С. Миколайчика. Удовлетворение существенных интересов Москвы ввиду жесткой позиции Лондона чем дальше, тем больше требовало его отстранения от политического решения польского вопроса.

С начала 1944 г. советское правительство активно содействовало созданию в Польше политического центра и сил Сопротивления, альтернативных тем, что подчинялись эмигрантскому польскому правительству в Лондоне. В Варшаве в ночь на 1 января 1944 г. образовалась подпольная Крайова Рада Народова, председателем которой стал коммунист Б. Берут¹⁴². США и Великобритания признавали законным представителем польского народа правительство Польши в Лондоне. Польский вопрос занимал важное место в отношениях Москвы с Лондоном и Вашингтоном, отстаивавших интересы эмигрантского правительства, отношения с которым Москва разорвала.

В первой половине 1944 г. затягивание с открытием второго фронта в Европе показало, что дело освобождения территории Восточной Европы от фашизма ляжет на советские войска. Это обстоятельство, а также важность вопроса определили стиль его решения: переговоры по польскому вопросу велись советской дипломатией в основном жестким языком ультимативных заявлений.

5 января 1944 г. эмигрантское польское правительство в Лондоне опубликовало декларацию по вопросу о советско-польских отношениях, в частности о советско-польской границе. Ознакомившись с ней, 7 января И. В. Сталин написал У. Черчиллю: «Как видно, нет основания рассчитывать на то, чтобы удалось образумить эти круги. Эти люди неисправимы»¹⁴³.

Ответное официальное заявление советского правительства по польскому вопросу было передано для ознакомления британскому поверенному в делах Дж. Бальфуру и послу США А. Гарриману 11 января 1944 г. В. М. Молотовым. Оно содержало развернутую программу развития советско-польских отношений на период освобождения, соответствующую советским интересам. В духе принципа Объединенных Наций о восстановлении суверенных прав народов в советском заявлении отстаивалась легитимность «новой восточной границы Польши, установленной в 1939 г. и нарушенной Гитлером», — это указание для члена антигитлеровской коалиции само по себе было весомым оправданием советских требований. Далее говорилось, что присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии (для поляков — Восточной Польши) «несправедливость, допущенная Рижским договором 1921 г., который был навязан Советскому Союзу, в отношении украинцев, населяющих Западную Украину, и белорусов, населяющих Западную Белоруссию, была таким образом исправлена».

Москва заявляла о стремлении к воссозданию «сильной и независимой Польши» и о желании «установить дружбу между СССР и Польшей... на основе союза по взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши». Этой задаче послужило бы присоединение Польши к советско-чехословацкому договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве¹⁴⁴.

Далее в заявлении косвенно обращалось внимание на альтернативные подчиненным Лондону польские силы, говорилось об имеющемся опыте советско-польского военного

сотрудничества, причем, естественно, речь шла не об армии В. Андерса, подчинявшейся эмигрантскому правительству, а о частях, сформированных на советской территории. «В освободительной борьбе уже выполняют свои задачи Союз польских патриотов в СССР и созданный им польский армейский корпус, который действует вместе с Красной армией».

Также говорилось о возможности территориального вознаграждения полякам за участие в общей борьбе с нацизмом, но не на востоке, а на западе, за счет Германии: «Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель». СССР предлагал границу по линии Керзона, рекомендованной в 1919 г. В заключение было выражено отношение СССР к правительству С. Миколайчика: «Эмигрантское польское правительство, оторванное от своего народа, оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом... своей неправильной политикой оно нередко играет на руку немецким оккупантам»¹⁴⁵.

Польское правительство отреагировало предложением вступить в переговоры, но уклонилось от комментариев по вопросу о предложенной СССР границе по линии Керзона. Союзники настаивали на компромиссе, на сотрудничестве СССР и польского правительства в Лондоне. 18 января А. Гарриман предложил от имени своего правительства «дружеские услуги» по посредничеству между СССР и эмигрантским правительством Польши, но услышал в ответ об условии, выдвинутом Москвой: это правительство должно быть реорганизовано¹⁴⁶.

В письме И. В. Сталину 1 февраля 1944 г. У. Черчилль также выступил адвокатом лондонских поляков. Премьер-министр передал советскому лидеру содержание беседы с представителями польского правительства в Лондоне. Прежде всего он подчеркнул, что с пониманием относится к советским требованиям по границе как справедливой компенсации в войне, чего не хотела учесть польская сторона, для которой не было различия между германской или советской аннексией. Недаром И. В. Сталин в беседе с американским послом А. Гарриманом возмущенно говорил об этих «польских помещиках»: «Все считают русских батраками. Русские должны освободить Польшу, а поляки хотят получить Львов. Все считают, что русские — дураки»¹⁴⁷.

Соглашаясь с позицией Советского Союза по границе, У. Черчилль напомнил членам польского правительства: «Хотя мы и вступили в войну из-за Польши, мы пошли на это не из-за какой-либо определенной линии границы... освобождение Польши от германского ига осуществляется главным образом ценой огромных жертв со стороны русских армий». Поэтому он советовал польским министрам, чтобы Польша в значительной степени сообразовалась с мнением союзников (включая СССР) «в вопросе о границах территории, которую она будет иметь». Речь шла о согласии на востоке на линию Керзона при условии компенсации на севере и западе. При этом У. Черчилль признался И. В. Сталину, что говоря о будущем приращении территории Польши за счет восточно-прусских земель, он не коснулся вопроса Кёнигсберга¹⁴⁸.

Далее У. Черчилль представил перечень вопросов, волновавших не только польских министров, но и его самого. Они касались политической организации власти по мере освобождения Польши от немцев советскими войсками. Во-первых, министры просили заверений в том, что Польша на отведенной ей новой территории будет свободна и независима. Во-вторых, они интересовались, будет ли позволено польскому правительству вернуться из Лондона и создать правительство на более широкой основе в соответствии с желанием народа и разрешено выполнять административные функции в освобожденных районах, если значительная часть территории Польши к западу от линии Керзона окажется занята советскими войсками. В-третьих, они были «глубоко озабочены вопросом об отношениях между польским подпольным движением и наступающими советскими войсками».

У. Черчилль хотел предупредить И. В. Сталина, что его стремление в будущем отстранить польское правительство в Лондоне серьезно осложнит отношения союзников с Москвой: «Если... успешное продвижение советских войск будет продолжаться и большая часть Польши будет очищена от германских захватчиков, хорошие отношения между любыми силами, которые смогут говорить от имени Польши, и Советским Союзом, абсолютно необходимы.

Создание в Варшаве иного польского правительства, чем то, которое мы до сих пор признавали, вместе с волнениями в Польше поставило бы Великобританию и Соединенные Штаты перед вопросом, который нанес бы ущерб полному согласию, существующему между тремя великими державами, от которых зависит будущее мира»¹⁴⁹.

Но советский руководитель не согласился с предложениями У. Черчилля. И. В. Сталин не верил в успех британского посредничества. Совсем скоро, в начале марта, он поделился своим отношением к демаршам британского премьера с А. Гарриманом: «Черчилль ничего не сможет сделать с поляками. Поляки обманывают Черчилля»¹⁵⁰. А в мае в беседе с американским послом в Москве А. Гарриманом британский премьер-министр сетовал на неблагодарность И. В. Сталина в ответ на его посредничество, заявив, что С. Миколайчик готов был признать линию Керзона в качестве временной административной границы Польши на востоке¹⁵¹.

Разумеется, именно эта условная временность не устраивала руководство Советского Союза, которое искало свое решение польского вопроса. Поэтому И. В. Сталин считал, что в вопрос о границе «уже теперь должна быть внесена полная ясность». Он требовал от польского правительства официального заявления, что линия границы, установленная Рижским договором, подлежит изменению и что новой советско-польской границей должна быть линия Керзона. Он напомнил о том, что в Тегеране было решено: «Приращение польской территории на севере и на западе возможно только при удовлетворении интересов СССР». А это означало, что северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая Кёнигсберг как незамерзающий порт, должна отойти Советскому Союзу. Это «единственный кусочек германской территории, на который мы претендуем, — заметил И. В. Сталин, — без удовлетворения этой минимальной претензии уступка Советского Союза, выразившаяся в признании линии Керзона, теряет всякий смысл»¹⁵².

В первые месяцы 1944 г. И. В. Сталин заявлял: «С нынешним польским правительством мы не можем восстановить отношений... Профашистские акты польского правительства известны». Он говорил также о враждебных выступлениях польских послов в Мексике и Канаде, генерала В. Андерса на Ближнем Востоке, «переходящей всякие границы» враждебности СССР польских нелегальных изданий на оккупированной территории, уничтожении польских партизан по директивам польского правительства. Серьезные обвинения основывались не только на общих представлениях о враждебности польских политиков и военных, покинувших страну в 1939 г., и вступления Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, но и на данных разведки и независимых (в том числе чехословацких) источников¹⁵³. Для советского руководства улучшение советско-польских отношений было невозможным без реорганизации польского правительства, то есть удаления из него элементов, которые он называл «профашистскими» и «империалистическими», и включения в него людей «демократического образа мыслей»¹⁵⁴.

Письмо И. В. Сталина было своего рода комментарием к опубликованному ранее заявлению ТАСС. 16 января 1944 г. В. М. Молотов ознакомил с ним посла США А. Гарримана. На том основании, что в ответе польского правительства на советское заявление главный вопрос о признании линии Керзона игнорировался, СССР расценил это как «отклонение» своего требования. Советское руководство отказалось от переговоров с С. Миколайчиком, пояснив, что дипломатические отношения с его правительством были разорваны. Советская сторона напоминала, что «отношения прерваны по вине этого правительства, из-за его активного участия во враждебной антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов по поводу убийств в Катыни», и заявляла, что, по мнению советских кругов, «нынешнее польское правительство не желает установить добрососедские отношения с Советским Союзом»¹⁵⁵.

Ни Ф. Рузвельт, ни У. Черчилль не считали возможным осложнять из-за Польши добрые отношения с главой советского правительства, необходимые для борьбы против фашистской Германии, а в будущем — и против Японии. Вместе с тем обострение польского вопроса в тот момент совершенно не устраивало Ф. Рузвельта, поскольку это была одна из больших тем предстоящей президентской избирательной кампании, которую хотелось бы замять, и он призывал И. В. Сталина к диалогу с лондонскими поляками. А. Гарриман заметил В. М. Мо-

лотову, что в ближайшие шесть месяцев до выборов Ф. Рузвельт заинтересован в том, чтобы в польском вопросе не было никаких моментов, которые могли бы возбудить общественное мнение в США и создать там противоречия¹⁵⁶.

По мнению Ф. Рузвельта, решение польского вопроса могло бы развиваться по чехословацкому сценарию, если бы С. Миколайчик, удалив из своего правительства непримиримых противников каких бы то ни было уступок Москве (вроде главнокомандующего польскими вооруженными силами К. Соснковского), примирился с И. В. Сталиным¹⁵⁷. Кроме того, он считал крайне вредным любой внутренний раскол в польском освободительном движении, как и столкновение подпольной Армии Крайовой и Красной армии на территории Польши. Президент США написал И. В. Сталину 11 февраля 1944 г. по поводу его опасений на этот счет: «Я полностью осознал, что будущая безопасность вашей страны... в первую очередь касается Вас... В первую очередь надо рассмотреть вопрос о том, чтобы польские партизаны действовали вместе с вашими продвигающимися войсками, а не против них»¹⁵⁸.

Того же мнения придерживался посол США в Москве А. Гарриман. На совещании в посольстве 15 февраля 1944 г. А. Гарриман резюмировал советскую позицию: русские «не хотят коммунизировать Польшу, но они и не хотят, чтобы страна вернулась к открыто антисоветскому правлению... их отношение к (лондонскому. — *Прим. ред.*) правительству вполне обоснованно». В своей беседе с И. В. Сталиным 3 марта 1944 г. посол открыто заявил: «Мы не должны допустить, чтобы наши отношения с советским правительством были испорчены поляками»¹⁵⁹.

Советская дипломатия стремилась нейтрализовать антисоветские настроения в польской эмиграции в США, чтобы снять остроту польского вопроса в президентской избирательной кампании Ф. Рузвельта. В Москву при содействии председателя Союза польских патриотов В. Василевской в частном порядке были приглашены видные представители польской интеллигенции в США С. Орлеманский¹⁶⁰ и О. Ланге, чтобы ознакомиться с положением поляков в СССР. И. В. Сталин принял их, хотя, как подчеркивалось, они «никого, кроме себя, не представляли». О. Ланге повторил представителю ТАСС слова, услышанные от И. В. Сталина: «Польша будет играть весьма важную роль в Европе... В интересах Советского Союза, чтобы Польша была сильной»¹⁶¹.

Между тем на заседании 15 февраля 1944 г. польское правительство в Лондоне отклонило предложение о границе по линии Керзона, переданное ему британским правительством. В отличие от Ф. Рузвельта, желавшего затушевать разногласия с Москвой по польскому вопросу, У. Черчилль избрал линию давления на СССР. 6 марта этот курс был утвержден на заседании британского правительства¹⁶². Тон У. Черчилля в переписке с И. В. Сталиным по польскому вопросу ужесточился. Соответствующее представление В. М. Молотову сделал британский посол А. Керр в беседе 16 марта. Через день У. Черчилль направил И. В. Сталину жесткое послание¹⁶³.

Ответ И. В. Сталина с изложением позиции по Польше, врученный 23 марта, также был конфронтационным: «Бросается в глаза, что как Ваши послания, так и особенно заявление Керра пересыпаны угрозами по отношению к Советскому Союзу. Я бы хотел обратить Ваше внимание на это обстоятельство, так как метод угроз не только неправилен во взаимоотношениях союзников, но и вреден, ибо он может привести к обратным результатам». В ответ на заявление У. Черчилля, что, настаивая на границе по линии Керзона, СССР проводит «политику силы», И. В. Сталин, в свою очередь, обвинил британского премьера в отказе от достигнутых в Тегеране договоренностей. «Вы заявляете в послании от 7 марта, что вопрос о советско-польской границе придется отложить до созыва конференции о перемирии. Я думаю, что мы имеем здесь дело с каким-то недоразумением. Советский Союз не воюет и не намерен воевать с Польшей. Советский Союз не имеет никакого конфликта с польским народом и считает себя союзником Польши и польского народа. Именно поэтому Советский Союз проливает кровь ради освобождения Польши от немецкого гнета. Поэтому было бы странно говорить о перемирии между СССР и Польшей. Но у советского правительства имеется конфликт с эмигрантским польским правительством, которое не отражает интересов польского народа и не выражает его чаяний».

Особенно возмутило главу советского правительства предупреждение У. Черчилля о намерении выступить в Палате общин с заявлением, что все территориальные изменения отложены до перемирия или до мирной конференции держав-победительниц и что до тех пор Лондон не признает никаких «передач территорий, произведенных силой». Заранее можно было предположить, что после разгрома Германии, когда фактор военного могущества уже не будет решающим аргументом, Советскому Союзу окажется гораздо труднее отстаивать свои территориальные интересы, чем на стадии освобождения, пока его силы необходимы союзникам для победы. И. В. Сталин прямо заявил: «Я не сомневаюсь, что народами Советского Союза и мировым общественным мнением такое Ваше выступление будет воспринято как незаслуженное оскорбление по адресу Советского Союза... Я понимаю это так, что Вы выставляете Советский Союз как враждебную Польше силу и, по сути дела, отрицаете освободительный характер войны Советского Союза против германской агрессии»¹⁶⁴. Копия этого письма в тот же день была отправлена Ф. Рузвельту, который тогда меньше всего хотел обострения польского вопроса и еще меньше — ссоры с И. В. Сталиным.

Дипломатические маневры британцев показали: СССР должен был полагаться в своей внешней политике прежде всего на победы Красной армии и на просоветские силы в самой Польше. Во второй половине июля 1944 г. советские войска вместе с созданными на территории СССР польскими частями переправились через Западный Буг — линию советско-польской границы 1939 г. — и вступили на территорию Польши. Таким образом, в середине лета 1944 г. центр решения польского вопроса переместился в Москву.

Эту реальность признали Ф. Рузвельт и У. Черчилль, но не хотело принять во внимание большинство в правительстве С. Миколайчика, который с 5 июня совершал большое турне по США в надежде заручиться поддержкой влиятельного американского крыла польской эмиграции, американского общественного мнения и повлиять на президента. Момент был критическим из-за продвижения Красной армии, но С. Миколайчик надеялся ввести польский вопрос в кампанию по подготовке президентских выборов в США. Однако его расчет оказался не соответствующим духу времени.

Это был период, когда советско-американские отношения находились на подъеме. Уже завершалась подготовка высадки в Нормандии, американские ВВС поднимались с аэродрома в Почтаве для бомбардировок германских объектов на востоке, в районе Львова. СССР занял прочное положение великой державы в международных отношениях. А. Гарриман в те дни заявил В. М. Молотову: «Теперь мне представляется, что мы боремся не на двух фронтах, а на одном фронте. Эта совместная борьба так сцементирует отношения между нашими странами, что никто не сможет их разорвать». В. М. Молотов ответил утвердительно, но официально: «Совместная борьба с общим врагом действительно является очень ценным видом сотрудничества», и поинтересовался, что значит в этих условиях предстоящий визит С. Миколайчика в США¹⁶⁵.

А. Гарриман поспешил успокоить В. М. Молотова относительно осложнений, которые этот визит мог бы иметь для советско-американских отношений. Он сказал, что С. Миколайчик собирался в США для консультаций, с условием, что не будет делать никаких официальных публичных заявлений¹⁶⁶. Позже стало известно, что С. Миколайчик нарушил это условие и выступил в США с антисоветскими заявлениями. На соответствующее представление В. М. Молотова А. Гарриман пояснил, что в свое время неточно выразился. Он имел в виду, что от С. Миколайчика требовали не выступать с публичными речами перед широкой польской аудиторией¹⁶⁷.

Между тем Советский Союз с удовлетворением мог констатировать создание и укрепление на освобождаемой территории Польши альтернативного политического центра, патриотического, но ориентированного на Москву и признающего ее интересы в вопросе о границах. 21 июля был сформирован Польский комитет национального освобождения (ПКНО) во главе с Э. Осубка-Моравским. 22 июля ПКНО опубликовал манифест к польскому народу, в котором говорилось, что Крайова Рада Народова является временным парламентом, а ПКНО — законной временной исполнительной властью.

26 июля последовало заявление НКВД СССР об отношении Советского Союза к Польше¹⁶⁸. В нем говорилось, что вступлением Красной армии в пределы Польши «положено начало освобождения многострадального польского народа от немецкой оккупации». В соответствии с освободительной миссией целью советских войск являются разгром германских вражеских армий и помощь польскому народу в деле «восстановления независимой, сильной и демократической Польши». Действовать на польской территории они будут, как на «территории суверенного, дружественного, союзного государства». В связи с этим «советское правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа».

Это указание на суверенные права польского народа, а не польского эмигрантского правительства, принципиально важно, тем более что за ним следовало сообщение о решении заключить соглашение между советским командованием и польской администрацией — не с правительством С. Миколайчика в Лондоне, а с Польским комитетом национального освобождения. Правительство в эмиграции в этих документах игнорировалось, оно было исключено из процесса политической реорганизации в ходе освобождения страны.

Силам польского Сопротивления было адресовано важное обещание: «Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя» и что единственной задачей Красной армии в Польше является помощь полякам в освобождении от немецкой оккупации¹⁶⁹.

Соглашение с ПКНО разграничивало зоны ответственности между советским главнокомандующим и польской администрацией на период освобождения. В зоне военных действий после вступления советских войск верховная власть и вся ответственность возлагалась на советское командование. На освобожденной от немцев территории ПКНО руководил по законам Польской Республики установленными ею административными органами, продолжая заниматься организацией и формированием польского войска и содействовать Красной армии в осуществлении военных операций. По мере продвижения линии боевых действий далее на запад территории, переставшие быть зоной военных операций, полностью переходили под контроль ПКНО. Его связь с Москвой поддерживалась через Польскую военную миссию, а в зоне военных действий на территории Польши — через уполномоченного ПКНО. Важным указанием на уважение суверенных прав ПКНО были седьмая и восьмая статьи — о подчинении всех лиц, «принадлежащих к польским вооруженным силам», польским военным законам и уставам. Польские войска только в оперативном отношении подчинялись Верховному главнокомандованию СССР, но в делах организации и личного состава — польскому главному командованию¹⁷⁰.

На следующий день между правительством СССР и ПКНО было подписано соглашение о границе по линии Керзона с некоторыми изменениями в пользу Польши. По сравнению с границей 1939 г. Польше возвращали район Белостока по линии Гродно — Яловка — Немиров, к востоку от реки Буг. Одновременно СССР давал обязательство при определении польско-германской границы поддержать польское требование о границе по Одере — Нейсе с включением Штеттина в состав Польши.

Советское правительство обменялось с ПКНО, находившимся на освобожденной территории Польши, официальными представителями. Советским военным властям в Польше предписывалось рассматривать только ПКНО как своего союзника в борьбе с немцами. В постановлении ГКО от 31 июля 1944 г. говорилось: «Никаких других органов управления, и в том числе выдающих себя за органы польского эмигрантского правительства (в Лондоне), кроме органов Польского комитета национального освобождения, не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмигрантского правительства, среди которых обнаружено много гитлеровских агентов, должны рассматриваться как самозванцы и с ними следует поступать как с авантюристами»¹⁷¹.

Несмотря на то что союзники не были ознакомлены с содержанием этого постановления, соглашение между Москвой и ПКНО усилило беспокойство англо-американцев. Одновременно обстоятельства заставили дипломатию союзников внимательнее присмотреться

к ПКНО и внутреннему положению в Польше в целом, стимулируя их к смене тактики в польском вопросе. Речь шла теперь уже о двух стадиях поиска компромисса: во-первых, между поляками из Лондона и из ПКНО, а во-вторых, о трехстороннем компромиссе между Москвой, поляками в Лондоне и ПКНО.

3 июня 1944 г. В. М. Молотов в беседе с А. Гарриманом обсуждал пребывание четырех представителей Польского национального комитета в Москве, среди которых были Б. Берут и Э. Осубка-Моравский. В. М. Молотов знал, как лучше представить американцу польских гостей — друзей Москвы. Чтобы быть приемлемыми для англо-американцев, временные политические органы в Польше должны были носить представительный, демократический, антифашистский и патриотический характер и не ассоциироваться исключительно с прокоммунистическими силами. Важно являлось также, чтобы за ними стояли реальные силы в самой Польше. На вопрос А. Гарримана, что эти люди собой представляют, нарком ответил: «Это, главным образом, интеллигенция, а также представители демократических рабочих кругов. [Они] представляют левые и демократические группы Польши. Есть представители польской социалистической партии, есть сочувствующие коммунистам, есть из крестьянской партии — наиболее крупной партии, одним из лидеров которой является Миколайчик. Некоторые из них занимаются военной работой по организации партизанского движения и всех других сил, борющихся против врага... среди них нет представителей подпольного движения, руководимого лондонским правительством, они стоят в оппозиции к лондонскому правительству»¹⁷².

Когда А. Гарриман спросил В. М. Молотова, коммунист ли Б. Берут, тот ответил уклончиво: «Был, но выходил из партии», и сейчас якобы неизвестно, состоит ли в партии, он с давних пор был деятелем рабочего и профсоюзного движения и, главное, «является большим польским патриотом»¹⁷³. На вопрос А. Гарримана, что делегаты рассказывают об отношении в Польше к эмигрантскому правительству, нарком ответил: «Они говорят (но они в оппозиции), что лондонское правительство не пользуется в Польше никакой поддержкой». А. Гарриман подчеркнул, что правительство США приветствовало бы объединение всех поляков и установление дружественных отношений между ними и Советским Союзом.

Лондон и Вашингтон выступали адвокатами эмигрантского правительства перед И. В. Сталиным вплоть до января 1945 г., то есть до официального признания Советским Союзом просоветского польского правительства Б. Берута. Впрочем, когда стала проясняться внутренняя обстановка в польском освободительном движении, но главное — на фоне состоявшейся долгожданной и успешной высадки союзников в Нормандии, в Москве решили не обострять отношений с Вашингтоном и Лондоном и на словах не отвергали возможности соглашения между умеренными элементами в эмигрантском правительстве и просоветскими силами. Такое решение могло бы снять серьезные противоречия с союзниками, обеспечив в глазах этих приверженцев демократической легитимности неоспоримую законность второго центра власти в Польше и установления дружественной СССР польской администрации в освобожденных районах.

Едва С. Миколайчик вернулся из США, У. Черчилль побудил его поехать в Москву. Предварительно вопрос о возможности визита С. Миколайчика в СССР был поставлен А. Гарриманом¹⁷⁴. Глава эмигрантского правительства был лидером крестьянской партии, представленной в ПКНО и Крайовой Раде Народовой, и занимал более умеренную позицию по отношению к СССР, чем большая часть его кабинета. У. Черчилль был заинтересован в соглашении лондонских поляков и ПКНО. Создание второго политического центра в самой Польше делало второстепенной проблему восстановления отношений СССР с польским эмигрантским правительством, зато все более актуальным становился вопрос о суверенных правах самого этого правительства.

И. В. Сталин согласился принять С. Миколайчика. В отличие от вопроса о советско-польской границе, И. В. Сталина устроили бы промежуточные политические комбинации при решительном перевесе сторонников ПКНО, принявших советские условия по границе, в составе правительства. К переговорам с С. Миколайчиком в Москву переместился центр

решения польского вопроса (географически и содержательно). В Москве находилась делегация Польского национального совета, здесь побывали представители поляков из США. Влиятельные фигуры американской ветви польской эмиграции не были тождественны по своим настроениям лондонским полякам. Что касается судьбы эмигрантского правительства, формула его «реорганизации», предложенная И. В. Сталиным в качестве предварительного условия восстановления с ним официальных отношений, видимо, была уже в тот момент лишь уступкой союзникам, поскольку речь шла не о замене того или другого министра, а о принципиальной смене его курса.

Организуя визит С. Миколайчика в Москву, У. Черчилль стремился ускорить компромиссное решение польского вопроса. В начале июля британский посол А. Керр предположил воспользоваться пребыванием С. Миколайчика, чтобы при содействии союзников «польский вопрос мог бы быть быстро разрешен Московской комиссией». В. М. Молотов тогда заговорил о необходимости участия в такой комиссии представителей разных фракций польских патриотов, причем именно из Варшавы (Польского национального совета) и из СССР, а не из Лондона, добавив: «Нельзя также обойтись без Ванды Василевской»¹⁷⁵.

А. Керр озвучил британский план, согласно которому «было бы желательно», чтобы С. Миколайчик был членом этой комиссии, и «если Миколайчик приедет в Москву, он возглавит Польский национальный совет и, таким образом, будет выступать от его имени». Английский сценарий был отвергнут В. М. Молотовым, который сказал: «Нужно об этом спросить делегатов Совета, которые прибыли именно из Польши. Если решение будет принято без представителей Польши, то это будет московское соглашение, а не польское соглашение». В. М. Молотов также напомнил, что решение польского вопроса важно не только для Польши, но и для США, поскольку его обострение чревато осложнениями для Ф. Рузвельта на предстоящих выборах¹⁷⁶.

С. Миколайчик прибыл в Москву 29 июля и 3 августа был принят И. В. Сталиным¹⁷⁷. Во время переговоров с Б. Берутом, Э. Осубка-Моравским и другими членами люблинского правительства С. Миколайчику были предложены в будущем Объединенном польском правительстве четыре места из восемнадцати, а ему самому — пост премьера.

А. Гарриман следил за переговорами, контактируя с В. М. Молотовым и С. Миколайчиком, и сообщил об «искреннем стремлении советского правительства добиться урегулирования» в Польше путем создания коалиционного правительства. Он рекомендовал усилить соответствующий нажим на С. Миколайчика из Лондона и Вашингтона. Но вопрос о границе оставался камнем преткновения, и переговоры не дали главного результата. С. Миколайчик уклонился от соглашения, сказав, что должен возвратиться в Лондон, чтобы обсудить его с членами своего правительства. Таким образом, компромиссное решение польского вопроса не состоялось.

Варшавское восстание, которое началось 1 августа 1944 г. и о котором не были предупреждены ни люблинские поляки, ни советское военное командование, внесло в эти дипломатические разговоры серьезные коррективы. В беседе с В. М. Молотовым в последний день июля 1944 г. С. Миколайчик заметил, что «польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве», но, к возмущению советской стороны, он умолчал о том, что восстание начнется уже на следующий день, и «не просил о помощи его участникам»¹⁷⁸.

Героическое выступление варшавян против общего врага — немецких оккупантов, казалось, должно было усилить позиции С. Миколайчика на переговорах с И. В. Сталиным, особенно если бы Варшава сразу же оказалась в руках подчиненной эмигрантскому правительству Армии Крайовой. Но советских руководителей насторожило, что С. Миколайчик сообщил И. В. Сталину о начавшемся 1 августа восстании только 3 августа, когда тому уже было о нем известно из мировых средств массовой информации. Как утверждал В. М. Молотов, о восстании в Москве узнали из сообщения агентства «Рейтер» только на следующий день после его начала¹⁷⁹. Впрочем, лишь 3 августа польский премьер и был принят главой советского правительства.

Не могло понравиться И. В. Сталину и заявление С. Миколайчика, что он хотел бы как можно скорее выехать в Варшаву и создать там правительство. Через день из Варшавы

должен был приехать Б. Берут, рассказать об обстановке в восставшем городе и договариваться с С. Миколайчиком в Москве о составе будущего правительства Польши. Опираясь на сведения, предоставленные Б. Берутом, И. В. Сталин уяснил в течение ближайших дней смысл происходящего.

Устойчивая «нейтральная», но полная сочувствия восставшим версия мотивов варшавского выступления, подготовленного командующим Армии Крайовой генералом Т. Бур-Комаровским в контакте с эмигрантским правительством в Лондоне, свидетельствует о том, что освободительные задачи в нем переплетались с антисоветскими. «Ему важно было поднять дух борцов польского Сопротивления, доказать миру, что внутреннее сопротивление в Польше является реальной и действенной силой, освободить столицу до подхода русских и преградить коммунистам из Армии Людовой и Люблинского комитета путь к власти»¹⁸⁰.

Та же версия приводилась германским губернатором Варшавского округа Л. Фишером, плененным советскими войсками и допрошенным представителями советских спецслужб: «1 августа вспыхнуло ожидаемое немцами восстание национального движения Сопротивления. По совпадающим показаниям всех поляков-пленных, целью восстания являлся захват собственными силами Варшавы и всей территории до прибытия русских, для выработки лучшей позиции в отношении России»¹⁸¹.

Подобно инициаторам восстания в Словакии, руководители варшавского восстания недооценили силы немцев и их решимости удерживать Варшаву. Предупрежденные о готовящемся восстании, немцы перебросили к городу свежие силы. Над восставшими варшавянами нависла смертельная угроза. Они напрасно ожидали поддержки от британских и американских ВВС.

9 августа, принимая С. Миколайчика, прибывшего в Кремль с прощальным визитом, глава советского правительства хотя и высказал убеждение, что восстание обречено, но адресовал слова сочувствия восставшим: «Просто жалко всех поляков»¹⁸². А. Гарриман сообщал в Вашингтон: «Миколайчик дал высокую оценку тем любезностям, которые были проявлены по отношению к нему Сталиным и Молотовым»¹⁸³.

Но после возвращения С. Миколайчика в Лондон польское эмигрантское правительство вновь отказалось согласиться на восточную границу Польши по линии Керзона. 13 августа последовало резкое заявление ТАСС в связи с варшавским восстанием, а 16 августа И. В. Сталин направил С. Миколайчику письмо, в котором объяснил отказ от обещания немедленно помочь Варшаве с воздуха: «Близкое знакомство с делом убедило меня, что варшавская акция, которая была предпринята без ведома и контакта с советским командованием, представляет легкомысленную авантюру, вызвавшую бесцельные жертвы населения. К этому надо добавить клеветническую кампанию польской печати с намеками на то, что советское командование подвело варшавцев. Ввиду всего этого советское командование решило открыто отмежеваться от варшавской авантюры, т. к. оно не может и не должно нести никакой ответственности за варшавское дело»¹⁸⁴.

В ходе летнего наступления Красная армия продвинулась с тяжелыми боями на 600 км к Варшаве. Она действовала обходным маневром, и это навлекло на СССР обвинения в намеренном затягивании наступления и нежелании содействовать победе восставших. В. М. Молотов уже тогда объяснил необходимость обходного маневра несогласованностью выступления повстанцев с планами советского командования. 11 августа 1944 г. В. М. Молотов сказал А. Гарриману: «Непонятно, каким образом поляки рассчитывали осуществить это дело («взять Варшаву изнутри»). Они начали свое рискованное предприятие 1 августа. Мы узнали из телеграммы «Рейтера», полученной 2 августа. Нашим войскам теперь приходится брать Варшаву в лоб, а обходным движением. Если бы наши войска попытались взять Варшаву в лоб, то это стоило бы колоссальных жертв. Теперь те обходные операции, которые начали наши войска, требуют времени, и это, конечно, создаст трудности для тех, кто начал борьбу в Варшаве... Ни советское правительство, ни советское командование не знали о том, что готовится попытка взять Варшаву изнутри. Миколайчик просил Сталина помочь Варшаве оружием с самолетов... Сталин обещал сделать все возможное»¹⁸⁵.

Сожженный в ходе восстания немецкий танк на улице столицы Польши

Улица Варшавы во время восстания

Однако с помощью Б. Берута, который приехал из Польши 5 августа¹⁸⁶, в Москве поняли, что мотивы инициаторов восстания были враждебными советской освободительной миссии. Публикации польской печати и радио, в течение двух недель обвинявших Москву в невмешательстве, усугубили раздражение против «лондонцев». 13 августа ТАСС опубликовал заявление с осуждением действий руководителей польских эмигрантских кругов.

Отношение Б. Берута и членов делегации ПКНО к действиям Красной армии контрастировало с настроениями поляков в Лондоне. В Москве его встретили как высокого официального представителя дружественной страны. Именно для него, а не для С. Миколайчика, «при встрече был выстроен почетный караул и были исполнены государственные гимны Польши и СССР. Аэродром был украшен польскими и советскими флагами»¹⁸⁷. В своей краткой речи перед встречавшими Б. Берут сказал: «Я счастлив, что могу посетить эту страну, которую Польша — моя родина — приветствует как самую мощную страну, имеющую самую героическую армию, страну, в дружбе с которой моя родина хочет быть всегда». В том же духе выступил председатель ПКНО Э. Осубка-Моравский, подчеркнувший, что «братство оружия... останется на долгие времена и будет фундаментом сотрудничества между Польшей и СССР»¹⁸⁸.

Как показала подчеркнутую торжественную встречу руководителей КРН и ПКНО, в Москве после соглашения 26 июля 1944 г. рассматривали их в качестве главных собеседников в решении польского вопроса, и от способности С. Миколайчика договориться с ними зависела судьба самого польского премьера.

Для союзников вопрос стоял иначе: они выступали за соединение всех польских сил Сопротивления, но признание «люблинцев» все еще зависело от их способности договориться с С. Миколайчиком. Поэтому естественно, что И. В. Сталин изменил свое отношение к варшавскому восстанию в прямой связи с позицией польского эмигрантского правительства и информацией Б. Берута. На вопрос А. Гарримана, что заставило И. В. Сталина уже 14 августа отказаться от данного им обещания помочь варшавянам с воздуха, В. М. Молотов ответил: отношение к восстанию изменилось, «как только был вскрыт характер варшавского дела... Полученная советским правительством информация доказывает, что затея в Варшаве была начата авантюристами из Лондона и что, кроме того, эти авантюристы пытаются использовать свою затею во враждебных Советскому Союзу целях, распространяя клевету в отношении Советского Союза... Если бы выступление было согласовано с советским командованием, то оно принесло бы громадную помощь, но люди, начавшие его, не захотели этого сделать»¹⁸⁹. В заключение нарком подчеркнул: «Советское правительство не желает взять на себя ответственности за него, в том числе и ответственности за самолеты, которые будут посланы для оказания помощи Варшаве»¹⁹⁰.

В том же духе И. В. Сталин 16 августа 1944 г. ответил на соответствующий запрос У. Черчилля: «Ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт»¹⁹¹. Тем самым И. В. Сталин хотел сделать акцент на том, насколько действия инициаторов восстания не соответствуют правилам взаимодействия и сотрудничества, установившимся в отношениях между СССР и англо-американскими союзниками.

Накануне А. Я. Вышинский уведомил А. Гарримана об отказе предоставлять полтавский аэродром для дозаправки самолетов союзников. В тот период США были крайне заинтересованы в дальнейшем использовании полтавского аэродрома для челночных операций, а В. М. Молотов дал понять, что решение этого вопроса может быть осложнено разногласиями по польской проблеме. В беседе с А. Гарриманом 17 августа 1944 г. нарком в ответ на настоятельные доводы американского посла в пользу пересмотра советского решения о помощи Варшаве с воздуха упомянул о желании своего правительства «вернуть аэродромы, задействованные в операции «Фрэнтик», советским войскам по причине их малого использования»¹⁹².

Между тем в Вашингтоне рассчитывали в дальнейшем продолжить и развить подобное сотрудничество, получив базы на Дальнем Востоке для войны с Японией. А. Гарриман про-

комментировал советскую позицию: «Этот отказ продиктован жестокими политическими мотивами»¹⁹³. 17 августа В. М. Молотов заявил британскому послу А. Керру в ответ на претензии по поводу отказа в предоставлении советских аэродромов американцам, помогающим Варшаве: «Советское правительство считает варшавское предприятие чистой авантюрой, сопряженной с бесполезными жертвами по вине тех, кто затеял его. Поэтому советское правительство не хочет иметь никакого прямого отношения к этому делу и не желает взять на себя ответственности за него». Нарком высказал свое мнение о том, что «лица, затеявшие авантюру в Варшаве, хотят уклониться от ответственности и свалить ее на советское правительство». Он имел в виду прежде всего «клику» К. Соснковского.

Тогда А. Керр усилил нажим: «Отсутствие сотрудничества с советской стороны нанесет ущерб советско-польским отношениям». Кроме того, бездействие СССР в отношении Варшавы, несмотря на обещание И. В. Сталина, которое было главным козырем С. Миколайчика в пользу компромисса с Москвой, подрывает позиции С. Миколайчика, вернувшегося в Лондон с намерением уговорить правительство принять советские условия. В. М. Молотов парировал: «Нет необходимости доказывать, что советский народ понес наиболее значительные потери, чем кто-либо другой в борьбе за общее дело и, в частности, за освобождение Польши»¹⁹⁴. В связи с варшавским восстанием немцы сосредоточили силы на варшавском направлении, чтобы воспрепятствовать соединению Красной армии с варшавянами. В августе — первой половине сентября Красная армия потеряла 289 тыс. солдат и офицеров 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов¹⁹⁵.

Чтобы побудить советского лидера изменить свою позицию, 20 августа Ф. Рузвельт и У. Черчилль написали: «Мы думаем о том, какова будет реакция мирового общественного мнения, если антинацисты в Варшаве будут на самом деле покинуты»¹⁹⁶.

В ответ на подобные настояния В. М. Молотов предупредил А. Гарримана, что по реакции на эти события Москва как раз и будет судить о том, кто друг и кто враг Советскому Союзу¹⁹⁷. И. В. Сталин возложил всю ответственность за напрасные жертвы восставших варшавян на Т. Бур-Комаровского: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию». Вместе с тем глава Советского государства заверял: «Не может быть сомнения, что Красная армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков»¹⁹⁸.

Союзники не были заинтересованы осложнять отношения с И. В. Сталиным, поскольку того требовало завершение войны в Европе. Кроме того, в Вашингтоне и Лондоне имели в виду более масштабные перспективы будущей войны с Японией, и именно в этом плане прежде всего стоял вопрос об использовании советских аэродромов союзной авиацией, тем более что уже 9 сентября запрет на это был снят¹⁹⁹.

14 сентября 1944 г. Красной армии и действовавшим вместе с ней польским частям удалось освободить правобережную часть Варшавы. 16—20 сентября предпринимались попытки переправить через Вислу усиленный польский десант в помощь варшавянам, но ему так и не удалось закрепиться на левом берегу и 24 сентября пришлось вернуться на правый берег. 23 сентября в беседе с А. Гарриманом и А. Керром И. В. Сталин рассказал об оказании советской военной помощи Варшаве, проявив понимание в отношении варшавян «без следа прежней мстительности» (как отметил в своем отчете А. Гарриман)²⁰⁰. 2 октября Т. Бур-Комаровский капитулировал в Варшаве. В городе погибли около 200 тыс. человек.

Между тем в сентябре — октябре 1944 г. черед дипломатических событий свидетельствовала об успешной реализации основных целей советской дипломатии в Финляндии, Восточной Европе и на Балканах. Эти успехи заставили У. Черчилля ускорить переговоры с И. В. Сталиным.

27 сентября 1944 г. британский премьер сообщил о намерении встретиться с И. В. Сталиным и уже 9 октября прибыл в Москву. Одним из главных, намеченных для обсуждения с главой советского правительства, был польский вопрос. Сообщая об этом В. М. Молотову,

А. Иден добавил: вопрос, «который, к сожалению, доставляет нам неприятности»²⁰¹. Одновременно британская дипломатия организовала визит С. Миколайчика в советскую столицу. Пригласили и руководителей Крайовой Рады Народовой, Б. Берута с Э. Осубкой-Моравским. 13 октября с С. Миколайчиком беседовал И. В. Сталин, давший понять премьеру эмигрантского правительства, что условием соглашения с ним является признание границы по линии Керзона²⁰². У. Черчилль поддержал позицию Москвы как неизбежную цену компромисса. К тому же он стремился ускорить соглашение С. Миколайчика с ПКНО. 14 октября А. Иден сообщил В. М. Молотову, что вдвоем с премьер-министром они «все утро упорно работали с поляками»²⁰³.

С. Миколайчик не уступал двойному давлению со стороны И. В. Сталина и У. Черчилля, отказываясь признать границу по линии Керзона, что для Польши означало потерю Львова и Восточной Галиции с ее нефтяными запасами. Другим спорным вопросом был политический. Речь шла о создании польского правительства, объединяющего «лондонцев» и «люблинцев» под председательством С. Миколайчика. СССР и ПКНО требовали для последнего убедительного большинства, против чего протестовал С. Миколайчик. У. Черчилль выступал за паритет между лондонскими и люблинскими представителями²⁰⁴.

Затягивание переговоров беспокоило англо-американских союзников. А. Гарриман считал, что раскол среди поляков и длительное сохранение контроля люблинского правительства над польской территорией чревато усилением зависимости ПКНО от СССР и углублением внутреннего раскола между поляками, а потому предложил У. Черчиллю, пока тот в Москве, усилить нажим на С. Миколайчика, но переубедить польского премьера не удалось.

И. В. Сталин и У. Черчилль встретились с представителями ПКНО, добившись согласия договориться с С. Миколайчиком, предложить ему пост премьера и ввести в состав правительства нескольких «лондонцев», оставив большинство мест за представителями ПКНО. По сути, это было возвращением к августовским предложениям, но в кардинально изменившихся условиях: «лондонцы» и их опора в Польше больше не могли иметь иллюзий относительно возможности установить контроль над столицей Польши без содействия советских войск, а тем более в противовес им и дружественным СССР польским силам Сопротивления. После подавления варшавского восстания отряды, подчиненные эмигрантскому правительству в самой Польше, были серьезно ослаблены. В то же время для С. Миколайчика, несмотря на слабость его дипломатической позиции, принятие советских условий без согласия членов его правительства было равносильно разрыву с его политической средой. Единственной его надеждой была решительная поддержка англо-американцев, но она не оправдалась.

14 октября В. М. Молотов и А. Иден снова обсуждали возможность создания коалиционного правительства в Польше. С. Миколайчик не соглашался с требованием Б. Берута, который хотел три четверти мест в будущем польском правительстве для люблинских представителей. Оправдывая С. Миколайчика, А. Иден заметил, что если бы тот пошел на уступки Б. Беруту, то его бы в Лондоне просто сочли перебежчиком. Тогда В. М. Молотов согласился, чтобы в случае признания правительством С. Миколайчика границы по линии Керзона, в будущее польское правительство вошли 40% из лондонского, 40% из люблинского правительств и 20% представителей освобожденной Польши. С. Миколайчик должен был поехать в Лондон добиться поддержки кабинета в этом вопросе, чтобы сразу же вернуться²⁰⁵, но 24 ноября пришло сообщение о его отставке. Он не смог договориться о признании границы по линии Керзона.

Отставка С. Миколайчика исключила промежуточное для Москвы решение и осложнила решение польского вопроса в духе, благоприятном для англо-американских союзников. В декабре Лондон и Вашингтон были предупреждены о готовящемся признании Советским Союзом люблинского правительства, что означало окончательный отказ от соглашения с лондонскими поляками. Британскому премьер-министру, сообщившему об отставке С. Миколайчика, И. В. Сталин 8 декабря 1944 г. ответил, что для него министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве «теперь не представляют серьезного интереса. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с

польским народом... Я считаю, что теперь наша задача заключается в том, чтобы поддержать Польский комитет в Люблине и всех тех, кто хочет и способен работать вместе с ним»²⁰⁶.

На просьбу Ф. Рузвельта повременить с признанием Люблинского комитета И. В. Сталин ответил, прибегнув к демагогической ссылке на демократическую процедуру: он-де бессилён выполнить это пожелание, поскольку 27 декабря 1944 г. Верховный совет уже сообщил на запрос поляков, что намерен их признать²⁰⁷. Расхождения в польском вопросе между СССР и англо-американскими союзниками сохранялись до Ялты — они признавали разные правительства Польши. Однако подобные разногласия не были в тот момент определяющими в отношениях между союзниками, то есть теми, о которых И. В. Сталин говорил в докладе по поводу 27-й годовщины Октябрьской революции: «Удивляться надо не тому, что существуют разногласия, а тому, что их так мало и что они, как правило, разрешаются почти каждый раз в духе единства и согласованности действий трех великих держав»²⁰⁸.

После того как была выведена из войны Болгария и советские войска вступили на ее территорию, для Советского Союза открылась возможность содействовать освобождению Югославии. Главной предпосылкой такой возможности была социально-политическая близость с силами, возглавившими югославское вооруженное сопротивление оккупантам. Ими руководил коммунист И. Б. Тито.

29 ноября 1943 г. Антифашистское вече народного освобождения Югославии провозгласило себя верховным органом, совмещающим законодательную и исполнительную власть²⁰⁹. Югославский Антифашистский совет национального освобождения (ЮАСНО) в тот же день запретил молодому королю Петру II, жившему в эмиграции в Лондоне, возвращаться в Югославию до конца войны. Было принято постановление, что после войны вопрос о форме правления в стране будет решен всеобщим плебисцитом. Тогда же был образован Национальный комитет освобождения Югославии во главе с И. Б. Тито с функциями временного правительства. К началу 1944 г. в Народно-освободительной армии Югославии у И. Б. Тито было до 300 тыс. человек.

В тот же период советское правительство разрешило сформировать на территории СССР югославскую воинскую часть для вооруженной борьбы против фашистской Германии. Инициатива исходила от оказавшихся в СССР солдат и офицеров югославской армии — перебежчиков и пленных, принудительно мобилизованных немцами на советско-германский фронт. Командиром части был назначен подполковник югославской армии М. Месич. 16 февраля 1944 г. И. Б. Тито и И. Рибар направили им полное энтузиазма приветствие, в котором подчеркивалась глубокая симпатия руководителей антифашистской борьбы в Югославии к Советскому Союзу и Красной армии. В приветствии говорилось: «Вы — первый вооруженный отряд наших народов, который борется за свободу своей родины на советской земле рядом с Красной армией. Расскажите советским народам и их героической армии, как велика наша любовь к ним, как благодарны мы Красной армии за ее авангардную роль в освобождении поработенных стран»²¹⁰.

Вскоре СССР обменялся с главным командованием Народно-освободительной армии Югославии военными миссиями. 5 марта 1944 г. советская миссия во главе с генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым прибыла в Югославию²¹¹. А 12 апреля в Москву прилетел руководитель военной миссии НКОЮ генерал-лейтенант В. Терзич. В составе миссии был коммунист генерал М. Джилас²¹². Было ясно, приехали не просто союзники, а товарищи. На встрече с В. М. Молотовым М. Джилас подчеркнул: «У нас нет никаких секретов от Красной армии» и попросил содействовать в установлении прямой радиосвязи миссии со штабом И. Б. Тито с возможностью пользоваться позывными и шифрами, предоставленными советским командованием²¹³. Беседы В. М. Молотова с М. Джиласом имели особый, товарищеский, доверительный тон. Нарком сообщил югославскому генералу, что в переписке И. В. Сталин обещал И. Б. Тито не решать без него македонский вопрос, заметив, что Болгария, захватившая во время войны часть Югославии, является другом врагов СССР, а Югославия — союзницей СССР. Но что в Болгарии «коммунисты не могут отвечать за болгарское правительство»²¹⁴.

Визит И. Б. Тито в СССР. Апрель 1945 г.

Далее в беседе речь зашла о политическом и общественном устройстве Югославии после освобождения. В. М. Молотов напомнил: «Сталин тогда написал Тито, что мы против советизации Югославии». М. Джилас согласился: «Ставить сейчас вопрос о советах было бы авантюрой». Он высказался за создание демократической республики, но «не французского, а монгольского типа: промышленные предприятия надо будет отобрать у тех, кто предал народ»²¹⁵. 19 мая В. Терзича и М. Джиласа принял И. В. Сталин²¹⁶. СССР начал оказывать И. Б. Тито военную помощь, политическую и дипломатическую поддержку.

В свою очередь, правительство Великобритании, предоставившее на время войны убежище большинству европейских правительств в изгнании, надеялось, что благодарностью за гостеприимство станет уважение этими странами послевоенных британских интересов. В качестве влиятельного члена тройки великих держав-союзниц У. Черчилль чувствовал себя ответственным за восстановление суверенных прав укрывшихся в Англии правительств. В первую очередь это относилось к Польше. Не в меньшей степени — к Югославии, поскольку Балканы исторически были зоной, в которой Лондон стремился укрепить свое влияние. В то же время У. Черчилль видел, что сила и авторитет на территории Югославии все больше оказываются на стороне руководителя внутреннего вооруженного Сопротивления И. Б. Тито. Активная помощь и хорошие отношения с ним могли способствовать взятой на себя У. Черчиллем миссии. При этом он стремился заручиться содействием советской дипломатии и весной 1944 г. регулярно сообщал В. М. Молотову о своих контактах с И. Б. Тито. Это был посреднический диалог, целью которого являлся поиск договоренностей между И. Б. Тито и королем Петром II. В свою очередь, король Петр II стремился продемонстрировать максимум уважения и симпатии к Советскому Союзу. В официальном сообщении о своем бракосочетании с Александрой Греческой он назвал советских руководителей «Дорогие и Великие друзья»²¹⁷.

У. Черчилль знал о непримиримой враждебности между И. Б. Тито и военным министром эмигрантского королевского правительства Д. Михайловичем и старался содействовать удалению его партии из правительства короля. 25 февраля У. Черчилль написал маршалу о своем решении «в качестве первого шага» отозвать английских офицеров связи от Д. Михайловича и интересовался, не повредит ли этот шаг перспективам сближения короля и И. Б. Тито. В заключение У. Черчилль просил его снизить требования к королю²¹⁸. В ответе от 27 марта И. Б. Тито отказался пойти навстречу желанию короля, ссылаясь на закон ЮАСНО от 29 ноября 1943 г.: «Король лишен возможности возвратиться в Ю. до конца войны, когда всеобщим плебисцитом будет решен вопрос о форме правления в стране... Присутствие Драже Михайловича на свадьбе короля Петра произвело самое неблагоприятное впечатление на наш народ»²¹⁹.

15 апреля 1944 г. последовало очередное личное послание У. Черчилля В. М. Молотову о беседе с югославским королем Петром II²²⁰. Накануне У. Черчилль советовал королю немедленно отправить в отставку правительство Б. Пурича и «организовать небольшое правительство... из людей, не особенно приятных Тито, но еще поддерживающих честные отношения с сербским народом». Таким образом, можно было бы устранить неприемлемую для компромисса с И. Б. Тито фигуру — военного министра Д. Михайловича. У. Черчилль писал: «Я рекомендовал королю вести себя тихо. Моя переписка с Тито весьма приятна»²²¹. У. Черчилль дал понять, что в вооруженной борьбе с немцами намерен полагаться на И. Б. Тито, ведь «именно он в Югославии борется с Германией».

Ответ В. М. Молотова был сдержанным. Нарком не очень верил в целесообразность договоренностей тогдашнего королевского правительства с И. Б. Тито и не стремился к интенсивному диалогу с британским премьером по югославскому вопросу. В глазах И. В. Сталина решающим стал прямой диалог с И. Б. Тито. В. М. Молотов писал: «Трудно из Москвы судить о том, что могут дать переговоры с королем Петром, который связан с генералом Михайловичем, давно уже полностью дискредитировавшим себя. Изменения в югославском правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Тито и Народно-освободительной армии Югославии, вряд ли могут принести какую-нибудь пользу... Соглашение с маршалом Тито было бы действительно в интересах союзников»²²².

Советский Союз усилил политическое и военное содействие И. Б. Тито. В мае 1944 г. немецкий десант в районе Дрвара пытался захватить руководство НКОЮ и верховный штаб югославской армии. На выручку срочно были отправлены советские самолеты, которым удалось спасти маршала и все руководство Народно-освободительной армии Югославии²²³.

Советы У. Черчилля королю не пропали даром. 16 июня 1944 г. было заключено соглашение между королевским правительством и И. Б. Тито. Сменивший прежнего премьера И. Шубашич сообщил в обращении к В. М. Молотову 9 июля 1944 г., что создал коалиционное правительство с включением представителей национально-освободительного движения, и предложил перевести советского посла при югославском правительстве из Каира в Лондон, а также назначить югославского посла в Москве «для скорейшего возобновления взаимного сотрудничества»²²⁴.

Это обращение поддержал британский посол А. Керр. Вначале В. М. Молотов ответил уклончиво. В своем послании И. Шубашичу от 15 июня он использовал сослагательное наклонение: «Советское правительство приветствовало бы объединение всех сил, борющихся в Югославии против гитлеровской Германии, против ее ставленников... Недича, Павелича, Михайловича». Но в то же время он написал, что вопрос об обмене послами с югославским правительством в Лондоне «целесообразно было бы рассмотреть позднее»²²⁵.

Однако уже 19 июня, после получения реакции И. Б. Тито на соглашение в Югославии, на повторный запрос И. Шубашича и А. Керра нарком дал положительный ответ и согласился лично встретиться с югославским премьером²²⁶. Соответствующее письмо И. Б. Тито было написано еще 5 июля, но передано главой военной миссии в Югославии генералом Н. В. Корнеевым только 17 июля. В письме говорилось: «Мы сделаем все, чтобы соглашение провести в жизнь» и избежать гражданской войны в Югославии. Кроме того, И. Б. Тито давал

Встреча И. Б. Тито в Москве

понять, сколь различны интересы двух партий компромисса — королевской, опирающейся на британцев, и коммунистов, контролировавших Народно-освободительную армию и полагающихся на помощь СССР. Маршал предупреждал: «Мы будем твердо защищать те достижения, которые наш народ завоевал столь большими жертвами... Мы придаем большое значение приближению Красной армии к Балканам, т. к. это означало бы предотвращение осуществления этих, для нас роковых, планов». Под роковыми планами подразумевалось восстановление в Югославии довоенного политического и социального строя. И. Б. Тито писал: «Если бы союзники высадились на Балканах, они бы поставили этот вопрос острее», англичане хотят воспрепятствовать созданию демократической федеративной Югославии²²⁷.

В сентябре 1944 г., пройдя через Румынию и Болгарию, Красная армия приблизилась к границам Югославии. 21 сентября И. Б. Тито прилетел в Москву, чтобы договориться о военном взаимодействии. Незадолго до этого был опубликован указ о его награждении высшей советской полководческой наградой — орденом Суворова 1-й степени²²⁸. У И. Б. Тито были непростые отношения с сербами, поддерживавшими короля Петра II, поэтому он просил советское правительство, «чтобы войска Красной армии перешли границу в Восточной Сербии и оказали помощь нашим силам в освобождении Сербии и Белграда»²²⁹.

Красная армия вступила на территорию Югославии в конце сентября 1944 г. Чтобы не осложнять внутреннее положение в югославском Сопротивлении, официально это было представлено как инициатива советского командования, которому требовался плацдарм на югославско-венгерской границе для борьбы против германских и венгерских войск в Венгрии. В соответствующем сообщении ТАСС от 29 сентября 1944 г. говорилось, что советское командование обратилось к НКОЮ и командованию югославской армии с просьбой дать согласие на временное вступление Красной армии на территорию Югославии, граничащую с Венгрией. Югославская сторона согласилась при условии, что «на территории расположения частей Красной армии будет действовать гражданская администрация НКОЮ»²³⁰.

Продвижение Красной армии в Болгарии и Югославии было ударом по балканской стратегии У. Черчилля²³¹, который не мог больше откладывать встречу с И. В. Сталиным в ожидании результатов президентских выборов в США. 9 октября британский премьер-министр в сопровождении министра иностранных дел А. Идена прилетел в Москву. Одной из целей их визита было обсуждение ситуации на Балканах, которые британцы не хотели бы выпустить из сферы своего влияния. А. Иден сказал В. М. Молотову, что он «удручен общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом свершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено». Одной из претензий Лондона к Москве являлся визит И. Б. Тито к И. В. Сталину. «Несколько месяцев назад Тито нашел убежище на острове Вис под охраной британцев, — пояснил А. Иден. — Британское правительство вооружало Тито и спасло его от гибели. Но тот, не уведомив Лондон, поехал в Москву и заключил соглашение о болгарских войсках в Югославии»²³², в то время как британцы не хотели бы, чтобы присоединение воевавшей против них Болгарии к антигерманскому лагерю произошло столь естественным образом.

Через несколько дней, добившись признания советских интересов в Болгарии, В. М. Молотов изложил суть соответствующих договоренностей И. В. Сталина и И. Б. Тито. Сославшись на условия соглашения с союзниками о невозможности нахождения болгарских войск на территории Югославии без одобрения на то советского командования и маршала И. Б. Тито, нарком заявил: «Такое согласие имеется. Это тем более выгодно потому, что это вредно немцам»²³³.

Между советской и британской дипломатиями начался активный торг за влияние на дела в балканских государствах, включая Югославию, на завершающем этапе войны. Из предыдущей переписки У. Черчилля с В. М. Молотовым и И. Б. Тито можно понять, что договоренность о процентном соотношении интересов была нужна британскому премьеру, в частности, как заявка на участие в политическом урегулировании в Югославии в период освобождения. Лондон отстаивал интересы королевского правительства, надеясь обеспечить тому политическую роль и место в Югославии в период освобождения. В результате

дискуссий В. М. Молотова с А. Иденом договорились о равном влиянии и Великобритании в Югославии. Первостепенным в тот момент для Москвы было решение о влиянии в Болгарии в пользу СССР²³⁴.

Позже стороны вернулись к вопросу о судьбе югославского королевского правительства. В. М. Молотов не возражал против того, чтобы И. Б. Тито встретился с И. Шубашичем и чтобы вместе с А. Иденом обратиться к ним обоим с выражением одобрения их встречи и пожеланием достигнуть договоренности между собой²³⁵.

20 октября 1944 г. советскими и югославскими войсками был освобожден Белград. В боях за город погибли 8 тыс. советских солдат и офицеров. Руководство НКОЮ переехало в столицу, где 1 ноября 1944 г. И. Б. Тито и И. Шубашичем было подписано соглашение об образовании единого югославского правительства. Вопрос о государственном строе послевоенной Югославии был оставлен до достижения окончательной победы над Германией.

18 ноября И. Шубашич, совмещавший функции премьер-министра и министра иностранных дел королевского югославского правительства, прибыл в Москву вместе с заместителем председателя НКОЮ Э. Карделем²³⁶. 23 ноября их принял И. В. Сталин. Он одобрил образование объединенного югославского правительства на основании соглашения, заключенного И. Б. Тито и И. Шубашичем, считая его необходимым для «объединения всех истинно демократических народных сил в борьбе против общего врага и в создании федеративной Югославии»²³⁷.

Советский Союз и Франция

В начале 1944 г. подготовка к открытию второго фронта во Франции вступила в завершающую стадию. Союзники спешили договориться о возможности восстановления французского суверенитета на освобождаемой территории. 16 января 1944 г. В. М. Молотов получил проект заявления от имени правительств США, Великобритании и СССР относительно Франции. Его предполагалось опубликовать после того, как верховное союзное главнокомандование выработает мероприятия для осуществления связи с властями оккупированных стран (французскими, голландскими, бельгийскими, норвежскими) для ведения гражданских дел на период вторжения.

17 января 1944 г. британский поверенный в делах Д. Бальфур попросил, чтобы инструкции для обсуждения проекта «Основной схемы управления освобожденной Францией», подготовленного союзниками, были даны Москвой советскому представителю в ЕКК Ф. Т. Гусеву как можно скорее, «желательно в ближайшие дни»²³⁸.

Еще в марте 1943 г. Комиссия по вопросам перемирия (комиссия К. Е. Ворошилова) обсудила первоначальный проект, а также текст Декларации трех правительств, переданный В. М. Молотову послом США А. Гарриманом. Комиссия в оба проекта внесла поправки, имевшие принципиальное значение. Они должны были ограничить компетенцию англо-американской военной администрации на французской территории и обеспечить политические интересы Французского комитета национального освобождения и ФКП — первой партии внутреннего Сопротивления — в ходе и после вторжения союзников. В то же время СССР не доверял профессиональным французским военным, людям правых убеждений и, возможно, более терпимым к маршалу А. Петэну, чем к коммунистам. Поэтому в Москве первоначально склонны были отдавать предпочтение ФКНО, созданному на основе внутреннего Сопротивления.

Советский проект «Основной схемы управления освобожденной Францией» отличался от англо-американского тем, что более активная роль в создании гражданской администрации во Франции в нем отводилась внутреннему Сопротивлению (ФКНО с участием коммунистов). В советском варианте говорилось: «При вступлении на французскую территорию одной из

первых задач верховного союзного главнокомандующего будет... установление тесной связи с группами сопротивления внутри Франции, оказание этим группам всемерной поддержки и обеспечение сотрудничества как по военным, так и по гражданским вопросам... Верховный главнокомандующий... не должен иметь дел и отношений с режимом Виши, за исключением задачи по его ликвидации». Для усиления акцента на борьбу с вишистами в советском проекте говорилось о необходимости беспощадной борьбы французских патриотов также и против пособников немецких захватчиков²³⁹.

Впрочем, И. В. Сталин не доверил бы принципиальные политические вопросы и англо-американскому военному командованию, предпочитая оставлять их в компетенции союзных правительств: в большой тройке он мог отстаивать свои интересы лучше, чем перед лицом не подчиненных ему военных властей союзников. Поэтому московский проект трехсторонней правительственной декларации к французскому народу отличался от варианта, предложенного США. Во-первых, высадка союзных войск во Франции не рассматривалась в нем как военная оккупация страны; во-вторых, была гарантирована передача гражданского управления французам уже по мере освобождения французской территории. Американский же вариант лишь допускал такую передачу, «поскольку это возможно», оставляя вопрос на усмотрение главнокомандующего²⁴⁰.

В варианте, предложенном Москвой, предусматривалось создание (а не восстановление, как предлагали американцы) французского правительства и национальной администрации в освобожденных районах. ФКНО, по мнению СССР, имел «больше оснований, чем главнокомандующий французских войск или французские военные власти, о которых говорилось в пункте 3 англо-американской схемы, представлять интересы французского народа». Как и в случае Бельгии, советский вариант предусматривал назначение французами (ФКНО, а не военными властями) по согласованию с тремя союзными правительствами комиссара по гражданским делам вместо представителей Французской военной миссии связи, предложенных англо-американским проектом. В Москве считали, что «поскольку освобождение Франции является делом союзных правительств, постольку и решение вопроса о том, когда должен быть снят военный контроль над гражданской администрацией Франции, должно быть отнесено к компетенции этих правительств». В англо-американском проекте говорилось: «Верховный главнокомандующий должен поддерживать равновесие между различными политическими группами» внутри страны. В Москве внесли поправку: «Поскольку раздробленность политических партий и групп всегда являлась отрицательным моментом политической жизни Франции, задачей (союзного главнокомандующего) является в сотрудничестве с ФКНО принять все меры к максимально возможному объединению всех тех групп и партий, которые сочувствуют делу союзников».

СССР стремился в период освобождения кардинально подорвать позиции антикоммунистических правых сил, поддерживавших режим Виши, поэтому в советский проект было добавлено предложение «считать враждебным делу Объединенных Наций сотрудничество французских граждан как с немцами, так и с режимом Виши, и заменить этим указание союзниками на французов, которые сотрудничали с врагом»²⁴¹.

Проект союзников, исправленный с учетом советских замечаний, был передан Ф. Т. Гусеву в марте 1944 г. Дальнейшая работа над проектом «Основной схемы управления освобожденной Францией» разворачивалась с апреля по ноябрь 1944 г.²⁴² и была поручена Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства при Наркоминделе (комиссия М. М. Литвинова), составленной из патриархов советской дипломатии: М. М. Литвинова, С. А. Лозовского, Д. З. Мануильского.

Выступление М. М. Литвинова на одном из первых обсуждений записки «Об обращении с Францией» отразило двойственность его позиции: «Франция так низко пала, как никогда еще ни одна великая держава. Правда, благодаря инициативе де Голля отдельные французские патриотические элементы стали собирать национальные силы за границей и в некоторой мере приобщились к борьбе против Германии. Это, однако, отнюдь не искупает вины Франции как государства... Вопрос в том, должны ли мы поднять Францию из той пропасти,

в которую она свалилась, и помочь ей стать вновь на ноги и как ни в чем не бывало вновь облечься в тогу великой державы... в интересах ли нашего государства искусственное возрождение Франции, можем ли мы рассчитывать на более успешное сотрудничество с ней... и будет ли она на нашей стороне при тех расхождениях между Объединенными Нациями, которые могут и, вероятно, будут иметь место по окончании войны». М. М. Литвинов далее напомнил: «Де Голль на днях заявил, что в случае расхождения демократий с СССР Франция должна занять свое место в борьбе за интересы Западной Европы»²⁴³.

Однако необходимо было принять во внимание, что в то время политический замысел И. В. Сталина в отношении Франции отвечал державной логике, соответствующей интересам союзничества с западными демократиями и геополитическим интересам СССР после войны. Преобразования внутри ФКНО, признание Ш. де Голля в качестве его руководителя, объединение «Сражающейся Франции» и сил внутреннего Сопротивления — все эти события разрушали догматические схемы в духе классового подхода и открывали новые перспективы политического переустройства Западной Европы. Сам же М. М. Литвинов напомнил: «Наша комиссия с одобрения правительства должна готовить свою работу, игнорируя пока возможность серьезных социальных переворотов в Европе и исходя из существующего строя»²⁴⁴.

Французский вопрос надлежало решать, исходя из геополитических интересов СССР. С. А. Лозовский выступил в пользу восстановления международного веса Франции, считая необходимым поддержать эту страну в качестве противовеса британскому послевоенному преобладанию в Западной Европе, сыграв на неминуемых англо-французских империалистических противоречиях. Советские интересы в этом случае представлялись зеркальным отражением британских. У. Черчилль также вступался за Ш. де Голля, поскольку возрождение Франции после освобождения могло стать противовесом непрерываемому континентальному могуществу СССР. С. А. Лозовский заметил: «Крест ставить на Франции нельзя. В интересах ли Советского Союза не поддерживать возрождения Франции, как силы... которая может оказать известное противодействие Англии?» И предсказал, что противоречия незамедлительно возникнут из-за политики Англии по развалу Французской империи²⁴⁵. Д. З. Мануильский поддержал коллегу: «Мы не заинтересованы в том, чтобы в Европе воцарилась гегемония англичан. Мы должны разжигать в ней (Франции. — *Прим. ред.*) стремление стать великой державой».

М. М. Литвинов относился строже прочих к Франции, призывая не слишком полагаться на ее лояльность в будущем: «Несомненно, Англия и США будут выталкивать Францию и стараться дать ей пятое место в директории. Это значит, что Англия будет иметь два голоса и Америка будет иметь два голоса, свой и Китая. Вокруг Франции всегда будут группироваться все европейские малые державы»²⁴⁶. Бывший министр лучше других мог оценить беспрецедентные геополитические возможности, открывшиеся советской дипломатии благодаря ее победоносным армиям. «Мы сейчас должны дорожить авантажным... положением единственной сухопутной державы в Европе, и мы ни с кем этого положения делить не должны. Ничего мы авансом Франции давать не должны, в особенности того, чего нельзя взять обратно»²⁴⁷. М. М. Литвинов писал: «Де Голль предъявляет претензии на участие в послевоенной директории. Мы должны решительно противодействовать таким претензиям. Нас не должны вводить в заблуждение никакие французские дружественные жесты вроде посылки в Москву Пьера Кота, имеющие лишь целью дразнить, пугать или склонить к уступкам Англию и Америку, с которыми Франция в основном будет, по всей вероятности, сотрудничать против нас»²⁴⁸.

В то же время М. М. Литвинов допускал другой сценарий, учтенный в советском проекте «Об обращении с Францией»: «Не исключается возможность, что Франция пойдет другим путем, и там установится власть, на дружбу с которой мы сможем прочно рассчитывать... Надо поддерживать с Алжирским комитетом (ФКНО. — *Прим. ред.*) и с французскими властями, которые придут ему на смену, наилучшие отношения, не скупясь на заявления о дружбе и общности интересов»²⁴⁹. Столь разноречивые суждения М. М. Литвинова в рамках одного и того же проекта продиктованы осторожностью, вытекающей из шаткости его собственного

положения и неизбежной в условиях не определившегося еще вектора развития политической ситуации во Франции.

Между тем приближение высадки союзников и освобождения страны, а также рост политического авторитета Ш. де Голля выдвинули на первый план вопросы дипломатической стратегии. Будущие советско-французские отношения должны были определяться геополитическими расчетами.

Г. Димитров рекомендовал коммунистам — членам ФКНО А. Марти и Р. Гюйо воздержаться от мелочных придирок к Ш. де Голлю внутри комитета, сосредоточившись на основных вопросах ведения войны, включавших создание боеспособной французской армии для борьбы с немцами, помощь внутреннему вооруженному Сопротивлению и чистку армии и государственного аппарата от коллаборационистов. Обсуждение коммунистического проекта новой конституции Франции Г. Димитров назвал преждевременным. В центре внимания коммунистов должны были стоять задачи борьбы с оккупантами и освобождения страны. Участие в широком антифашистском фронте было главным залогом расширения политического авторитета компартии.

Требовалось устранить сомнения в патриотической природе ФКП и даже рекомендовалось не выказывать «излишнее усердие в защите СССР, чтобы не давать возможности противникам представлять ФКП как агентуру Москвы», но отстаивать франко-советскую дружбу как основу восстановления внешнеполитического веса страны²⁵⁰. Советское руководство стремилось приложить все усилия, чтобы в ходе освобождения Франция не превратилась в зону ответственности англо-американского военного командования, проводя линию на признание суверенных прав ФКНО.

События ускорялись, высадка союзников в Нормандии была близка, и 11 апреля 1944 г. советник посольства США в Москве М. Гамильтон (в отсутствие А. Гарримана) «в срочном порядке» поставил перед В. М. Молотовым вопрос об отношении СССР к американскому проекту директивы на случай занятия французской территории²⁵¹.

3 июня 1944 г., за три дня до высадки союзников во Франции, Французский комитет национального освобождения во главе с Ш. де Голлем провозгласил себя временным правительством Французской Республики (ВПФР), не дожидаясь политического решения трех великих держав.

Первые военные успехи союзников в Нормандии и перспектива освобождения Франции поставили на повестку дня вопрос о признании правительства Ш. де Голля. 28 июня А. Гарриман известил В. М. Молотова, что Ш. де Голль собирается посетить США. Нарком ответил, что в отношениях с ВПФР советское правительство решило присоединиться к той позиции, которую займут правительства Великобритании и США. А. Гарриман, в свою очередь, заметил, что В. М. Молотов «оставляет им самые трудные проблемы», намекая на трудности переговоров с Ш. де Голлем. В. М. Молотов парировал, что в настоящий момент «имеются более трудные проблемы»²⁵². В самом деле, в отношениях с союзниками вопрос о политическом положении во Франции не фигурировал в перечне наиболее острых, таких как положение на Балканах или в Польше.

В. М. Молотов знал, что вопрос о поездке Ш. де Голля в Москву неоднократно поднимался французской стороной с осени 1942 г., но И. В. Сталин не спешил встречаться в главой «Сражающейся Франции», и непосредственная подготовка к визиту началась только с августа 1944 г. по инициативе Ш. де Голля. Директор по политическим вопросам французского МИДа М. Дежан сообщил сотруднику советского представительства в Алжире, что после своих поездок в Лондон и Вашингтон председатель ВПФР был бы рад посетить СССР в случае, если из Москвы последует соответствующее приглашение²⁵³.

16 октября, во время визита У. Черчилля в Москву, А. Иден вручил В. М. Молотову меморандум о признании администрации Ш. де Голля временным правительством. Советский нарком тогда еще выразил недовольство публикациями в английской прессе о якобы имеющемся несогласии на этот счет у США и СССР, заявив, что Москва одобрила согласованное заявление о признании. В нем сообщалось, что «французская администрация пользуется,

Встреча Ш. де Голля в Москве

по-видимому, поддержкой большинства населения, хорошо сотрудничает с союзным верховным командованием и прилагает все силы для восстановления демократической основы французской политической жизни» и что генерал Д. Эйзенхауэр «готов согласиться на просьбу французской администрации об объявлении большей части Франции «внутренней зоной», в которой ответственность за гражданскую администрацию стала бы полностью делом французских властей». Британское правительство высказало надежду, что «советское правительство также пожелает признать французскую администрацию временным правительством Франции и условиться... о том, чтобы соответствующие сообщения о признании были объявлены одновременно»²⁵⁴.

23 октября 1944 г. советский полпред во Франции А. Е. Богомолов адресовал министру иностранных дел ВПФР Ж. Бидо заявление о том, что Советский Союз, «неизменно дружелюбно относясь к демократической Франции, приветствует» решения англо-американских союзников, подписавших с французскими властями соглашение «об установлении внутренней зоны Франции, включая Париж, под управлением французской администрации». Одновременно с правительствами США и Великобритании Советский Союз сделал заявление о признании временного правительства. Советским послом во Франции был назначен А. Е. Богомолов²⁵⁵.

Первыми плодами этого признания для советской стороны стал закон ВПФР об амнистии, опубликованный 29 октября. В силу этого закона генеральному секретарю ФКП М. Торезу, который провел военные годы в Москве и Куйбышеве, было позволено беспрепятственно вернуться во Францию.

Подписание договора о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией

Советское правительство согласилось на приглашение ВПФР принять участие в Европейской консультативной комиссии «в качестве четвертого постоянного члена»²⁵⁶. Соответствующее совместное заявление трех послов союзных держав во Франции было сделано 11 ноября 1944 г.

Ш. де Голль хотел лично встретиться с И. В. Сталиным. Его целью было заключение с СССР договора о союзе против фашистской Германии и обсуждение германского и польского вопросов. Голлистская «политика престижа» требовала участия в становлении послевоенной Европы. Приглашение посетить СССР было передано Ш. де Голлю через посла А. Е. Богомолова 13 ноября, и уже 24 ноября Ш. де Голль отправился в СССР через Каир, Тегеран и Баку. По пути в Москву он захотел увидеть Сталинград. Его речь на развалинах города была призвана подчеркнуть принадлежность «Сражающейся Франции» к Объединенным Нациям и напомнить о ее участии в борьбе против Германии. Ш. де Голль передал от «сражающегося французского народа» привет «героическому Сталинграду — символу наших общих побед над врагом»²⁵⁷.

Ш. де Голль прибыл в Москву 2 декабря. В тот же день французская сторона передала В. М. Молотову свой проект договора, который содержал напоминание о прежнем франко-советском пакте 1932 г. и включал заявление о невмешательстве во внутренние дела друг друга и заключение двусторонней военной конвенции. Эти положения были отклонены советской стороной, передавшей собственный проект 5 декабря²⁵⁸. Он содержал важное для СССР условие, взятое из англо-советского договора, об обязательстве не вступать ни в какие союзы, направленные против другой стороны.

Но камнем преткновения в переговорах стал польский вопрос. Граница Польши по линии Керзона на востоке и по Одру — Нейсе на западе возмущения у французской делегации не вызывала. Но И. В. Сталин хотел добиться от Ш. де Голля фактического признания люблинского правительства в обход эмигрантского правительства в Лондоне, признаваемого англо-американскими союзниками. Как раз во время визита Ш. де Голля, 6 декабря, в Москву прибыли Б. Берут и Э. Осубка-Моравский, и момент был подходящим для начала двусторонних контактов при советском посредничестве. И. В. Сталин и В. М. Молотов настаивали на том, чтобы ВПФР согласилось направить своего представителя в Люблин, с чем Ш. де Голль первоначально был категорически не согласен, поскольку намеревался отстаивать именно интересы польского правительства в изгнании.

Неуступчивость Ш. де Голля осложнила переговоры по главному для него вопросу — о союзническом договоре против Германии. У главы советского правительства был запасен неожиданный козырь. Он сообщил Ш. де Голлю о предложении У. Черчилля заключить вместо двустороннего договора Москвы с Парижем трехстороннее англо-франко-советское соглашение. Ш. де Голль оказался в двусмысленном положении, поскольку не был информирован Лондоном об этой инициативе. Тем самым хозяева напомнили гостю об относительной слабости международных позиций французского правительства в кругу грандов Объединенных Наций. Представителям Франции пришлось в срочном порядке искать аргументы для вежливого отклонения британского предложения.

Наконец, на встрече 8 декабря И. В. Сталин прямо связал заключение столь важного для Ш. де Голля двустороннего советско-французского договора с признанием французской стороной Люблинского комитета²⁵⁹. Визит подходил к концу, а переговоры грозили закончиться безрезультатно. 9 декабря дипломаты вернулись за стол переговоров. Ш. де Голль понял, что уважение прав польского правительства в Лондоне будет стоить его стране проваленного союзного договора с СССР. С оговорками ему пришлось согласиться на делегирование в Люблин в неофициальном порядке К. Фуше. При этом Ш. де Голль отказался внести в текст официального заявления фразу о том, что ВПФР и ПКНО согласились обменяться представителями. По распоряжению Ш. де Голля сообщение, указывавшее лишь на то, что «полковник Фуше направлен в Люблин», было опубликовано только через 15 дней после возвращения генерала из Москвы, чтобы скрыть прямую связь между договором и уступками в польском вопросе²⁶⁰.

Таким образом, Ш. де Голль стал первым из западных союзников, сделавшим шаг навстречу ПКНО. Компромисс удовлетворил И. В. Сталина, и 10 декабря 1944 г. советско-французский договор был подписан²⁶¹. Одна из главных целей французской делегации была достигнута. Франко-советский договор о союзе сроком на 20 лет²⁶², как и англо-советский союзный договор 1942 г., был направлен исключительно против фашистской Германии. Стороны обязались не участвовать в союзах и коалициях, направленных против одной из них, вести войну с Германией до победного конца, оказывать друг другу немедленную военную помощь «всеми находящимися в распоряжении средствами» в случае немецкой агрессии против одной из договаривающихся держав, в том числе и превентивную, а также оказывать друг другу экономическое содействие. Ш. де Голлю не удалось добиться от И. В. Сталина поддержки плана отторжения от Германии Рура и Рейнской области. Зато ему была обеспечена лояльность первой силы внутреннего Сопротивления — французской компартии. Восстановление международного веса Франции было для И. В. Сталина одной из гарантий против возрождения германской угрозы и американо-британского контроля над Западной Европой.

В то время как Ш. де Голль направлялся в Москву, И. В. Сталин, напутствуя М. Тореза перед отъездом во Францию, в личной беседе 19 ноября 1944 г. изложил свое видение ситуации во Франции. Главной задачей он назвал создание широкого левого блока против реакции, поэтому коммунисты должны были отказаться от линии, которая могла бы привести к расколу антифашистских патриотических сил. В частности, им рекомендовалось согласиться на разоружение своих отрядов. Оружие, впрочем, И. В. Сталин советовал не сдавать, а припрятать. Он настаивал на необходимости изменения тактики французских коммунистов: «Коммунисты стараются сохранить милицию. А это не пройдет. Создано правительство, которое признано Великобританией, Советским Союзом, Соединенными Штатами и другими державами, а коммунисты продолжают действовать по инерции. Между тем положение новое, другое, оно дало шансы де Голлю. Положение изменилось, и нужно сделать поворот. Коммунистическая партия не так сильна, чтобы она могла ударить правительство по голове. Она должна накапливать силы и искать союзников. Нужно принять меры к тому, чтобы в случае наступления реакции коммунисты могли иметь надежную оборону и могли бы сказать, что реакция нападает не на коммунистов, а на народ. Если же положение изменится к лучшему, то сплоченные вокруг партии силы пригодятся ей для наступления»²⁶³. М. Торез разделял геополитическое видение будущего Франции и с позицией И. В. Сталина, и с позицией Ш. де Голля и высказался за то, что его страна должна иметь сильную армию. И. В. Сталин добавил к этому только совет коммунистам «иметь в армии своих людей»²⁶⁴.

В целом обстоятельства и результаты встречи Ш. де Голля с И. В. Сталиным создавали благоприятные предпосылки для послевоенного двустороннего сотрудничества в решении европейских задач советской внешней политики. Для обоих лидеров речь шла прежде всего о противодействии возможному повторению англо-американской политики 1920–1930-х гг. в германском вопросе.

СССР и германский вопрос

Подобно тому как главной задачей советской внешней политики в период освобождения было обеспечение скорейшего и полного разгрома фашистской Германии, центральным вопросом перспективного планирования являлось обращение с побежденной Германией. Мало было победить Германию и обеспечить Советскому Союзу плоды победы, требовалось исключить возможность германской агрессии против СССР на будущие десятилетия.

Разработкой проектов соглашений с побежденными странами была призвана заниматься Комиссия по вопросам перемирия под руководством К. Е. Ворошилова. Планы относительно Германии на период оккупации и после войны разрабатывала Комиссия по подготовке мир-

ных договоров и послевоенного устройства под руководством М. М. Литвинова. Присущая ему органика понимания смысла и фундаментальных целей советской дипломатии делает материалы, представленные бывшим наркомом, ценным свидетельством внешнеполитических замыслов Москвы.

В феврале 1944 г. М. М. Литвинов очертил круг вопросов, подлежащих изучению: разоружение Германии, изменение границ, государственное переустройство. 2 марта В. М. Молотову была представлена записка «Об обращении с Германией». В ней предусматривалось прежде всего разоружение и уничтожение германской военной промышленности. Державам-победительницам предстояло «сейчас же по заключении перемирия или еще до него создать военную комиссию по детальной разработке принципов разоружения Германии» и создать из представителей трех союзных правительств Главную контрольную комиссию для наблюдения за выполнением принимаемых решений. Проект М. М. Литвинова предусматривал единогласие в принятии принципиальных решений комиссии, что давало СССР наряду с союзниками право вето²⁶⁵.

Поскольку материалы составлялись для Ф. Т. Гусева ввиду постановки в Европейской консультативной комиссии вопроса о расчленении Германии, для М. М. Литвинова важен был вопрос о сужении ее послевоенных границ. Проект предусматривал «отторжение таких территорий, которые перестанут быть немецкими землями и будут включены в состав соседних с Германией государств, имея в виду как территорию нынешней объединенной, так и возможную в будущем расчлененную Германию: Восточную Пруссию, Силезию, Шлезвиг»²⁶⁶.

Далее в записке подробно рассмотрены планы передела границ Германии в пользу СССР и стран Восточной Европы. М. М. Литвинов предусматривал отторжение территорий, которые «перестанут быть немецкими землями». Он писал о желании англичан передать Польше Восточную Пруссию, поскольку еще после Первой мировой войны создание независимой Польши не мыслилось без присоединения Восточной Пруссии. Советская позиция в этом вопросе противостояла британской. М. М. Литвинов представил аргументацию этих возражений: «Поляки меньше всего могут подкрепить свои притязания на Восточную Пруссию доводами этнографического порядка». Речь шла о соображениях стратегического характера.

Далее М. М. Литвинов развил тезис о близости населения Восточной Пруссии к Литве и заключил: «Приобретение Кёнигсберга к литовской этнографической территории оказало бы большое влияние на дальнейшее развитие литовской национальности»²⁶⁷. Мемельскую область планировалось включить в состав советской Литвы, а границу Литвы «отодвинуть еще дальше на запад», причем М. М. Литвинов предлагал включить в состав Литвы Кёнигсберг и восточную часть Мазурских озер²⁶⁸.

Следующим пунктом шел раздел Верхней Силезии в пользу Чехословакии: «Если бы Чехословакия согласилась уступить нам Подкарпатскую Украину, тогда можно было бы предложить ей в виде компенсации некоторую часть Верхней Силезии»²⁶⁹.

Несмотря на ссылки в предыдущем пункте на этнические и исторические факторы, они требовались лишь для подкрепления в случае необходимости позиции Москвы, но вовсе не были органичными советскому решению проблемы границ. Речь шла о правах победителей в отношении побежденного агрессора. М. М. Литвинов предвидел, что «любой мирный договор, который будет продиктован побежденной Германией, способен вызвать идею реванша. Задача в том, чтобы сделать невозможным осуществление этой идеи, и без ущемления интересов немцев здесь не обойтись. К тому же возможное переселение немцев из отторгаемых земель уменьшит, если совершенно не предупредит предмет движения ирредентизма»²⁷⁰.

Наряду со стратегическим вторым центральным фактором удовлетворения территориальных интересов восточноевропейских стран за счет Германии и ее сателлитов были перспективы развития внутривосточной ситуации и отношения их правительств к СССР. В частности, М. М. Литвинов писал о возможности передачи Верхней Силезии и Восточной Пруссии Польше «при условии обеспечения со стороны последней добрососедских и дружественных отношений к СССР», на которые, впрочем, не особенно надеялись в Москве, пока интересы Польши представляло эмигрантское правительство С. Миколайчика.

13

Тов. СТАЛИНУ.

Направляю исправленный вчера текст "Условий капитуляции Германии".

После сегодняшнего рассмотрения проекта с участием т.т. Вышинского, Шапошникова, Майского, Исакова и Базарова внесены дополнительные поправки в 15-ую статью о зонах оккупации. Добавлено, что Восточная Пруссия должна быть отнесена к советской зоне оккупации, а Австрия - к совместной зоне, так как в английском проекте по этим вопросам имеются неприемлемые предложения. Соответственно исправлен и дополнен также текст телеграммы т. Гусеву.

12 февраля 1944 года.

В. Молотов

Зав. М. Сталин

Записка В. М. Молотова И. В. Сталину

М. М. Литвинов не сомневался, что разделение Восточной Пруссии между Польшей и СССР и Верхней Силезии между Польшей и Чехословакией вызовет «бурные протесты со стороны Польши, но с ними считаться не приходится, Польша не будет считать себя удовлетворенной даже в случае получения всей Восточной Пруссии и всей Верхней Силезии», поскольку ей придется также смириться с новой восточной границей по линии Керзона²⁷¹.

В том же духе другой член комиссии С. А. Лозовский переключал обсуждение вопроса о передаче Трансильвании, населенной преимущественно венграми, от Венгрии к Румынии с исторических рассуждений на сущность вопроса: «Нам нужно исходить не из того, какая была расстановка сил по отношению к России, а из того, какова их позиция по отношению к СССР. Это — классовый вопрос, а не национально-территориальный»²⁷². Вопреки предположениям союзники в целом согласились с подобным подходом.

При подготовке материалов для возможного обсуждения с союзниками присоединения Мемельской области к СССР предполагалось сослаться не столько на национальный принцип, сколько на право победителя по отношению к агрессору. В материалах комиссии М. М. Литвинова записано: «Мемельская область по своему национальному составу, бесспорно, является областью по преимуществу литовской... Руководствуясь принципом, что от Германии должны быть в первую очередь отобраны все территории, которые Гитлер после своего прихода к власти захватил путем насилия и давления, следует признать не имеющим никакой силы и кабальное соглашение, навязанное Гитлером Литве 22.III.1939 года, автоматически перешедшее к СССР по наследству после вступления Литвы в состав СССР»²⁷³.

Помимо отторжения частей немецкой территории в пользу жертв гитлеровской агрессии М. М. Литвинов предусматривал расчленение Германского государства: «Нынешнее централизованное унитарное устройство Германии не может быть более терпимо... Действительное эффективное препятствие возрождению германского военного потенциала может быть создано только расчленением Германии, т. е. разделением ее на совершенно независимые государства». Внутриполитические преобразования, согласно записке Литвинова, должны были предусматривать создание демократического режима в Германии²⁷⁴.

15 августа 1944 г. В. М. Молотову была отослана отдельная записка М. М. Литвинова «о перевоспитании германского народа», которым предстоит заняться союзникам после оккупации. «Англо-американцы этим уже занимаются. Если мы не займемся этим делом, то, очевидно, вся воспитательная часть в Германии окажется в руках американцев и англичан»²⁷⁵. Советской стороне надлежало подумать над тем, чтобы подготовить кадры и учебники для немецких школ и, возможно, согласовывать учебники с союзниками, если они будут предназначены не только для советской зоны оккупации. Это предложение — свидетельство того, что в дипломатических кругах СССР были те, кто допускал, как М. М. Литвинов, что союзническое сотрудничество не прервется с разгромом Германии.

Что касается вопроса о внутриполитическом режиме будущей Германии, то основой для советской позиции стали заключения комиссии К. Е. Ворошилова, взаимодействовавшей с советской частью Союзной контрольной комиссии в Германии. Комиссия К. Е. Ворошилова приступила к работе над подробным проектом документа о безоговорочной капитуляции Германии после завершения работы над первоначальными проектами условий капитуляции ее сателлитов. К тому времени, с января 1944 г., в Лондоне начала работу ЕКК, учрежденная решением Московской конференции министров иностранных дел трех союзных держав. Тогда же в ЕКК были переданы американский и британский проекты. Встал вопрос о советских условиях. Краткие, в основном военные условия проекта комиссии К. Е. Ворошилова были утверждены на заседании ЦК ВКП(б) и 13 февраля посланы Ф. Т. Гусеву для представления в ЕКК.

Одновременно шла работа по составлению более детальных проектов документов по нескольким группам вопросов, не вошедших в краткий проект. К ним относились дополнительные военные условия; условия возвращения военнопленных, насильственно уведённых и интернированных граждан Объединённых Наций; документы о ликвидации нацистского режима, выдаче военных преступников и контроле союзников над отношениями Германии

с другими странами; проект условий, касающихся экономики и обязательств по репарациям и реституции; проект протоколов об оккупации Германии и Австрии. Эти проекты были представлены В. М. Молотову по мере завершения, с апреля по ноябрь 1944 г.²⁷⁶

Советский проект условий капитуляции Германии был основан на принципе безоговорочной капитуляции. Он обсуждался на четвертом заседании ЕКК 6 марта 1944 г., и уже 17 марта представитель Великобритании У. Стрэнг подтвердил, что в этом пункте между союзниками достигнуто согласие²⁷⁷.

Открывая обсуждение вопроса о будущем политическом устройстве Германии, К. Е. Ворошилов заметил, что надо различать две проблемы: ликвидировать в Германии нацистский режим и создать при помощи германского народа новые демократические органы управления. Эта работа, разумеется, должна проходить под постоянным руководством и контролем союзников, «отрицать же полностью возможность участия немцев в создании таких органов нельзя, ибо невозможно управлять 70-миллионным населением без помощи со стороны самого этого населения»²⁷⁸.

К. Е. Ворошилов указал, что для успеха военной оккупации Германии необходимо согласие между союзниками и полное единство их требований к побежденным. «Нужна прежде всего сила и не только сила оружия, но и сила организации... Союзники должны организовать оккупацию Германии и контроль за деятельностью германских властей так, чтобы немцы не смогли использовать в своих интересах разногласия между союзниками или даже частичную несогласованность в отдельных вопросах». Для этой цели он предлагал создать единый консультативный орган, уполномоченный предварительно согласовать мероприятия, касающиеся всей Германии, прежде чем они будут предъявлены для выполнения германскому правительству²⁷⁹.

1 июня 1944 г. К. Е. Ворошилов представил записку с изложением принципиальных отличий советского проекта условий капитуляции Германии от проектов союзников.

Во-первых, советский проект содержал указания на то, что все сданное Германией союзникам вооружение, военные корабли, боеприпасы и военное имущество являются военной добычей правительств СССР, Великобритании и США. Как видно, история с переходом военного флота Италии под контроль англо-американцев не прошла бесследно.

Во-вторых, подробно рассматривался вопрос о выплате Германией компенсаций военнопленным. Статьями 12 и 13 предусматривалось обязательство каждому союзному военнопленному выплатить то вознаграждение, которое причиталось ему за время нахождения в плену; каждому союзному гражданину, занятому на принудительных работах в Германии, — вознаграждение, исходя из ставок, установленных для германских рабочих соответствующей квалификации. Статья 14 указывала, что сумма этого вознаграждения должна быть включена в сумму репараций²⁸⁰.

Третья группа проблем касалась денацификации и наказания военных преступников. Советская редакция статей 1–3 требовала полной ликвидации не только нацистской партии, но и всех примыкавших к ней организаций. Английский документ допускал сохранение некоторых «могущих быть названными» из этих организаций.

Гораздо большее внимание советская сторона уделяла гуманитарным вопросам. Статья 11 советского проекта намечала перечень мероприятий по ликвидации нацистской идеологии и нацистской системы образования, в то время как в американском документе об этом вовсе не было упомянуто, а в британском проекте говорилось лишь в общей форме. Кроме того, СССР настаивал на введении для всех лиц разрешительного порядка въезда и выезда из Германии. Американский проект не затрагивал вопросов об обращении с военными преступниками и изменниками, которые были крайне важными для советского руководства. Статья 13 советского проекта предусматривала выдачу и суд над военными преступниками²⁸¹.

Советский проект содержал более жесткие, чем у англо-американцев, требования по экономическим вопросам: контроль союзников над международными реками Рейном, Эльбой, Одером и Дунаем, передачу под их контроль собственности, прав и интересов не только государственных органов, но и частных компаний и фирм, запрещение передавать

эту собственность иностранцам, требование роспуска всех картелей и трестов, созданных за счет ограбления оккупированных стран. Статья 14 предусматривала создание межсоюзной комиссии по репарациям, передачу в распоряжение союзников золота, серебра и всех других валютных ценностей, находящихся в Германии и вне ее, конфискацию всех германских имуществ (физических и юридических лиц) на территориях Объединенных Наций. К. Е. Ворошилов заметил: «В британском проекте есть общее указание на этот счет, в американском — нет вовсе»²⁸².

12 июня К. Е. Ворошилов направил В. М. Молотову проекты протоколов об оккупации Германии и Австрии, которые должны были подписать союзные правительства и не предъявляться Германии, поскольку не требовали ее согласия. Речь шла о границах зон оккупации. В Германии демаркационная линия между зонами должна была пройти по границам провинций, а в районе Большого Берлина — по границам административных районов города. Советская зона равнялась 221 003 кв. км площади с населением 24 млн 684 тыс. человек, британская — 135 243 кв. км с населением 25 млн 898 тыс. человек, американская — 115 491 кв. км с населением 14 млн 538 тыс. человек по состоянию на 17 мая 1939 г. Для управления Берлином создавалась межсоюзная комендатура из трех комендантов — по одному от каждой союзной державы. Должность главного коменданта занимали по очереди представители оккупационных держав, сменяясь не более чем через каждые 10–15 суток²⁸³.

В Австрии в основу разграничения был положен не территориальный признак, а численность населения и размещение промышленности. К советской зоне должна была отойти треть населения Австрии, большая часть промышленных предприятий и связь прямыми железнодорожными коммуникациями с Югославией, Чехословакией и Венгрией²⁸⁴.

В конце сентября 1944 г. К. Е. Ворошилов сообщил И. В. Сталину и В. М. Молотову о скором завершении обсуждения вопроса о контрольном механизме союзников в оккупированной Германии после ее капитуляции и о том, что в Лондоне уже проходят подготовку для работы в контрольных союзных органах довольно большие группы британских и американских военных работников. К. Е. Ворошилов считал необходимым командировать в Лондон для такой подготовки соответствующее число советских офицеров и гражданских лиц, минимум 130 человек, заметив, что от США в ЕКК стажировались 175 офицеров²⁸⁵.

Видимо, комиссия К. Е. Ворошилова не поспевала за стремительно нараставшим объемом работы. После некоторого дипломатического затишья, связанного с колебаниями союзников фашистской Германии, быстрое продвижение Красной армии заставило их возобновить переговоры о перемирии с Москвой. Необходимость постоянно отвлекаться на срочные задания по новой редакции соглашений о перемирии с сателлитами Германии, переговоры с которыми той осенью следовали одни за другими, не могла не тормозить согласование условий перемирия с Германией — досье первостепенной важности, но меньшей срочности.

А. Иден, пользуясь своим пребыванием в Москве, куда он приехал вместе с У. Черчиллем, вынужден был поторопить главу НКВД с окончанием работы над общим проектом соглашения. Британский министр вручил 16 октября 1944 г. В. М. Молотову представление о необходимости ускорить работу ЕКК. В нем говорилось о значении, которое придавало английское правительство тому, чтобы завершить «как можно скорее» совместные планы трех великих держав по предписанию Германии условий капитуляции и претворению в жизнь решения Московской конференции по восстановлению независимой Австрии. «Если эти совместные планы не смогут быть согласованы до краха Германии, то имеется реальный риск неразберихи и недоразумений, которыми немцы не преминули бы воспользоваться в своих попытках избежать возмездия», — считали в Лондоне²⁸⁶.

Из документа следовало, что советский представитель Ф. Т. Гусев «пока не был в состоянии» обсудить проекты совместных заявлений и требований к Германии, представленные уже несколько месяцев назад ЕКК союзниками. Сотрудникам К. Е. Ворошилова понадобилось больше месяца, чтобы завершить подготовительную работу комиссии. 30 ноября он направил В. М. Молотову согласованные с союзниками проекты дополнительных условий капитуляции Германии на 35 листах. Суть этих условий состояла в том, что Германия должна

быть полностью оккупирована, лишена суверенитета и обязана выполнять указания правительств СССР, Великобритании и США по всем вопросам внутренней и внешней политики (разделы 2–4)²⁸⁷.

Громадная подготовительная работа комиссий М. М. Литвинова и К. Е. Ворошилова послужила основой советской позиции в отношении Германии на приближавшейся конференции большой тройки в Ялте в феврале 1945 г. Исследователи единодушно называют эту конференцию апогеем сотрудничества стран антигитлеровской коалиции²⁸⁸. В ходе нее Советскому Союзу удалось закрепить основные дипломатические достижения 1944 г.

Взаимопонимание с союзниками стало возможным в условиях, когда не разгромлены были еще Германия и Япония и когда этот разгром и цена будущей победы, то есть решение главной, жизненной для правительств и народов задачи Объединенных Наций зависели от степени взаимного доверия и тесного взаимодействия трех держав. Советской дипломатии удалось воспользоваться этим недолгим периодом, когда стремление к согласию превалировало над разногласиями, чтобы реализовать национальные задачи в соответствии с замыслами руководства СССР.

Были выведены из войны малые страны — союзницы фашистской Германии: Финляндия, Румыния и Болгария. При этом советской дипломатии удалось обеспечить благоприятные условия для установления в этих странах лояльных к Советскому Союзу режимов. Решение политической судьбы Польши и Чехословакии также осенью 1944 г. переместилось из Лондона в Москву. Ключевыми в этом были практически одновременные, но противоположные по содержанию с точки зрения взаимоотношений с Москвой Варшавское и Словацкое национальные восстания. Еще до окончания войны Москва обеспечила стратегически выгодные изменения границы с Польшей и Чехословакией. Таким образом, были заложены условия для политических преобразований в Восточной Европе по периметру советских границ, соответствующих интересам Москвы.

Кроме того, советской дипломатии удалось настоять на участии в выработке схем союзного управления на западе Европы. Благодаря ее вмешательству национальным патриотическим правительствам и силам внутреннего антигерманского Сопротивления в освобожденных западными союзниками Бельгии, Франции и Италии было обеспечено участие в послевоенном урегулировании при уменьшении роли англо-американского военного командования. Признание правительства П. Бадольо в Италии и советско-французский союзный договор, заключенный с Ш. де Голлем, содействовали укреплению позиций Советского Союза в качестве великой державы — одного из центров европейской политики. В то же время изменение тактики коммунистическими партиями этих стран привело к единству антифашистских сил в духе Народного фронта и позволило им занять видное место в послевоенном политическом руководстве.

Советская дипломатия «переиграла» британцев на Балканах, в Болгарии и Югославии. Союзники признали также преобладание интересов СССР в Румынии и Венгрии, освобождение которой приближалось благодаря прорыву советскими войсками венгерско-германской обороны в районе озера Балатон. Заинтересованность англо-американских союзников в тесном военном взаимодействии с Красной армией, невозможном без преодоления дипломатических трений, стала дополнительным рычагом для обеспечения геостратегических и геополитических интересов СССР в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Советским послом в Лондоне и представителем в ЕКК был назначен Ф. Т. Гусев.
- ² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1–41.
- ³ Там же. Д. 145. Л. 3.
- ⁴ Там же. Д. 149а. Л. 13–17.
- ⁵ Там же. Д. 141. Л. 3.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 132.
- ⁷ Там же. П. 14. Д. 143. Л. 26.
- ⁸ Там же. П. 1. Д. 9. Л. 22.
- ⁹ Там же. Л. 33.
- ¹⁰ *Сиполс В. Я.* Великая победа и дипломатия. 1941–1945 гг. М., 2000. С. 196.
- ¹¹ *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 147.
- ¹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 26–28.
- ¹³ Там же. Д. 145. Л. 27.
- ¹⁴ Конференция ООН по валютным и финансовым вопросам состоялась в июле 1944 г. в Бреттон-Вудсе.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 122.
- ¹⁶ Там же. П. 14. Д. 143. Л. 82.
- ¹⁷ Там же. П. 46. Д. 607. Л. 94.
- ¹⁸ *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 472–473.
- ¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 150. Л. 52–53.
- ²⁰ Там же. Л. 495.
- ²¹ Там же. Л. 506.
- ²² Там же. Л. 510.
- ²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 9.
- ²⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 2. С. 64.
- ²⁵ Там же. С. 91.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 90.
- ²⁷ Там же. Л. 84.
- ²⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 2. С. 59.
- ²⁹ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 123–132.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141.
- ³¹ Там же. Л. 79–80.
- ³² Там же. Д. 147. Л. 55.
- ³³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 137.
- ³⁴ Там же. С. 280.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 33.
- ³⁶ Там же. Д. 143. Л. 80.
- ³⁷ Там же. Л. 81–84.

- ³⁸ Печатнов В. О. Указ. соч. С. 152–153.
- ³⁹ В интервью в газете «Правда» 14 июня 1944 г.
- ⁴⁰ Бережков В. М. Указ. соч. С. 479.
- ⁴¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 445.
- ⁴² Национально-освободительный фронт (ЭАМ) создан 27 сентября 1941 г. для борьбы против германских, итальянских и болгарских оккупантов после оккупации Греции (6 апреля 1941 г.). В ЭАМ вошли Коммунистическая, Аграрная и Социалистическая партии, Союз народных демократов, профсоюзные и молодежные антифашистские организации. В декабре 1941 г. руководство ЭАМ приняло решение о создании повстанческой армии — Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС).
- ⁴³ Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 112.
- ⁴⁴ Ржевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 420–437.
- ⁴⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 132–133.
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 155. Л. 1.
- ⁴⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 89.
- ⁴⁸ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 199.
- ⁴⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 110.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 85–86.
- ⁵¹ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 199.
- ⁵² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 110–111.
- ⁵³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 55.
- ⁵⁴ Там же. С. 68.
- ⁵⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 112.
- ⁵⁶ Там же. С. 114.
- ⁵⁷ Там же. С. 115.
- ⁵⁸ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 201.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 150. Л. 3.
- ⁶⁰ Там же. Л. 169.
- ⁶¹ Там же. Л. 170.
- ⁶² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 177.
- ⁶³ Там же. С. 178–179.
- ⁶⁴ Там же. С. 219–220.
- ⁶⁵ Там же. С. 215–220.
- ⁶⁶ Там же. С. 221–228.
- ⁶⁷ Там же. С. 264.
- ⁶⁸ Граница установлена в 1940 г. договором между СССР и Румынией. Нарушена при нападении Румынии на СССР 22 июня 1941 г.
- ⁶⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 105.
- ⁷⁰ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 202.
- ⁷¹ Печатнов В. О. Указ. соч. С. 149.
- ⁷² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 2.
- ⁷³ Там же. Л. 8–9.
- ⁷⁴ Там же. Л. 37.
- ⁷⁵ Там же. Л. 48.

- ⁷⁶ Там же. Л. 53.
- ⁷⁷ Там же. Л. 56.
- ⁷⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 132–133.
- ⁷⁹ Там же. С. 172.
- ⁸⁰ Там же. С. 175.
- ⁸¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 116.
- ⁸² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 184.
- ⁸³ Там же. С. 198.
- ⁸⁴ Там же. 199.
- ⁸⁵ Там же. С. 206.
- ⁸⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 38.
- ⁸⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 210.
- ⁸⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 58.
- ⁸⁹ Там же. Л. 87.
- ⁹⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 186.
- ⁹¹ Там же. С. 187.
- ⁹² Там же. С. 191.
- ⁹³ Там же. С. 195.
- ⁹⁴ Там же. С. 197.
- ⁹⁵ Там же. С. 198.
- ⁹⁶ Там же. С. 182–183.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1976. Т. 1. С. 608.
- ⁹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 133–134.
- ¹⁰⁰ Там же. П. 22. Д. 228. Л. 38.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 45.
- ¹⁰² Там же. Л. 47.
- ¹⁰³ Там же. Л. 46.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 49–51.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 53.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 66.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 55.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 57.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 62.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 45–46.
- ¹¹¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 286–291.
- ¹¹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 80.
- ¹¹³ Там же. Л. 87.
- ¹¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 151. Л. 15.
- ¹¹⁵ Там же. П. 22. Д. 228. Л. 41.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 53.
- ¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 147.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 155.
- ¹¹⁹ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 212.
- ¹²⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 355.

- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Там же. С. 116–125.
- ¹²³ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 154.
- ¹²⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 121.
- ¹²⁵ Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 101–102.
- ¹²⁶ Подпольный военный совет Словакии создан в марте 1944 г.
- ¹²⁷ Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 116.
- ¹²⁸ Там же. С. 118.
- ¹²⁹ Там же. С. 123.
- ¹³⁰ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1978. Кн. 2. С. 328.
- ¹³¹ Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 104.
- ¹³² Там же. С. 113.
- ¹³³ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 183–186.
- ¹³⁴ Там же. С. 201.
- ¹³⁵ Там же. С. 203.
- ¹³⁶ Там же. С. 205.
- ¹³⁷ Коммунист. 1975. № 4. С. 70.
- ¹³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 66.
- ¹³⁹ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 215–217.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 221.
- ¹⁴¹ Там же. С. 225.
- ¹⁴² Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 366–367.
- ¹⁴³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 5–6.
- ¹⁴⁴ Советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет подписан в Москве 12 декабря 1943 г. с чехословацким эмигрантским правительством Э. Бенеша.
- ¹⁴⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 5.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 22.
- ¹⁴⁷ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 144–145.
- ¹⁴⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 28.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 29.
- ¹⁵⁰ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 144–145.
- ¹⁵¹ Там же. С. 145.
- ¹⁵² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 32.
- ¹⁵³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 05. П. 27. Д. 309. Л. 11–15.
- ¹⁵⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 33.
- ¹⁵⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 20.
- ¹⁵⁶ Там же. Д. 608. Л. 12.
- ¹⁵⁷ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁵⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 119–120.
- ¹⁵⁹ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 144–145.
- ¹⁶⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 110.
- ¹⁶¹ Там же. С. 136.

- ¹⁶² *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 218.
- ¹⁶³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 252–253.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 213–215.
- ¹⁶⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 14.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 12.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 56.
- ¹⁶⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 154–155.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 155.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 157–159.
- ¹⁷¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 236. Оп. 2712. Д. 198. Л. 340–342.
- ¹⁷² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 49. Д. 667. Л. 8.
- ¹⁷³ Там же. П. 46. Д. 608. Л. 81.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 62.
- ¹⁷⁵ Ванда Василевская — председатель Союза польских патриотов. Польская писательница, с сентября 1939 г. жившая в СССР.
- ¹⁷⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 63.
- ¹⁷⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 162.
- ¹⁷⁸ Русский архив: Великая Отечественная война и Польша. 1941–1945 гг. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 206.
- ¹⁷⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 81.
- ¹⁸⁰ *Frerejean A.* Churchill et Staline. Paris: Perrin, 2013. P. 299.
- ¹⁸¹ Варшавское восстание в документах и архивах спецслужб. Варшава, М., 2007. С. 742.
- ¹⁸² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 42. Д. 550. Л. 26.
- ¹⁸³ Там же. П. 46. Д. 608. Л. 83; 10 августа опубликован указ Президиума ВС СССР об амнистии всем польским гражданам, осужденным за преступления на территории СССР, исключая тех, кто осужден за особо тяжкие преступления (шпионаж, бандитизм, убийство) (См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 167).
- ¹⁸⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 101.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 81.
- ¹⁸⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 164.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 165.
- ¹⁸⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 97–98.
- ¹⁹⁰ Там же. П. 23. Д. 242. Л. 16, 18.
- ¹⁹¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 257.
- ¹⁹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 242. Л. 16.
- ¹⁹³ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 89–94.
- ¹⁹⁵ *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 221.
- ¹⁹⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 154.
- ¹⁹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 242. Л. 18.
- ¹⁹⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 156.
- ¹⁹⁹ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 161.
- ²⁰⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1984. С. 214–215.

- ²⁰¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 39.
- ²⁰² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. М., 1974. С. 271–272.
- ²⁰³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 57.
- ²⁰⁴ Там же. П. 42. Д. 555. Л. 17–19.
- ²⁰⁵ Там же. П. 22. Д. 228. Л. 84.
- ²⁰⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 287.
- ²⁰⁷ Там же. Т. 2. С. 182.
- ²⁰⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 47.
- ²⁰⁹ Его председателем избран Иван Рибар — белградский адвокат, один из лидеров Демократической партии и председатель Учредительного собрания Югославии (См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 87).
- ²¹⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 85.
- ²¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 798. Л. 10; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 90.
- ²¹² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 106.
- ²¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 799. Л. 6, 9.
- ²¹⁴ Там же. Л. 29.
- ²¹⁵ Там же. Л. 30.
- ²¹⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 136.
- ²¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 57. Д. 791. Л. 12.
- ²¹⁸ Там же. П. 1. Д. 9. Л. 10.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ Там же. Л. 8–9.
- ²²¹ Там же.
- ²²² Там же. Л. 34.
- ²²³ *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 227.
- ²²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 57. Д. 791. Л. 16.
- ²²⁵ Там же. Л. 37.
- ²²⁶ Там же. Л. 43.
- ²²⁷ Там же. Л. 56.
- ²²⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 179.
- ²²⁹ *Тито И. Б.* Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 148.
- ²³⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 236.
- ²³¹ *Бережков В. М.* Указ. соч. С. 476.
- ²³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 40.
- ²³³ Там же. Л. 66.
- ²³⁴ Там же. Л. 51.
- ²³⁵ Там же. Л. 53.
- ²³⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 308–309.
- ²³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 796. Л. 24.
- ²³⁸ Там же. П. 15. Д. 150. Л. 16.
- ²³⁹ Там же. П. 16. Д. 157. Л. 1, 3.
- ²⁴⁰ В советском проекте соответствующего документа, адресованного Бельгии, употреблена схожая формула: в случае Бельгии вопрос оставлен на рассмотрение главнокомандующего.
- ²⁴¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 16. Д. 157. Л. 7.

- ²⁴² Там же. П. 15. Д. 150. Л. 8.
- ²⁴³ Там же. П. 14. Д. 141. Л. 3.
- ²⁴⁴ Там же. Л. 3.
- ²⁴⁵ Там же. Л. 9.
- ²⁴⁶ Там же. Л. 18.
- ²⁴⁷ Там же. Л. 20.
- ²⁴⁸ Там же. Д. 146. Л. 24.
- ²⁴⁹ Там же. Л. 29.
- ²⁵⁰ Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 20–21.
- ²⁵¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 104; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 63.
- ²⁵² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 57.
- ²⁵³ Россия — Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 249.
- ²⁵⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 225. Л. 35.
- ²⁵⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 274.
- ²⁵⁶ Там же. С. 299.
- ²⁵⁷ Россия — Франция. 300 лет особых отношений. С. 249.
- ²⁵⁸ *Davieau-Poussset S. Maurice Dejean, diplomate atypique. These de Doctorat d'Histoire du Centre d'Histoire de l'IEP de Paris, 2013. P. 226.*
- ²⁵⁹ На встрече И. В. Сталина с Ш. де Голлем 9 декабря.
- ²⁶⁰ *Lacouture J. De Gaulle. T. 2. Le Politique. Paris: Seuil, 1985. P. 94.*
- ²⁶¹ Россия — Франция. 300 лет особых отношений. С. 264.
- ²⁶² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 326–330.
- ²⁶³ Источник. 1995. № 4. С. 152–158; Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 22–23.
- ²⁶⁴ Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 23.
- ²⁶⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 26.
- ²⁶⁶ Там же. Л. 30.
- ²⁶⁷ Там же. Л. 30, 46.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 78.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 66.
- ²⁷⁰ Там же.
- ²⁷¹ Там же. Л. 2–6.
- ²⁷² Там же. Д. 141. Л. 49.
- ²⁷³ Там же. Д. 142. Л. 136.
- ²⁷⁴ Там же. Л. 110.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 171.
- ²⁷⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 150. Л. 8.
- ²⁷⁷ Там же. П. 16. Д. 158. Л. 7.
- ²⁷⁸ Там же. П. 15. Д. 150. Л. 117.
- ²⁷⁹ Там же. Л. 118.
- ²⁸⁰ Там же. Л. 20–21.
- ²⁸¹ Там же. Л. 51.
- ²⁸² Там же. Л. 16–24.
- ²⁸³ Там же. Л. 67.
- ²⁸⁴ Там же. Л. 65.
- ²⁸⁵ Там же. Л. 81.
- ²⁸⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 225. Л. 27.
- ²⁸⁷ Там же. П. 15. Д. 150. Л. 91–95.
- ²⁸⁸ Ялта-45. Начертания нового мира. М., 2010. С. 28.